

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА»
(САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)

На правах рукописи

Кривова Дарья Анатольевна

**ПОЛИТИКА КАБИНЕТА МИНИСТРОВ 1730-1741 ГГ. В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ И
МЕСТНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ НА
ЮГО-ВОСТОКЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ**

5.6.1. Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
исторических наук

Научный руководитель:
Дубман Эдуард Лейбович,
доктор исторических наук,
профессор

Самара, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. МЕСТО КАБИНЕТА МИНИСТРОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1730-1741 ГГ. В ИСТОРИОГРАФИИ.....	38
1.1. Кабинет министров как типовое учреждение эпохи абсолютизма: сравнение с опытом государственного управления некоторых западноевропейских стран XVI-XVII вв.	38
1.2. Характеристика Кабинета министров: история учреждения и состав	48
ГЛАВА 2. СИСТЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ С ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИМ СЕНАТОМ И ЦЕНТРАЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ В 1730-1741 ГГ.	71
2.1. Деятельность Правительствующего Сената.....	71
2.2. Взаимоотношения Кабинета и Правительствующего Сената	81
2.3. Взаимодействие Кабинета министров и центральных отраслевых учреждений	92
ГЛАВА 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ НА ЮГО- ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1730-Х ГГ.	103
3.1. Контроль Кабинета министров над строительством Новой Закамской и Украинской линий в первой половине 1730-х гг.	103
3.2. Роль Кабинета министров в подготовке и на начальном этапе деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734-1736 гг.	112
3.3. Стратегия Кабинета министров на Юго-Востоке европейской России в 1737-1739 гг.: сотрудничество с В.Н. Татищевым.....	129
3.4. Кабинет министров и события в Юго-Восточном регионе в 1739- 1741 гг.: завершение башкирских восстаний	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	166
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	174

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Государственные учреждения являются неотъемлемой частью функционирования современного государственного аппарата. Изучение их формирования и деятельности дает возможность проследить сущность организации государственного управления, а также выявить изменения в политической, социальной и экономической жизни страны на различных этапах ее исторического развития.

Кроме того, деятельность государственных учреждений неотделима от людей, которые ее осуществляют. Исследование функционирования властных структур неразрывно связано с изучением персональных характеристик «людей власти». Необходимо отметить, что анализ личностных мотивов, политических воззрений и интеллектуальных способностей представителей правящей элиты предоставляет возможность проследить становление и эволюцию стратегий и тактик решения политических задач, которые могли разрабатываться в государственных учреждениях независимо от официального законодательства.

Эти задачи особенно актуальны в отношении высших органов власти эпохи дворцовых переворотов (1725-1762 гг.). Так, в период 1730-х – начала 1740-х гг. ключевая роль в управлении государством принадлежала Кабинету министров, большая часть работы которого была связана с правлением Анны Иоанновны. Деятельность Кабинета редко становилась в центре внимания историков, поскольку его роль часто ошибочно соотносили с функцией личной канцелярии при монархе.

Вместе с тем актуальным является вопрос обращения к политике Кабинета на Юго-Востоке европейской России. Необходимо отметить, что именно на Юго-Востоке в период 1730-х гг. – начала 1740-х гг. был осуществлен ряд значимых политических шагов, связанных со строительством оборонительных линий, с подготовкой и деятельностью Оренбургской экспедиции (комиссии), а также выработкой линии поведения в отношении башкирского, казахского и других групп местного населения, а потому изучение политики Кабинета министров в

этом регионе является необходимым шагом для воссоздания процесса формирования Российской империи.

Таким образом, исследование деятельности Кабинета министров 1730-1741-х гг. в его взаимодействии с центральными органами власти и местными структурами на Юго-Востоке европейской России обладает высокой степенью научной актуальности, так как позволяет выявить основные задачи, которые ставило перед собой правительство в лице Кабинета министров, а также проблемы и противоречия, с которыми неизбежно приходилось сталкиваться властям в процессе функционирования государственных учреждений на центральном и местном уровне.

Объектом исследования является политика Кабинета министров в качестве высшего органа власти в 1730-1741 гг. **Предмет исследования** – взаимоотношения Кабинета с Сенатом, центральными отраслевыми учреждениями и местной администрацией в Юго-Восточном регионе европейской России.

Хронологические рамки исследования. Нижней хронологической границей работы является 1730 г., с которым связано начало царствования Анны Иоанновны и неофициального функционирования Кабинета министров. Верхнюю хронологическую границу исследования составляет декабрь 1741 г., когда Кабинет был ликвидирован при восшествии на престол новой императрицы – Елизаветы Петровны.

Территориальные рамки исследования определяются территорией Российской империи. Особое внимание в диссертационной работе уделено Юго-Восточному региону европейской России, под которым следует понимать территории Заволжья и Приуралья – регион сферы деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии), в частности, территории строительства Самарской линии и будущего Оренбурга, а также распространения башкирских восстаний 1735-1740 гг. Вместе с тем, в ряде случаев можно рассматривать этот регион более расширенно.

Степень разработанности темы исследования. Деятельность Кабинета министров 1730-1741 гг., как и ряда других высших государственных учреждений эпохи дворцовых переворотов, редко становилась объектом внимания исследователей. Поскольку само десятилетнее правление Анны Иоанновны чаще всего рассматривалось историками в негативном ключе, работа Кабинета расценивалась как малозначительная и незаметная. Между тем вопрос об эффективности политики Кабинета, в том числе его взаимодействия с центральными и местными учреждениями по-прежнему остается малоизученным.

В историографии вышеизложенной проблемы необходимо выделить три этапа: начальный – с первой половины XVIII в. по 1917 г., этап дореволюционной историографии; второй этап – с 1917 г. до конца 1980-х гг., этап советской историографии; третий этап – с начала 1990-х гг. до настоящего времени, современная отечественная историография.

Стоит отметить, что исследователи XVIII в. делали упор на оценку царствования Анны Иоанновны в целом, а также на характеристику отдельных личностей, имевших большой политический вес в изучаемую эпоху. В частности, историк князь М.М. Щербатов описывал правление Анны «как строгое, а иногда и тираническое». Несмотря на такую критическую оценку 1730-х гг., о личности самой Анны Иоанновны он отзывался положительно, обращая внимание на то, что императрица, хотя и не обладала выдающимся умом, но стремилась «старое учрежденное в порядке содержать». По его мнению, положительной характеристики заслуживали и такие фигуры, как «отличной разумом» Остерман и фельдмаршал Миних, «победитель над турками»¹.

Попытку дать объективную оценку царствованию Анны Иоанновны предпринял и Н.М. Карамзин в своей «Записке о древней и новой России». Согласно его точке зрения, императрица следовала курсу Петра I во внешней и

---

¹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Памятники литературы XVIII в. М., 2001. С. 27.

внутренней политике, а также стремилась исправить недостатки в системе государственного управления².

С 30-х гг. по 50-е гг. XIX в. относительно правления Анны Иоанновны среди историков преобладала концепция так называемого «немецкого засилья» во внешней и внутренней политике. Было принято считать, что вся власть в стране перешла к «немецкой партии» во главе с Э.И. Бироном – фаворитом императрицы. Например, И.И. Шишкин полагал, что в этот период немцы, заняв важнейшие должности в государственном аппарате, определяли основную линию царствования³.

Значительную роль в изучении эпохи Анны Иоанновны сыграли исследования С.М. Соловьева – представителя государственно-юридической школы в российской исторической науке. Примечательно, что в «Истории России с древнейших времен» Соловьева были впервые введены в научный оборот ценные документы, извлеченные из Кабинета министров Анны Иоанновны. Описывая политические события 1730 – начала 1740 г., историк придерживался традиционной точки зрения, согласно которой определяющую роль в правящей элите играл Бирон. Однако, рассматривая причины усиления иностранцев при Анне Иоанновне, историк делал вывод, что, получив в свои руки самодержавную власть, императрица должна была сосредоточить управление страной в руках людей, «вполне преданных, интересы которых оказались неразрывно связаны с ее интересами. Эти люди оказались иностранцы». Кроме того, следствием возвышения Бирона должно было стать недовольство русской правящей элиты, и потому Анне Иоанновне было естественно окружить себя людьми, которые не были против иностранного происхождения фаворита. Именно поэтому она опиралась на Остермана во внутренней политике, а на Миниха – во внешней⁴.

---

² Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 38-39.

³ Шишкин И.П. События в Петербурге в 1740 и 1741 годах // Отечественные записки (далее – ОЗ). 1858. № 5. С. 275-278.

⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. В 29 т. СПб., 1851-1879. Т. 19-21. С. 1212.

Н.И. Костомаров, представитель демократического направления в российской историографии, в своих исследованиях одним из первых отошел от традиционной концепции «бироновщины». Как полагал историк, важнейшая роль в управлении государством принадлежала самой императрице Анне Иоанновне, а не немцам. В целом он давал ее царствованию положительную оценку, считая, что правление Анны Иоанновны можно рассматривать как продолжение политики Петра I⁵.

В последней четверти XIX в. в рамках концепции «бироновщины» и особой немецкой партии во внутренней и внешней политике страны писал В.О. Ключевский. Историк полагал, что ключевая роль в государстве принадлежала Бирону, а Остерман и Миних были лишь исполнителями его воли. Негативной оценки в его понимании заслуживал и Кабинет министров, который из-за неопределенной компетенции представлял собой «не то личную контору императрицы, не то пародию на Верховный тайный совет»⁶.

Необходимо обратить внимание, что во второй половине XIX в. появился ряд исследований, посвященных биографиям кабинет-министров. Об А.И. Остермане писал А.Н. Шубинский, который пытался дать Андрею Ивановичу взвешенную оценку как одному из важнейших государственных деятелей изучаемой эпохи⁷. Особо стоит отметить очерки Д.А. Корсакова, который стал одним из первых историков, подробно изучивших деятельность А.П. Волынского, а также его политические взгляды. В своих работах историк придерживался мнения, что Волынский являлся объединительным звеном образованной части русского дворянства и выступал против «немецкого засилья»⁸.

---

⁵ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 2003. Т. 4. С. 344-346.

⁶ Ключевский В.О. Сочинения в 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 273.

⁷ Шубинский С.Н. Граф Андрей Иванович Остерман. 1686-1746. Биографический очерк. СПб., 1863.

⁸ Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский: Биографический очерк // Древняя и новая Россия. Т. 1. № 4. 1877; Его же. Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты» // Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891; Его же. Воцарение Анны Иоанновны. Казань, 1880.

В конце XIX в. впервые появились работы, где была проанализирована история Кабинета министров как особого государственного органа при Анне Иоанновне. В частности, по данному вопросу заслуживают упоминания научные труды юриста А.Н. Филиппова. По поручению Императорского русского исторического общества исследователь издал собранные им из петербургских и московских архивов «Бумаги кабинета императрицы Анны Иоанновны». На основе этих материалов он написал ряд работ, в которых отметил преемственную связь между Верховным тайным советом и Кабинетом⁹.

Кроме того, на рубеже XIX-XX вв. сама концепция «бионовщины» претерпевает некоторую трансформацию в сторону более объективной оценки периода 1730-х гг. Начало ей было положено исследованием В.Н. Строева «Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны». В своей монографии историк сделал попытку опровергнуть устоявшийся в историографии негативный образ императрицы, а также тезис о «засилье иностранцев». Примечательно, что политику Кабинета министров он рассматривал как продолжение петровских преобразований. Кроме того, Строев отмечал, что Кабинет министров претерпел большую трансформацию после указа 9 июня 1735 г.¹⁰

В этом отношении его позицию поддержал и другой отечественный ученый – В.Н. Бондаренко, также отмечавший ключевое значение указа 1735 г. По его мнению, с этого момента все правительственные учреждения, за исключением отчасти Синода, официально оказались в подчинении у Кабинета¹¹.

---

⁹ Филиппов А.Н. История Сената в правление Верховного тайного совета и Кабинета. Юрьев, 1895; Его же. К вопросу о Верховном тайном совете // Русская мысль. 1896. № 7; Его же. Кабинет министров и Правительствующий Сенат // Сборник правоведения и общественных знаний. М., 1897. Т. 7; Его же. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев, 1898; Его же. Новые данные о Кабинете министров императрицы Анны Иоанновны // Русская мысль (далее – РМ). М., 1901. Кн. 1; Его же. Правительствующий Сенат в царствование Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича // История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. СПб., 1911. Т. 1.

¹⁰ Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны. М., 1909-1910.

¹¹ Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета министров Анны Иоанновны. М., 1913. С. 5-6.

Необходимо акцентировать внимание на то, что в 1911 г. было издано коллективное исследование, посвященное роли Кабинета министров в области государственного управления – «Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904». Начиная с учреждения Кабинета в 1704 г. при Петре I, историки рассматривали его дальнейшую эволюцию при других правителях. Относительно Кабинета министров при Анне Иоанновне ученые делали вывод, что этот государственный орган имел предшественников в качестве петровского кабинета и Верховного тайного совета¹².

В целом, говоря о литературе дореволюционного периода, можно сделать вывод, что деятельность Кабинета министров 1730-1741 гг. была изучена достаточно поверхностно и фрагментарно. Его роль часто ошибочно соотносили с функцией личной канцелярии при монархе. Кроме того, в связи с появлением историографического мифа о «засилье немцев» и «бироновщине» при Анне Иоанновне искажению было подвержено само восприятие механизма воздействия центральных властей на государственное управление.

В советский период царствование Анны Иоанновны как предмет самостоятельного изучения практически не рассматривалось историками, присутствуя в основном в качестве фрагмента в обобщающих работах или же как элемент учебного курса истории. Политика самого Кабинета министров как одного из важнейших аспектов царствования была еще менее разработанной.

К примеру, в 1920-е гг. М.Н. Покровский, рассматривая царствование Анны Иоанновны в контексте «бироновщины», вернул в историографию тезис о «немецком господстве», однако подверг его некоторому изменению – «иноземное иго» теперь означало преобладание западноевропейского капитала над русской внутренней и внешней политикой. Что касается непосредственно самого Кабинета министров, то Покровский пришел к выводу, что этот орган государственного управления представлял собой фактически возвращенный Верховный тайный совет. Подчеркивая негативное значение Кабинета, историк

---

¹² Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904. СПб., 1911. С. 290.

писал, что при знакомстве с его документацией «поражает картина политического измельчания функций»¹³.

Впоследствии, уже в 1930-е гг., в контексте критики школы Покровского сосредоточение внимания на экономическом аспекте правления Анны Иоанновны отошло на второй план. Однако исследователи по-прежнему придерживались дореволюционной концепции «немецкого засилья». Например, М.И. Семин писал, что Анна Иоанновна отдала власть «шайке немецких проходимцев». А Кабинет министров, по его мнению, представлял собой лишь инструмент влияния определенного круга лиц, с помощью которого они удовлетворяли свои личные интересы¹⁴. Подобных взглядов придерживалось большинство историков этого и отчасти последующего периода – вплоть до конца 1980-х гг. появлялись исследования, отражавшие подобную точку зрения. К примеру, исследователь В.В. Мавродин в своем труде «Рождение новой России» не отрицал бироновщины и существования проблемы немецкого засилья при Анне Иоанновне¹⁵.

На фоне этих работ несколько выделяется исследование Я.Я. Зутиса, который отвергал идею русско-немецкого противостояния. Как он полагал, внутренняя политика царствования в первую очередь была направлена на удовлетворение сословных интересов дворянства, а не немецкой правящей группировки¹⁶.

Достаточно кратко о Кабинете 1730-1741 гг. упоминается в монографии Н.П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России». Идею возникновения Кабинета он связывал с «победой определенной группировки в борьбе за власть». Говоря о роли Кабинета во внутренней политике, историк утверждал, что этот государственный орган по своим полномочиям был сходен с Верховным тайным советом¹⁷.

---

¹³ Покровский М.Н. Русская история с древнейших времен. Т. 3. СПб., 2002. С. 190.

¹⁴ Семин М.И. Бироновщина // Исторический журнал. 1938. № 4. С. 25-39.

¹⁵ Мавродин В.В. Рождение новой России. Л., 1988. С. 335-336.

¹⁶ Зутис Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII в. Рига, 1946. С. 129-133.

¹⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 110-111.

Следующий этап внимания к правлению Анны Иоанновны совпал с началом процесса десталинизации. Так, в 1950-1980-х гг. оценка эпохи 1730-х гг. носила уже не такой негативный характер, как десятилетия ранее. Например, С.М. Троицкий в своих работах подчеркивал, что именно в период царствования Анны Иоанновны со стороны правительства были предприняты попытки навести порядок в финансовой сфере. Ряд определенных мер в этом направлении был предпринят еще Верховным Тайным советом, а затем продолжен непосредственно Кабинетом министром¹⁸.

Таким образом, советская историография в целом придерживалась традиционной точки зрения о «немецком засилье» в период правления Анны Иоанновны, а исследование роли Кабинета министров по большей части сводилось к его сравнению с политикой Верховного тайного совета. Притом эти два учреждения преимущественно рассматривались как идентичные по своим функциям. Кроме того, деятельность центральных властей 1730-х – начала 1740-х гг. на Юго-Востоке была практически не изучена.

В постсоветский период в изучении эпохи правления Анны Иоанновны можно отметить всплеск интереса как к царствованию в целом, так и к биографиям отдельных политических деятелей. Так, в 1990-е – начало 2000-х гг. выходят исследования Н.И. Павленко и Е.В. Анисимова.

Монографии Н.И. Павленко, несмотря на то, что исследователь в целом придерживался концепции «немецкого засилья», интересны тем, что ее автор полагал: политика правительства эпохи Анны Иоанновны была обусловлена особенностями экономической конъюнктуры времени, и потому правительство действовало в рамках политики меркантилизма. Работу Кабинета он оценивал, как логическое продолжение петровских реформ, которое осуществлял так называемый «немецкий триумvirат» в составе Э.И. Бирона, А.И. Остермана и Б.Х. Миниха¹⁹.

---

¹⁸ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М., 1966; Его же. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974; Его же. Россия в XVIII веке. М., 1982.

¹⁹ Павленко Н.И. Страсти у трона. М., 1996; Его же. Вокруг трона. М., 1998; Его же. Соратники Петра. М., 2001; Его же. Анна Иоанновна. Немцы при дворе. М., 2002.

Е.В. Анисимов известен как автор первой в России научной биографии императрицы Анны Иоанновны. Кроме того, если в своем раннем труде «Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра» историк изначально придерживался концепции «немецкого засилья» во внутренней и внешней политики царствования и режима «бироновщины», то в более поздних работах пришел к выводу, что немцы «посыпались» в Россию задолго еще до царствования императрицы Анны, и их количество никогда не представляло опасности для национального существования государства. По мнению историка, эпоха правления Анны Иоанновны проверила на прочность реформы Петра – именно в 1730-е гг. Россия «закрепилась в европейской ойкумене»²⁰.

Как считал историк, вероятно, что Анна Иоанновна ликвидировала Верховный тайный совет не как государственную структуру, а как враждебный ей политический орган. Потребность в высшем учреждении, подобном Верховному тайному совету, все равно осталась, что было обусловлено учреждением Кабинета министров в другом составе, но с той же целью, компетенциями и функциями²¹.

Существенный вклад в изучение эпохи правления Анны Иоанновны в 2000-2010-х гг. внесли также И.В. Курукин и Н.Н. Петрухинцев.

И.В. Курукин относительно справедливости точки зрения о «немецком засилье» вполне солидарен с Анисимовым. В своей монографии «Эпоха дворских бурь: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг.» историк пришел к выводу, что так называемая эпоха «бироновщины» на деле представляла собой возвращение к курсу Петра I, основной целью которого являлся приоритет государственных потребностей.

Кроме того, Курукин полагал, что деятельность Кабинета министров все же отличалась от Верховного совета, так как сфера основной компетенции Кабинета ограничивалась преимущественно внутренним управлением²².

---

²⁰ Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 422-423.

²¹ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра. М., 1986; Его же. Россия без Петра. СПб., 1994; Его же. Анна Иоанновна. М., 2002.

²² Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. Рязань, 2003; Его же. Бирон. М., 2006; Его же. Артемий Волынский. М.,

Н.Н. Петрухинцев является автором фундаментальных трудов, посвященных комплексному изучению внутренней политики 1730-х гг. Исследуя отдельные аспекты правления Анны Иоанновны, исследователь обратил внимание, что на протяжении 1730-х гг. внутривластный курс страны оставался бессистемным. Комплекс реформ, запланированных в начале царствования Анны Иоанновны, так и остался нереализованным на практике. Подобная ситуация, по мнению ученого, сложилась вследствие затяжных и продолжительных войн, а также придворных интриг, препятствующих консолидации в Кабинете министров, игравшем центральную роль в формировании внутренней политики. Тем не менее исследователь предположил, что основным результатом царствования стала стабилизация политической системы, созданной Петром I²³.

Исследованию роли иностранцев в правящей элите 1730-х гг. посвящены работы О.Д. Столярова. В своей диссертации автор выявил, что царствование Анны Иоанновны стало временем наибольшего могущества иностранцев, однако данное обстоятельство не привело к формированию при дворе немецкой политической «партии» с единой линией поведения²⁴.

Комплексной работой по Кабинету министров 1730-1740 гг. стала диссертация Е.Н. Савельевой. По мнению исследовательницы, Кабинет 1730-х гг. представлял собой прежде всего административный орган, основными функциями которого было решение внутривластных вопросов. Подробно рассмотрев предпосылки и причины образования Кабинета, проанализировав его

2011; Его же. Анна Леопольдовна. М., 2012; Его же. Анна Иоанновна. М., 2014; Его же. «Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно: Административная повседневность провинции в эпоху «бириновщины» // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 6-1 (39). С. 35-46; Его же. Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов» (культурологический аспект) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 42–65.

²³ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота М., 2001; Его же. Раскол на Яике // Родина. 2004. № 5. С. 78-81; Его же. Интриги 1730-х годов и «дело» А.П. Волынского // Вопросы истории. М., 2006. № 4. С. 30-47; Его же. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740 гг.). М., 2014.

²⁴ Столяров, О.Д. Внутривластная деятельность А.И. Остермана в период правления Анны Иоанновны // Вестник СамГУ. 2011. № 7 (88). С. 45-48; Его же. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014.

компетенцию, а также особенности персонального состава, автор практически не уделила внимания политике Кабинета на местном уровне управления. Также автор частично соотносит роль Кабинета с функцией личной канцелярии при Анне Иоанновне и в качестве предшественников изучаемого государственного учреждения называет Приказ тайных дел Алексея Михайловича и петровский Кабинет, что на наш взгляд, стоит подвергнуть сомнению. Недостатком данной работы является и то, что исследовательница, также, как и до нее А.Н. Филиппов, обозначила верхнюю хронологическую границу 1740 г. – концом правления Анны Иоанновны, хотя деятельность Кабинета продолжилась и после смерти императрицы²⁵.

А.В. Демкин в своей монографии «Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731-1740 гг.» обратился к малоизученному направлению – исследованию решений Кабинета по вопросам финансов, землевладения и землепользования, торговли, промышленности, развития инфраструктуры и судопроизводства в губерниях и отдельных городах. Тем не менее, полностью сосредоточившись на деятельности Кабинета, автор уделил мало внимания роли Сената, функционирование которого было прочно связано с Кабинетом. Кроме того, исследователь, частично затронув роль Кабинета на Юго-Востоке, сконцентрировался только на башкирской проблеме и упустил из виду непростые взаимоотношения центральных властей с казаками и калмыками, а также с представителями местной русской администрации²⁶.

Различным аспектам деятельности Кабинета министров, а также полномочиям Сената посвящены статьи А.В. Фаизова. На основе источникового материала, введенного в научный оборот в дореволюционную эпоху историк делает вывод, что по мере роста объема компетенции и отхода императрицы от дел Кабинет сосредоточил в своих руках все управление государством. Особое

---

²⁵ Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

²⁶ Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731-1740 гг. М., 2021.

внимание исследователь также уделил развитию аппарата, классификации делопроизводственной документации Кабинета и т.д.

Что касается Сената, то автор предположил, что полномочия этого государственного учреждения в период 1730-х – начала 1740-х гг. по сравнению с 1725 г. подверглись незначительному сокращению. Вместе с тем Сенат в большинстве случаев должен был решать возложенные на него задачи самостоятельно, хотя его члены часто стремились перенаправить любой неоднозначный вопрос в Кабинет²⁷.

В 2010-е гг. также можно отметить ряд диссертаций и статей, посвященных отдельным персоналиям эпохи 1730-х гг. Так, А.С. Лыцова рассмотрела внутривластную деятельность А.И. Остермана. В своих работах она предположила, что Остерман принадлежал к тому типу государственных деятелей, которых можно причислить к исполнительным чиновникам – «бюрократам», а не к реформаторам²⁸. О деятельности А.П. Волынского писал Н.Н. Крючков. По его мнению, именно при Волынском возросло воздействие Кабинета на политическую жизнь страны. Кроме того, на протяжении своей

---

²⁷ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2016. № 4 (35). С. 34-43; Его же. Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730-1741 годах: стадии роста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, философия. 2017. № 1. С. 49-62; Его же. Делопроизводственная документация Кабинета министров в 1731-1741 гг. // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. 3 (23). С. 38–48; Его же. Организационная структура Сената в 1730-1741 гг. 2017. № 4. С. 56-81; Его же. «Присутствие» Кабинета министров (1731-1741 гг.) // Вестник Сургутского государственного университета. 2019. № 4. С. 26-35; Его же. Аппарат Кабинета министров (1731-1741) // Петербургский исторический журнал. 2020. № 1 (25). С. 37-51; Его же. «Посыльные Кабинета министров» (1731-1741 гг.): курьерская должность и повседневные эпизоды службы // Ученые записки Орловского государственного университета. 2019. № 3. (84). С. 40-44; Его же. Состав Кабинета министров в 1731-1733 годах: персональная деятельность членов // Вестник гуманитарного образования. 2021. № 4 (24). С. 20-26; Его же. Состав Кабинета министров в 1734-1741 годах: деятельность основных персоналий // Россия XXI. 2021. № 4. С. 82-107.

²⁸ Лыцова А.С. Внутривластная деятельность графа А.И. Остермана в 1730-1741 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017; Ее же. Роль графа А.И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е – начале 1740-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (22). С. 150-161; Ее же. Внутривластная деятельность А.И. Остермана в 1730-х-начале 1740-х гг. в воспоминаниях современников // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 144-151; Ее же. Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственных деятелей Б.Х. Миниха и А.И. Остермана // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 3. С. 25-31.

деятельности на посту кабинет-министра Артемий Петрович проявлял себя как самостоятельная фигура, зачастую поступая вопреки интересам «патрона» Бирона и членов Кабинета. Так, активная позиция Волынского нашла отражение в сочинении «проектов», в которых выразились его политические взгляды и проводимый им про шляхетский курс во внутренней политике²⁹. Роль «прожекторской» деятельности Волынского высоко оценена в статье С.В. Польского. Исследователь полагает, что «Генеральный проект» Артемия Петровича является свидетельством роста дворянского самосознания, а самого кабинет-министра следует считать одним из крупнейших идеологов русского дворянства первой половины XVIII в.³⁰

Важным направлением в развитии исследований, посвященных периоду 1730-х – начала 1740-х гг., следует считать изучение политики центральных и местных властей на Юго-Востоке.

Первым исследователем деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) можно назвать П.И. Рычкова, являвшегося непосредственным участником событий 1730-1740-х гг. в Юго-Восточном регионе. Автор предоставил ценные сведения об истории принятия Малым казахским жузом российского подданства, основании Оренбурга и строительстве Самарской линии, башкирских восстаниях 1735-1740 гг. Примечательно, что в своей работе Рычков приводил практически дословный текст содержания указов Кабинета и Сената, а также донесений руководителей экспедиции и других представителей местной администрации³¹.

Большой вклад в систематизацию и публикацию архивных материалов по истории и заселению Оренбургского края в конце XIX – начале XX вв. внес дореволюционный историк А.И. Добросмыслов – участник Оренбургской ученой

---

²⁹ Крючков Н.Н. Артемий Петрович Волынский: личность и деятельность: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 2008; Его же. Позиция А.П. Волынского при обсуждении анонимного проекта «об экономических и промышленных нуждах России» 1735 года // Вестник Пермского университета. 2015. № 1. С. 174-182.

³⁰ Польской С.В. Артемий Волынский и его «злодейские рассуждения и проект» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2008. Т. 10. № 1. С. 7-14.

³¹ Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896.

архивной комиссии. Одним из наиболее важных достижений Добросмыслова стоит назвать публикацию материалов, впервые введенных в научный оборот – посвященных основанию Оренбурга и башкирским восстаниям 1730-х гг.³².

В фундаментальном коллективном труде «Очерки по истории Башкирской АССР» (Т. 1) рассмотрен процесс колонизации Башкирии с древнейших времен до второй половины XVIII в. В этом исследовании показано, как путем активизации политики властей Башкирия превратилась во внутреннюю провинцию Российской империи³³.

История колонизации Юго-Востока России на современном историографическом этапе также нашла отражение в работах региональных историков.

Так, монография Э.Л. Дубмана, основанная на широком привлечении архивных материалов, посвящена истории создания Новой Закамской линии – системы оборонительных укреплений на Юго-Востоке России, возведенной при поддержке Сената и Кабинета министров. Исследователь доказал, что идея строительства Новой Закамской линии в первой половине 1730-х гг. вскоре потеряла свою актуальность в связи с тем, что правительство осознало, что для дальнейшего продвижения на Юго-Восток, в степи Заволжья и Приуралья, в Казахстан и Среднюю Азию нужен другой проект, направленный на решение более глобальной геополитической задачи³⁴.

Ю.Н. Смирнов внес существенный вклад в изучение деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) в контексте включения территории Заволжья в состав Российской империи в 1730-1740-х гг. Стоит отметить, что в монографии «Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века» историк сосредоточил основное внимание на деятельности руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) в изучаемом регионе. Кроме того, исследователь выявил, что успехи в ходе присоединения и

---

³² Добросмыслов, А.И. Тургайская область. Исторический очерк: [в 3 выпусках] / А. И. Добросмыслов. Т. 1, [вып. 3]. Тверь, 1902.

³³ Очерки по истории Башкирской АССР: в 2 т. Т. 1. Уфа, 1956. Ч. 1.

³⁴ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект и строительство. Самара, 2005.

начального освоения Заволжья были обусловлены совместными усилиями центральных и местных властей, а также близостью интересов различных этнических групп в этих процессах.

Кроме того, исследователь ввел в научный оборот совокупность важных источников по изучаемому периоду – сборник экстрактов именных указов 1734-1741 гг., каждый из которых излагает сводку правительственных распоряжений, направленных руководителям Оренбургской экспедиции (комиссии)³⁵.

В коллективной монографии «Обретение Родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.)» Под редакцией П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой рассмотрен процесс формирования российской государственности на Юго-Востоке европейской России. В первой части исследователи сделали вывод, что территории Среднего Поволжья и Заволжья, являющиеся особой составной частью Юго-Востока европейской России, можно охарактеризовать как пространство особого типа – «внутреннюю окраину» Российской империи³⁶. Во второй части монографии авторами были проанализированы характерные особенности складывания в Юго-Восточном регионе различных систем населения; его этнического,

---

³⁵ Смирнов Ю.Н. Деятельность Оренбургской экспедиции под руководством И.К. Кирилова в Заволжье // Самарский земский сборник. Вып. 3. Самара, 1996; Его же. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара, 1997; Его же. Народ и власть в освоении Российского Заволжья, XVIII - середина XIX вв.: дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 1999; Его же. Башкиры Самарского Заволжья: включение в имперское пространство России XVIII-XIX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 4 (202). С. 161-173; Его же. Статус и границы башкирских земель в Степном Заволжье в конце XVIII-XIX в. // Проблемы востоковедения. 2021. № 3 (93). С. 8-14; Его же. Сборник экстрактов именных указов 1734-1741 гг. (в комплексе материалов Оренбургской комиссии - источников по истории отношения России с народами Средней Азии) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5. (153) / под ред. Арапова Д.Ю. М., 2002. С. 11-31.

³⁶ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2013. С. 14.

конфессионального состава и численности, а также направление и интенсивность миграционных процессов на разных этапах его колонизации³⁷.

История строительства городов-крепостей на Юго-Востоке европейской России проанализирована в исследованиях Р.Г. Букановой³⁸. На основе привлечения архивных данных историк предположила, что XVIII в. стал переломным в истории становления городов в Башкирии. Согласно точке зрения автора, именно строительство Оренбурга способствовало освоению и заселению, а также социально-экономическому развитию Юго-Восточного региона России.

Оборона южных рубежей России в XVIII в., в частности, строительство Украинской линии и судьба Украинского ландмилицкого корпуса в 1710-1780 гг. рассмотрены в диссертации Е.А. Гуковой³⁹. К сожалению, о роли Кабинета 1730-1741 гг. в процессе строительства Украинской линии в работе практически не было сказано.

Большой пласт литературы посвящен башкирским восстаниям 1735-1740 гг., сыгравшим значимую роль в изменении стратегии правительства на Юго-Востоке страны. Так, весомый вклад в изучение истории башкирских восстаний XVII—XVIII вв. внес советский и российский историк И.Г. Акманов⁴⁰. В своих работах исследователь пришел к выводу, что башкирские восстания в первую очередь представляли собой движение за сохранение первоначальных условий вхождения башкир в состав Российского государства. Система

---

³⁷ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014.

³⁸ Буканова Р.Г., Игдавлетов И.С. Башкирия и исламский фактор в юго-восточной политике России в XVII – первой половине XIX века. Уфа, 2021; Буканова Р.Г. Города-крепости России юго-востока России в XVIII веке: История становления городов на территории Башкирии. Уфа, 1997; Буканова Р.Г., Игдавлетов И.С. Башкирия и исламский фактор в юго-восточной политике России в XVII – первой половине XIX века. Уфа, 2021.

³⁹ Гукова Е.А. Оборона южных рубежей в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус: 1710-1788 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁴⁰ Акманов И.Г. Башкирские восстания XVII-XVIII веков – феномен в истории народов Евразии. Уфа, 2016; Его же. Оренбургская экспедиция и восстание 1735-1736 гг.: неизбежно ли было это массовое движение? // Оренбург. Вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт: материалы и тезисы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 260-летию г. Оренбурга. Оренбург, 2003. С. 55-60.

управления Башкирией в XVII – первой трети XVIII вв. была рассмотрена в исследованиях Н.Ф. Демидовой⁴¹.

Из современных историков, занимавшихся исследованием позиции башкир по отношению к политике центральных властей в Юго-Восточном регионе в XVI-XVIII вв., следует отметить А.З. Асфандиярова, который исследовал условия вхождения Башкирии в состав России⁴². Также изучению процессов интеграции башкирского общества в административную структуру Российской империи, формированию этнического и социального состава региона посвящены исследования А.Б. Азнабаева⁴³.

Кроме того, деятельность А.И. Тевкелева на Юго-Востоке России в 30–50-х гг. XVIII в. проанализирована в диссертации И.Н. Байназарова⁴⁴. Специфика взаимоотношений властей и башкирского населения в начальный период деятельности Оренбургской экспедиции рассмотрена в диссертации И.К. Имангалина⁴⁵; истории башкирского восстания 1739-1740 гг. посвящена диссертация И.Ф. Амантаева⁴⁶. Тем не менее роль Кабинета в этих сюжетах практически не отражена и потому нуждается более подробном изучении.

Также в рамках региональных исследований по Юго-Востоку стоит отметить работы Н.Г. Аполловой по положению казахов в первой половине XVIII в. В своих исследованиях автор рассматривает причины и предпосылки присоединения Казахстана к России, анализирует социальные отношения в

---

⁴¹ Демидова Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. М., 1961. Т. 68. С. 45-72.

⁴² Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI - первая половина XIX в.). Уфа, 2006.

⁴³ Азнабаев А.Б. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в. Уфа, РИИЦ БашГУ, 2005; Его же. Башкирское общество в XVII - первой трети XVIII в. Уфа, 2016.

⁴⁴ Байназаров И.Н. А. И. Тевкелев и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30–50-х гг. XVIII века: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2005.

⁴⁵ Имангалин И.К. Башкирский край в первой трети XVIII века и Оренбургская экспедиция: опыт социально-политического взаимодействия: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2013.

⁴⁶ Амантаев И.Ф. Башкирское восстание 1739-1740 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2012.

казахских жузах⁴⁷. Социально-политическое развитие и экономическое положение калмыков в XVII-XIX вв. рассмотрено в работе К.П. Шовунова⁴⁸. Однако политика центральных властей 1730-х – начала 1740-х гг. в данных монографиях изложена поверхностно.

Таким образом, можно прийти к заключению, что современный историографический этап стал наиболее результативным по количеству работ как по эпохе 1730-х – начала 1740-х гг. в целом, так и по деятельности Кабинета министров. Важно отметить, что именно в постсоветский период среди историков потерял актуальность тезис о «немецком засилье» и режиме «бириновщины» в 1730-е гг.

Итак, на основе вышеизложенного историографического анализа можно сделать вывод, что деятельность Кабинета министров нуждается в изучении, поскольку аспект его взаимоотношений с центральными и местными органами власти по-прежнему остается недостаточно раскрытым. Стоит подчеркнуть, что именно на Юго-Востоке в период 1730-х – начала 1740-х гг. был осуществлен ряд значимых политических шагов, а потому исследование деятельности Кабинета в этом регионе является актуальным.

Исследовательская проблема диссертации заключается в установлении реконструкции стратегии Кабинета министров 1730-1741 гг. в его взаимодействии с центральными органами власти и местными учреждениями в Юго-Восточном регионе европейской России.

Целью настоящего исследования является изучение роли Кабинета министров в качестве высшего учреждения при императрице в процессе его взаимодействия с центральными органами власти и местной администрацией на Юго-Востоке европейской России в 1730-1741 гг. Особое внимание уделено деятельности руководства Кабинета министров и Сената в связи с обострением

---

⁴⁷ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века Алма-Ата, 1948; Ее же. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX в. М., 1960.

⁴⁸ Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества. Элиста, 1992.

обстановки в зоне работ Оренбургской экспедиции (комиссии), вызвавшим волнения башкирского, казахского и других групп местного населения.

Для достижения поставленной цели были поставлены следующие **задачи исследования**:

- охарактеризовать Кабинет министров 1730-1741 гг. как типовое учреждение эпохи абсолютизма в контексте его сравнения с опытом государственных учреждений некоторых западноевропейских стран XVI-XVII вв.;

- рассмотреть историю учреждения Кабинета министров и его состав;

- исследовать деятельность Правительствующего Сената в 1730-1741 гг.;

- раскрыть эволюцию взаимоотношений Кабинета министров с Сенатом;

- проанализировать порядок взаимодействия Кабинета министров и центральных отраслевых учреждений;

- изучить политику Кабинета министров в процессе строительства Новой Закамской и Украинской линий в первой половине 1730-х гг.;

- выявить роль Кабинета министров в подготовке и на начальном этапе деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734-1736 гг., а также его реакцию на башкирское восстание 1735-1736 гг.;

- дать анализ эволюции стратегии Кабинета министров на Юго-Востоке европейской России в период руководства Оренбургской экспедицией (комиссией) В.Н. Татищевым в 1737-1739 гг. в контексте очередного башкирского восстания и растущего напряжения во взаимоотношениях с казахскими и калмыцкими правителями;

- оценить политику Кабинета министров в условиях завершения башкирских восстаний на Юго-Востоке в 1739-1741 гг.

Источниковая база исследования. Для достижения поставленной цели и решения задач в исследовании были использован комплекс различных по характеру неопубликованных и опубликованных источников.

В частности, в работе были применены *архивные материалы* из 10 фондов центральных архивов – Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Российского государственного исторического архива (РГИА), а также

региональных архивов – Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) и в небольшой степени – Научного архива Уфимского научного центра Российской академии наук (НА УНЦ РАН).

По содержательно-функциональному признаку нами были выделены следующие группы исторических источников: 1) законодательные документы; 2) делопроизводственные материалы; 3) источники личного происхождения.

Законодательные документы представляют собой акты, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи⁴⁹. В целом законодательные материалы можно разделить на три важные подгруппы: именные указы – распоряжения самой Анны Иоанновны, сенатские указы – постановления Сената от его имени, а также указы Кабинета министров. Основная ценность законодательных документов заключается в том, что они позволяют восстановить четкую хронологическую картину принятия государственных решений в 1730-1741 гг., а также дают возможность рассмотреть правовое положение изучаемых государственных учреждений. В частности, совокупность именных указов от 1 июня 1730 г. позволила сделать вывод, что именно Сенату первоначально предстояло выступить в роли проводника основных направлений внутривластной программы Анны Иоанновны⁵⁰. Также в качестве примера одним из важнейших законодательных актов по деятельности центральных властей на Юго-Востоке можно назвать именной указ от 11 февраля 1736 г. Так как этот указ имел такое важное значение, он получил несколько более поздних копий, отправленных в Сенат. Известно, что именно в нем отразились правительственные реакции на башкирское восстание 1735-1736 гг. Одним из его ключевых положений стал пункт о разрешении продажи башкирских земель – таким образом, им отменялось ограничение, существовавшее еще с Соборного Уложения 1649 г.⁵¹.

---

⁴⁹ Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ-I), изд. 1. СПб., 1830. Т. 7-11.

⁵⁰ ПСЗ-I. Т. 8. № 5566-5571. С. 284-289.

⁵¹ ПСЗ-I. Т. 9. № 6889. С. 740-741.

Существенным недостатком данной группы документов можно назвать то, что механизмы функционирования государственных органов на практике могли сильно отличаться от официального законодательства. Также законодательные документы оставляют без внимания неофициальную сторону принятия решений – в них трудно увидеть кулуарное влияние лиц, часто не имевших высоких должностей в государственном аппарате, но обладавшим весомым авторитетом при дворе.

Делопроизводственные материалы составляют следующую важную группу источников. Так, архивные материалы фондов РГАДА «Переписка разных лиц XVII-XIX вв.» (№ 11⁵²), «Внутреннее управление⁵³» (№ 16) и «Финансы» (№ 19⁵⁴), а также фонды РГИА «Кабинет Его Императорского Величества⁵⁵» (№ 468) и «Именные указы и Высочайшие повеления Сенату⁵⁶» (№ 1329) дали возможность проследить роль самих кабинет-министров в государственном управлении периода 1730-х – начала 1740-х гг., а также выявить специфику неформальных отношений среди представителей правящей элиты. К примеру, среди документов фонда «Финансы» были найдены частично введенные в научный оборот бумаги Остермана по экономическому переустройству Российской империи.

Благодаря архивным материалам фондов РГАДА «Кабинет министров, г. Санкт-Петербург⁵⁷» (№ 177) и «Сенат и его учреждения⁵⁸» (№ 248) нами была выявлены различные аспекты взаимоотношений между Кабинетом министров, Правительствующим Сенатом и руководящими лицами Оренбургской экспедиции (комиссии), Комиссии башкирских дел – И.К. Кириловым, В.Н. Татищевым, В.А. Урусовым и Л.Я. Соймоновым. В эту же подгруппу архивных источников можно отнести документы фондов ОГАОО «Оренбургская экспедиция, г. Уфа

⁵² РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 510.

⁵³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3, 104, 156, 159, 160, 185.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 44.

⁵⁵ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3857, 3859, 3866.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 34.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 3, 4, 31, 45, 46, 47, 48, 49, 52, 53, 54, 68, 78, 93, 106, 107. Оп. 2. Д. 5, 13, 19, 31, 32.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 140; Оп. 17. 134, 139, 2085.

Оренбургской губернии 1734-1737 гг.»⁵⁹ (№ 1) и «Канцелярия Оренбургской комиссии, г. Самара Оренбургской комиссии 1737-1744 г.»⁶⁰ (№ 2), откуда также были извлечены сведения о ходе Оренбургской экспедиции (комиссии), дипломатических отношениях центральных и местных российских властей с казахскими и калмыцкими правителями. К этой же подгруппе материалов относятся документы НА УНЦ РАН, где нами был выявлен фонд личного происхождения уфимского краеведа Волкова Д.С.⁶¹ (№ 23) по истории башкирских восстаний 1730-х гг.

В целом все эти материалы позволили увидеть, что на протяжении 1730-1741-х гг. именно Кабинету министров приходилось брать на себя ответственность при решении важнейших вопросов на Юго-Востоке европейской России – в частности, в его компетенции находилась практика назначения лиц на руководящие должности, основная линия поведения относительно башкирского вопроса и т.д. Вместе с тем материалы позволили выявить и эволюцию роли Кабинета – если в первой половине 1730-х гг. с второстепенными задачами по деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии), подавлению башкирских восстаний вполне справлялся Сенат, то во второй половине 1730-х гг. Кабинет стал уделять этому направлению более тщательное внимание. Вероятно, что повышение правительственного интереса к Юго-Восточному региону было продиктовано постепенным ухудшением ситуации на данных территориях. Примечательно, что на протяжении 1730-х гг. сенатские материалы могли быть отправлены с запросом в Кабинет или же просто дублировались для ознакомления данного государственного органа, что подчеркивает непрерывное взаимодействие двух государственных учреждений.

Среди делопроизводственных материалов также стоит выделить внутреннюю документацию самого Кабинета министров, зафиксированную в

---

⁵⁹ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5.

⁶⁰ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13.

⁶¹ НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1.

«Бумагах Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг.»⁶². Эти материалы были опубликованы в сборниках Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО) под редакцией юриста А.Н. Филиппова в начале XX в. Они включают в себя журналы Кабинета и приложения к ним. В журналах приводится информация о ходе заседаний Кабинета, составе его участников, а также краткий перечень дел, которые были рассмотрены кабинет-министрами в определенный день. Приложения к журналам представляют собой копии именных указов, высочайшие резолюции, доклады Сената, коллегий и других инстанций, донесения и челобитные в Кабинет, по которым можно проследить порядок взаимоотношений Кабинета министров с императрицей, государственными учреждениями и должностными лицами. Однако входящая документация Кабинета чаще всего представлена в сборниках в самом общем виде – рассмотренные министрами вопросы просто перечислены, что не дает возможности в полной мере ознакомиться с документами.

Стоит отметить, что первый том, в котором зафиксирована деятельность Кабинета за 1731-1732 гг., практически не содержит сведений, что именные указы и высочайшие резолюции готовились именно в этом органе высшего управления. Во втором⁶³ и третьем томах⁶⁴, где собрана информация за 1733-1734 гг., уже появились предложения и копии писем самих кабинет-министров, а также их первые сообщения. Следующие тома, отражающие работу Кабинета за 1735⁶⁵, 1736⁶⁶, 1737⁶⁷ гг., фиксируют рост полномочий кабинет-министров, увеличение их влияния в связи с июньским указом 1735 г. о приравнивании подписей министров

---

⁶² Сборник Императорского русского исторического общества (далее – СИРИО). Т. 103. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг. Т. 1. (1731–1732 гг.). Юрьев, 1897.

⁶³ СИРИО. Т. 105. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 2. (1733 г.). Юрьев, 1899.

⁶⁴ СИРИО. Т. 108. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 3. (1734 г.). Юрьев, 1900.

⁶⁵ СИРИО. Т. 113. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. (1735 г.). Юрьев, 1901.

⁶⁶ СИРИО. Т. 114. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 5. (1736 г.). Юрьев, 1902.

⁶⁷ СИРИО. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). Юрьев, 1904.

к подписи императрицы. В это время большое распространение получают указы, рескрипты и резолюции от имени самих министров. Работа Кабинета за 1738 г., изложенная в седьмом⁶⁸ и восьмом⁶⁹ томах, отражает дальнейший рост объема документации, которой должен был заниматься Кабинет. В этот период преобладающий характер имеют резолюции самих кабинет-министров. В дальнейшем, в 1739 г., документация которого, в связи с ее большим объемом, разделена на девятый⁷⁰ и десятый⁷¹ тома, можно проследить заметное усиление влияния министра Волынского, часто оставлявшего самостоятельное мнение по каким-либо вопросам заседания. Документы Кабинета за 1740 г., представленные в одиннадцатом⁷² и двенадцатом⁷³ томах, дают понять, что Кабинет уже не справлялся с таким серьезным объемом задач и часто отдавал их на усмотрение Сената.

Важную подгруппу опубликованных делопроизводственных документов составляют «Журналы и определения Правительствующего сената» с 1732 г. по 1741 г., изданные в сборнике «Сенатский архив». Сенатские журналы, подобно делопроизводству Кабинета, также содержат информацию о ходе обсуждения государственных проблем, участниках заседания. В особенности они позволяют восстановить пробелы в деятельности Кабинета (в частности за 1741 г.) и дополнить его работу новыми фактами⁷⁴.

⁶⁸ СИРИО. Т. 120. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 7. (январь-июнь 1738 г.). Юрьев, 1905.

⁶⁹ СИРИО. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 8. (июль-декабрь 1738 г.). Юрьев, 1906.

⁷⁰ СИРИО. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 9. (январь-июнь 1739 г.). Юрьев, 1907.

⁷¹ СИРИО. Т. 130. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 10. (июль-декабрь 1739 г.). Юрьев, 1909.

⁷² СИРИО. Т. 138. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 11. (январь-май 1740 г.). Юрьев, 1912.

⁷³ СИРИО. Т. 146. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 12. (июнь-октябрь 1740 г.). Юрьев, 1915.

⁷⁴ Сенатский архив. Т. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената: (некоторые журналы и определения Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 г.г.). СПб., 1889; Сенатский архив. Т. 3. Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. СПб., 1890; Сенатский архив. Т. 4. Журналы и определения Правительствующего сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. СПб., 1891; Сенатский архив. Т. 5. 1. Журналы и определения Правительствующего сената со 2 октября по 23 ноября 1741 г. 2. Журнал и

В качестве особой подгруппы стоит выделить депеши иностранных дипломатов, находившихся при русском дворе в 1730-1741 гг. Важные сведения можно получить из донесений английских резидентов – К. Рондо⁷⁵, Э. Финча⁷⁶, французских посланников – Маньяна⁷⁷, Шетарди⁷⁸, датского посланника Мардефельда⁷⁹ испанского посла герцога Лирийского⁸⁰. Их доклады дают возможность восстановить подробности закулисных интриг, оказывавших давление на назначение определенных лиц в Кабинет министров и Сенат, а также содержат сведения о личностных характеристиках ближайшего окружения императрицы и самих министров. К примеру, все иностранные резиденты единогласно подтверждают, что негласным учредителем и руководителем Кабинета был Остерман, отмечая его ум и хитрость. Однако, обращаясь к этому виду документов, нужно учитывать, что мнения иностранных посланников часто могли носить субъективный характер в зависимости от их политических предпочтений и личных симпатий. Например, английский посланник К. Рондо имел основания положительно отзываться о Ягужинском, который проявлял себя как сторонник англо-русского сотрудничества. Притом нередко дипломаты могли обладать недостоверной информацией о придворной обстановке, ориентируясь на неподтвержденные слухи.

Достаточно значимую группу материалов составляют *источники личного происхождения*. Среди них нужно назвать мемуары, которые оставили как отечественные государственные деятели, так и иностранцы на службе в России.

протокольная записка Собрания министров и генералитета с 25 ноября по 12 декабря 1741 г.; 3. Журналы и определения Правительствующего сената с 16 декабря 1741 г. по 15 декабря 1743 г. СПб., 1892.

⁷⁵ Рондо К. Донесения // СИРИО. Т. 66, 75, 80, 85.

⁷⁶ Финч Э. Донесения // СИРИО. Т. 91.

⁷⁷ Маньян Донесения // СИРИО. Т. 75, 80.

⁷⁸ Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740–1742 годов. Перевод рукописных депеш французского посольства в Петербурге. СПб., 1862.

⁷⁹ Мардефельд Г. Донесения // Со шпагой и факелом. М., 1991.

⁸⁰ Герцог Лирийский. Записки о пребывании при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989.

Несколько особняком стоят «Замечания на записки г. Манштейна»⁸¹, принадлежащие анонимному автору.

К первой подгруппе можно отнести записки И.И. Неплюева⁸², воспоминания князя Я.П. Шаховского⁸³. При анализе воспоминаний стоит учесть, что многие характеристики зависели от принадлежности авторов к определенной придворной группировке, зависимости от покровительства того или иного важного лица. Так, мемуары Шаховского субъективны потому, что князь являлся клиентом министра Волынского и надеялся на дальнейшее продвижение при дворе за счет него.

Ко второй подгруппе относятся мемуары иностранцев, оставшихся на службе в России. Это воспоминания фельдмаршала Б.Х. Миниха⁸⁴, его сына Э. Миниха⁸⁵, его адъютанта К.Г. Манштейна⁸⁶, «Записка» Э.И. Бирона⁸⁷, а также письма леди Рондо, известные как «Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию»⁸⁸. Очевидно, что эта подгруппа источников также носит субъективный характер. К примеру, Б.Х. Миниху всегда было свойственно стремление опорочить своих соперников по политической элите, а также несколько преувеличивать свое участие в делах государства. К тому же воспоминания Миниха появились в 1760-х гг., то есть через 20-30 лет после описываемых событий, фактически по заказу Екатерины II. Известна и такая деталь, что императрица Екатерина распорядилась, чтобы Г.Ф. Миллер помогал фельдмаршалу описать полузабытые события.

Сын фельдмаршала Э. Миних написал свою работу в ссылке, в 1759 г. – также спустя длительный промежуток времени. Говоря о причинах появления

⁸¹ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» // Перевороты и войны. М., 1997.

⁸² Неплюев И.И. Записки // Империя после Петра 1726–1765. М., 1998.

⁸³ Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. СПб., 1891.

⁸⁴ Миних Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи // Безвременье и временщики. М., 1996.

⁸⁵ Миних Э. Записки // Безвременье и временщики. М., 1996. С. 46-68.

⁸⁶ Манштейн К.Г. Записки о России. СПб., 1875. С. 94-186.

⁸⁷ Бирон Э.И. Записка // Со шпагой и факелом. М., 1991. С. 188-206.

⁸⁸ Рондо. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики. М., 1996. С. 189-255.

этого труда, автор намеренно подчеркивал: он надеется, что его дети осознают поведение отца и не последуют его примеру. В связи с этим, возможно, он не преследовал цели специально оправдаться в глазах властей и старался преподнести личностные характеристики более взвешенно.

Также воспоминания Манштейна подлежат сомнению относительно их объективности, хотя и являются наиболее ранним источником – они написаны во второй половине 1740-х гг. Однако, будучи адъютантом Миниха, Манштейн предпочитал действовать в его интересах, а потому не исключено, что он мог утаить какие-нибудь факты. Не случайно на его воспоминания появились «Замечания», неизвестный автор которых старался более критично проанализировать политические события.

Таким образом, изучение вышеизложенной источниковой базы позволяет рассмотреть место Кабинета министров в системе государственных учреждений в 1730-1741 гг. Следует отметить, что наибольшее значение при написании исследования имели делопроизводственные документы, анализ которых позволяет сделать вывод, что основной функцией Кабинета на протяжении 1730-1741 гг. являлся контроль над государственным управлением.

Методологические основы исследования. Методологической основой исследования стали принципы и методы, применяемые в современной исторической науке. Большое значение для работы имеют принципы историзма и объективности. Принцип историзма дал возможность комплексно изучить политику Кабинета министров в его исторической эволюции на протяжении 1730-1741 гг. Принцип объективности позволил беспристрастно изучить взаимодействие Кабинета с центральными и местными структурами власти на Юго-Востоке европейской России в 1730-1741 гг.

В данной работе изучение взаимоотношений центральных и местных властей 1730-х – начала 1740-х гг. базируется на методологии новой политической истории. Стоит подчеркнуть, что новую политическую историю отличают антропологические и культурологические методы политического анализа. К примеру, принципиально новая концепция власти, разработанная

М. Фуко изменила понимание политики, вынеся анализ власти за пределы государственных институтов. Можно сказать, под влиянием работ Фуко историки обратились к исследованию режимов господства, власти, интересов, политического языка⁸⁹. Таким образом, применение подходов новой политической истории позволяет видеть взаимосвязи личностных характеристик «людей власти» в лице представителей Кабинета министров с их реальными политическими действиями.

Методы исследования. В работе нашли применение общенаучные методы исследования, такие как анализ и синтез, классификация, обобщение, индукция и дедукция. Вместе с тем были использованы специальные методы исторического исследования. Так, сравнительно-исторический метод позволил обнаружить сходные и специфические черты между работой Кабинета и деятельностью государственных учреждений некоторых западноевропейских стран XVI-XVII вв. Историко-генетический метод дал возможность изучить причинно-следственные связи в процессе развития Кабинета министров в качестве высшего органа управления 1730-1741 гг. Историко-типологический метод позволил определить место Кабинета министров и Правительствующего Сената в системе государственных учреждений. Для анализа взаимодействия Кабинета с центральными и местными структурами власти на Юго-Востоке европейской России в процессе их функционирования был применен сущностно-содержательный метод.

Научная новизна исследования заключается в комплексном изучении деятельности Кабинета министров в контексте его взаимодействия с центральными органами власти и местной администрацией на Юго-Востоке европейской России в 1730-х - начале 1740-х гг. Вместе с тем в исследовании впервые:

---

⁸⁹ Большакова О.В. Новая политическая история России: Современная зарубежная историография. Аналитический обзор. М., 2006. С. 11-12; Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

– выявлены характерные черты типичных государственных учреждений эпохи российского абсолютизма, которые нашли отражение в деятельности Кабинета министров 1730-1741 гг., а также сформулировано предположение, что подобные учреждения представляли собой инстанции переходного типа от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам современных государств;

– обоснован вывод о том, что в 1730 г. роль проводника преобразований царствования Анны Иоанновны официально была определена Сенату, однако на практике выдвижение Сената на первый план соответствовало планам Остермана незаметно подготовить условия для образования своего Кабинета;

– работа с архивными материалами позволила выявить эволюцию стратегии Кабинета министров на Юго-Востоке России. Определено, что если изначально линия поведения Кабинета в целом совпадала с точкой зрения местной администрации, то ко второй половине 1730-х гг. в связи с кровопролитным башкирским восстанием 1735-1736 гг. приобрела самостоятельный характер; Кабинет стал придерживаться тактики лавирования путем усиления контроля над регионом, а также отказа от применения крайних мер в целях противодействия дальнейшему разрастанию кризиса на Юго-Востоке.

– выявлено, что именно жесткая линия поведения центральных властей в лице Кабинета и Сената, проявленная в 1739-1741 гг. при подавлении финального восстания Карасакала, способствовала окончательному выходу из затяжного кризиса, в котором оказался Юго-Восточный регион;

– сделан вывод, что если на центральном уровне управления Кабинет с годами все чаще был готов переложить ответственность при решении проблем на Сенат, то к задачам на Юго-Востоке его внимание ко второй половине 1730-х гг., напротив, возросло в связи с ухудшением ситуации в регионе. Доказано, что именно на этих территориях политика Кабинета оказалась более успешна, что выразилось в осуществлении последовательного правительственного контроля над строительством крепостей на юго-восточных рубежах государства,

хозяйственным освоением башкирских земель, а также планомерным вхождением в состав России казахских жузов.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что исследование политики Кабинета министров 1730-1741 гг. в контексте его взаимоотношений с центральными органами власти и местными структурами на Юго-Востоке позволяет достичь углубленного понимания основных тенденций взаимодействия властей на центральном и местном уровне в 1730-1741 гг. Результаты исследования могут быть использованы в дальнейшей научно-исследовательской работе по истории государственного управления, а также при написании сравнительно-исторических исследований об эволюции деятельности государственных учреждений периода абсолютизма в Российской империи и странах Западной Европы.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его материалы в преподавании курса по истории России, специализированных курсов по истории государственного управления, региональной истории, при подготовке учебной литературы и научно-популярных изданий по истории Самарской области.

Положения, выносимые на защиту.

1. На основе сравнения Кабинета министров 1730-1741 гг. и ряда высших органов управления некоторых западноевропейских государств XVI-XVII вв. со сходными полномочиями был сделан вывод, что Кабинет 1730-1741 гг. представляет собой типичное учреждение эпохи российского абсолютизма. Такие учреждения обладали рядом характерных черт, среди которых можно назвать сравнительно узкий состав, отсутствие четко прописанных обязанностей, возложенных на участников учреждения, а также постепенную замену в учреждениях представителей аристократии или же лиц, связанных с властью кровным родством или личными связями, специалистами, обладавшими реальным профессиональным опытом в определенной сфере. Подобные учреждения, к которым следует отнести Кабинет министров 1730-1741 гг., представляли собой

переходную форму от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам современных государств.

2. Практически все члены Кабинета являлись «птенцами гнезда Петрова», поскольку получили возможность карьерного роста именно благодаря поддержке Петра I. Каких-либо существенных преобразований на центральном уровне управления в 1730-е гг. Кабинет не проводил, так как его глава А.И. Остерман не отличался новаторскими устремлениями, а преследовал цель закрепления петровских преобразований в системе государственного управления и обеспечения плацдарма для стабильного развития Российской империи.

3. В 1730 г. проводником преобразований царствования Анны Иоанновны был определен Сенат, официально возвращенный к тому положению, которое он занимал при Петре I. Выявлено, что в выдвижении Сената на первый план при реализации июньской серии указов 1730 г. был заинтересован Остерман, принимавший участие в разработке этих указов. Будущему первому министру было выгодно осуществить свой план по образованию Кабинета максимально незаметно. Поэтому, в отличие от серии июньских постановлений 1730 г. на имя Сената, указ об образовании Кабинета носит нечеткий характер. Со временем, ко второй половине 1730-х гг., политическое значение Сената стало постепенно уменьшаться. Взаимодействие Кабинета и Сената оказалось успешным на уровне решения оперативных задач, но не при реализации долгосрочных проектов.

4. Взаимодействие Кабинета министров с местными структурами управления было проанализировано на примере исследования его роли в проведении политического курса на Юго-Востоке европейской России. Ключевым эпизодом, в связи с которым возросло внимание центральных властей к Юго-Востоку стало башкирское восстание 1735-1736 гг. Приняв к сведению точку зрения И.К. Кирилова и А.И. Тевкелева, руководивших действиями по подавлению мятежа, центральные власти выбрали жесткую позицию по отношению к восставшим башкирам.

5. В 1737-1739 гг. стратегия Кабинета министров в Юго-Восточном регионе при В.Н. Татищеве приобрела более обдуманый и уверенный характер. На этой

линии поведения отразилась манера самого Остермана – человека осторожного и предусмотрительного, предпочитавшего не совершать резких действий, а медленно идти к своим целям. Таким образом, учитывая предыдущие ошибки, обернувшиеся башкирским восстанием 1735-1736 гг., а также агрессией со стороны казахов в 1737-1738 гг., министры продолжали мотивировать руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) на планомерное продвижение России далее на Юго-Восток.

6. В 1739-1741 гг. стратегия Кабинета была ориентирована на реализацию программы Татищева, подкорректированной министрами. Это ярко характеризует личность Остермана, которому было свойственно скорее выбрать предложенный вариант реформ, чем разработать свой. Вместе с тем в 1739-1741 гг. указания Кабинета и Сената, а также действия местных властей отличала единая жесткая позиция при подавлении очередного башкирского восстания, поскольку на этот раз вследствие провозглашения Карасакала башкирским ханом оно могло привести к возможной сепарации Башкирии из состава Российской империи. Также именно эта жесткая линия поведения властей дала возможность Юго-Востоку выйти из затяжного кризиса.

8. На примере взаимодействия Кабинета и Сената с руководством Оренбургской экспедиции (комиссии) раскрывается постепенное изменение положения этих органов власти и их роли в формировании политики на местном уровне. В 1734-1736 гг. Кабинет по большей части курировал основную линию поведения экспедиции, в то время как с второстепенными задачами вполне мог справиться Сенат. Однако в 1737-1739 гг. политическое значение Кабинета, а вместе с ним и внимание этого органа к Юго-Востоку возрастает. Именно в это время механизм работы «Кабинет-Сенат» окончательно складывается в пользу Кабинета как руководящего звена в системе центральных властей Российской империи, что нашло отражение в практике их взаимодействия с начальством Оренбургской экспедиции (комиссии). Большинство документов по назначению или отстранению руководящих лиц, финансовой поддержке, ходу подавления башкирских восстаний, секретным дипломатическим указаниям исходило именно

от кабинет-министров. Таким образом, если, с одной стороны, Кабинет был готов переложить ответственность на Сенат при решении ряда задач на центральном уровне, то на местном уровне в связи с отдаленностью территорий ему было важно сохранить свое влияние и статус правящего органа власти. Отсутствие стабильности на Юго-Востоке также стало одним из наиболее значимых факторов внимания Кабинета к этому региону.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена построением выводов на основе методологических принципов объективности и историзма, репрезентативностью источниковой базы, анализом источников с применением общенаучных и специальных методов исторического исследования, соответствующих объекту, предмету, поставленным цели и задачам.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были апробированы в 20 научных публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ. Материалы и выводы работы были представлены в докладах на 3 научных конференциях всероссийского уровня, а именно Всероссийской конференции молодых историков «Платоновские чтения» (Самара, 2022, 2024), Всероссийском молодёжном краеведческом форуме (2024).

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Диссертационное исследование соответствует п. 4 «История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и регионов», п. 10 «Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений», п. 15 «Исторический опыт российских реформ» паспорта специальности 5.6.1. Отечественная история.

Исходя из цели и задач, была определена **структура исследования**, которая включает в себя введение, основную часть, заключение, список источников и литературы. Основная часть содержит три главы. Первая глава посвящена историографическим дискуссиям о месте Кабинета министров в системе

государственного управления 1730-1741 гг. В ней сравнивается роль Кабинета министров с опытом государственных учреждений некоторых западноевропейских стран XVI-XVII вв., а также рассматриваются история и состав учреждения. Вторая глава раскрывает систему взаимоотношений Кабинета министров с Правительствующим Сенатом и центральными правительственными учреждениями в 1730-1741 гг. В ней исследуется деятельность Сената в 1730-х гг., а также взаимодействие Кабинета с Сенатом и центральными отраслевыми учреждениями. В третьей главе рассмотрена деятельность Кабинета министров на Юго-Востоке Российской империи в 1730-х гг. В ней анализируются роль Кабинета в процессе строительства Новой Закамской и Украинской линий в первой половине 1730-х гг., его позиция в подготовке и на начальном этапе Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734-1736 гг., а также эволюция стратегии Кабинета в 1737-1741 гг. в условиях взаимодействия с В.Н. Татищевым и В.А. Урусовым и подавления башкирских восстаний 1735-1740 гг. на Юго-Востоке.

ГЛАВА 1. МЕСТО КАБИНЕТА МИНИСТРОВ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ 1730-1741 ГГ. В ИСТОРИОГРАФИИ

1.1. Кабинет министров как типовое учреждение эпохи абсолютизма: сравнение с опытом государственного управления некоторых западноевропейских стран XVI-XVII вв.

Неоднократно историографическая традиция обращалась к поиску аналогов Кабинета министров 1730-1741 гг. среди институтов власти со схожими полномочиями.

Как известно, исследователи невольно сравнивали Кабинет Анны Иоанновны с Кабинетами предыдущих и последующих российских правителей. Вероятно, историки обращали в первую очередь на название этого института власти – «Кабинет». Но Кабинеты Петра I, Екатерины I и Елизаветы Петровны являлись лишь личными канцеляриями этих правителей. Кабинет же Анны Иоанновны был верховным государственным органом, где заседали министры⁹⁰. Поэтому стоит усомниться в тезисе Е.Н. Савельевой о том, что Кабинет возник на стыке двух управленческих тенденций – института личной канцелярии монарха и объективной потребности в рассредоточении управленческих функций⁹¹.

Также в числе органов государственного управления, полномочия которого были наиболее сходны с компетенцией Кабинета, историки часто называли Верховный тайный совет, действовавший незадолго до появления Кабинета Анны Иоанновны – в 1726-1730 гг.

Казалось бы, причины появления Верховного тайного совета и Кабинета носили практически идентичный характер. Возникновение Верховного тайного совета было напрямую связано с кризисом власти – в 1725 г. после смерти Петра

---

⁹⁰ Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731-1740 гг. С. 29.

⁹¹ Савельева Е.Н. Кабинет министров Анны Иоанновны. С. 31.

на престоле оказалась его жена Екатерина I, которая была совсем не подготовлена к роли государственного деятеля – как затем и Анна Иоанновна⁹². Таким образом, Верховный тайный совет был учрежден, чтобы помогать новой императрице в делах государственного управления⁹³.

Необходимо обратить внимание на такой факт, что функции Верховного тайного совета были относительно четко оговорены. Так, из «Мнения не в указ о новом учрежденном Совете», которое составили сами члены Совета 16 марта 1726 г. можно получить сведения в 13 пунктах, где были изложены права и обязанности участников Верховного тайного совета⁹⁴. Для обсуждения вопросов внутренней политики была предназначена среда, а для иностранных дел – пятница. В случае чрезвычайной ситуации или, когда дел накапливалось слишком много, существовала вероятность проведения заседания не по расписанию⁹⁵.

Что касается непосредственно Кабинета Анны Иоанновны, то если обратиться к официальному указу об его учреждении от 18 октября 1731 г., то можно отметить, что здесь ситуация другая. В указе были просто объявлено, что «для порядочного отправления всех государственных дел ... за благо рассудили учредить Кабинет, и в оный определить несколько особ из наших министров, которые нам обо всех делах ... обстоятельно доносить и резолюции отправлять могли»⁹⁶. Можно сказать, что в целом указ носит достаточно общий характер и совсем не раскрывает место Кабинета в системе государственных учреждений.

Стоит обратить внимание, что и указная практика царствования Анны Иоанновны значительно отличалась от делопроизводства времен Верховного тайного совета. Если при Екатерине I и Петре II именные указы носили на себе печать Верховного тайного совета («дан в нашем совете»), то именные указы, подписанные императрицей Анной Иоанновной, нигде не упоминали Кабинет. В

---

⁹² Анисимов Е.В. Россия без Петра. С. 73.

⁹³ ПСЗ-I. Т. 7. № 4830. С. 568.

⁹⁴ СИРИО. Т. 55. С. 93-96.

⁹⁵ Там же. С. 93-96.

⁹⁶ СИРИО. Т. 103. С. 1.

таком случае, не будь сохранены журналы Кабинета, можно было бы даже усомниться, что все указы проходили через него⁹⁷.

Недостаток официального обоснования компетенции Кабинета в последующем оказал прямое воздействие на его дальнейшую эволюцию. Изначально созданный лишь для поддержки императрице в делах государственного управления, действовавший почти незаметно в первые годы своей деятельности Кабинет на практике превратился в высший орган власти, обладающий весомым статусом.

Стоит упомянуть и такой момент, что на протяжении всего своего существования Кабинет отличал узкий состав – он всегда включал не более трех персон. В то время как в Верховный тайный совет входило около семи-восьми человек, в том числе и герцог Гольштейн-Готторпский Карл-Фридрих – муж дочери Петра I Анны, связанный с правящей династией родственными узами⁹⁸.

Нам представляется, что Кабинет Анны Иоанновны действительно является типовым учреждением, реальные аналоги которого можно наблюдать скорее не в лице Верховного тайного совета, а в череде советов эпохи расцвета абсолютизма Западной Европы. Стоит согласиться с Е.Н. Савельевой, утверждавшей, что история государственного строительства в рамках классической абсолютистской модели (на примерах английской, французской и других монархий XVI-XVII вв.) дает обширные сведения для сравнительного анализа⁹⁹. Хотя предмет нашего исследования находится в первой половине XVIII в., нельзя упускать из виду тот факт, что расцвет российского абсолютизма по времени несколько отстает от ситуации в вышеуказанных государствах.

В ходе исследования необходимо принять во внимание концепцию современного государства, которая восходит к трудам немецкого социолога Макса Вебера. В опубликованном трактате «Хозяйство и общество» он разработал учение о бюрократии как основе государственного управления. С точки зрения

---

⁹⁷ Филиппов А.Н. Новые данные о Кабинете министров. С. 13.

⁹⁸ Филиппов А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. С. 9.

⁹⁹ Савельева Е.Н. Кабинет министров Анны Иоанновны. С. 29.

ученого, бюрократия как тип управления пришла на смену патриархальной монархии. Для развитой бюрократии в отличие от предшествующих типов господства характерны не только рациональная организация и более высокая эффективность управления, но и изменение отношений внутри властной вертикали. Таким образом, чиновники уже не являлись личными слугами правителей, а государственная должность представляла собой выполнение долга в качестве служения не лицам, а «безличным и функциональным целям»¹⁰⁰.

Однако Вебер полагал, что «полностью развитая бюрократия возможна только на европейской почве». В том же европоцентристском ключе рассуждал и Джозеф Стрейер, по мнению которого, «не европейские государства или подражали европейской модели, чтобы выжить либо проходили через колониальный опыт, внедрявший значительные элементы европейской системы». Однако Кром предполагает, что традиция противопоставления запада и востока Европы уступает тенденции к выявлению общего между ними¹⁰¹. Так, взяв за основу точку зрения Вебера о том, что тенденция к деперсонализации управления является главным признаком формирующегося современного государства, в качестве примера Кром называет Турцию XVII-XVIII вв., где происходили схожие процессы. Как известно, турецкие султаны хотя в теории и считались абсолютными монархами, но в реальности редко покидали свои резиденции, доверив управление государством чиновникам во главе с великим визирем, чья должность приобрела наследственный характер¹⁰².

Тем не менее довольно типичным по большей части для западноевропейских стран эпохи абсолютизма XVI-XVII вв. было наличие при монархе главного совета, в центре внимания которого находилось обсуждение важнейших государственных вопросов внутренней и внешней политики. Именно возникновение подобных институтов отражало возмужавшую единоличную власть монарха в новых исторических условиях. Эти советы находят свои истоки

---

¹⁰⁰ Цит. по: Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков. С. 15.

¹⁰¹ Там же. С. 15.

¹⁰² Там же. С. 17-18.

на ранних этапах средневековой истории в лице неких Королевских советов, наделенных совещательной функцией и представленных аристократией. В эпоху абсолютизма советы начинают дробиться, в их деятельности уже прослеживаются попытки специализации. Тем не менее о четкости разделения функций этих органов управления говорить пока не приходится. Нередкой могла быть ситуация, когда новые советы брали на себя обязанности старых учреждений, что приводило к путанице при решении вопросов государственного порядка¹⁰³.

Причины подобного положения, очевидно, были связаны с тем, что особенностью формирующегося современного государства являлись переплетение публичной власти и частных интересов, патриархальной идеологии и бюрократических приемов управления¹⁰⁴.

Если обратиться к конкретным примерам деятельности вышеуказанных учреждений, например, во Франции, то можно увидеть, что названия советов часто менялись и на первый взгляд не могли дать четкого представления об их компетенции – Королевский совет, Частный совет, Государственный совет. Только при Людовике XIV были четко сформулированы задачи различных советов и определена их структура в соответствии с направлением деятельности – в это время как раз появились Королевский совет по финансовым делам, Военный совет.

Такие советы при монархе изначально имели широкий состав – его участниками по традиции могли быть принцы крови, пэры, высшие должностные лица короны – главные коронные чины (в том числе и носители придворных должностей). Помимо них в работе принимали участие и специально обученные чиновники. Однако для более оперативного принятия решений, а, возможно, здесь сыграл и опыт короны борьбы со знатью в XV-XVI вв., во Французском государстве начали сперва созываться, а потом и создаваться советы уже с более узким составом. Как правило, король возглавлял заседание Совета. Но в случае, когда на заседание выносились судебные или административные вопросы,

---

¹⁰³ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. С. 11.

¹⁰⁴ Кром М.М. Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков. С. 19.

канцлер как высшее должностное лицо имел право возглавлять Совет в отсутствие короля¹⁰⁵.

Новые французские монархи, как правило, вносили перемены в состав Совета. К примеру, был полностью изменен его состав при вступлении на престол Генриха II в 1547 г. Характерная деталь, что при этом из Совета были выведены принцы крови — король Наваррский Генрих д'Альбре и герцог Вандомский Антуан де Бурбон¹⁰⁶. При Людовике XIV представители высшей знати, в том числе и королева-мать, вовсе не приглашались в Совет. В его работе принимали участие только три государственных министра (Летелье – военный министр, Фуке – суперинтендант финансов, его место вскоре занял Кольбер; Лионн – министр иностранных дел), которых выделил сам государь. Правда, состав совета в последующем мог расширяться — в 1709 г. он включал в себя уже семь человек¹⁰⁷. Само по себе звание «государственного министра» при Людовике XIV становится званием определенным и редким. Его можно было присваивать только избранным лицам, достойным доверия государя. Эта позиция короля была подвергнута критике со стороны вельмож, поскольку знати был закрыт доступ в совет, а сами министры были обозваны «мещанами», потому как подлежали дворянству мантии. Сам же Людовик оправдывал свои действия тем, что хоть и мог остановиться на людях, принадлежавших к более высокому сословию, но якобы не нашел бы среди них тех, кто был бы способнее тех троих¹⁰⁸.

Схожая ситуация, когда при государе существовал некий властный центр, который имел неопределенную структуру, точно не установленный график заседаний, сложилась и в немецких княжествах. Само начало институционального формирования Тайного совета в немецких княжествах относится к последней трети XVI в., но еще раньше он возник при дворе Габсбургов (1527 г.), затем в

---

¹⁰⁵ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. С. 105-106.

¹⁰⁶ Там же. С. 108.

¹⁰⁷ Там же. С. 108.

¹⁰⁸ Блюш Ф. Людовик XIV. С. 79.

курфюршестве Саксонском (1574 г.), Баварии (1582 г.), курфюршестве Бранденбургском (1604 г.)¹⁰⁹.

В Бранденбурге Тайный совет был основан курфюрстом Иоганном Фридрихом. Этот орган власти, первоначально созданный как совещательный по вопросам внешней и внутренней политики, со временем превратился в централизованное правительство и инструмент режима абсолютной власти правителя¹¹⁰.

Интересно, что положение бранденбургского Тайного совета не отличалось стабильностью. После смерти курфюрста Георга Вильгельма в 1640 г. Тайный совет прекратил свое существование, но был вскоре воссоздан при Фридрихе Вильгельме. Обычно два-три раза в неделю Фридрих Вильгельм и в среднем 6-8 тайных советников собирались для обсуждения различных государственных вопросов: от обсуждения инструкции для посланника в Швеции до составления заявления об освобождении от контрибуции. Чаще всего один из советников докладывал положение обстановки и предлагал собственное решение. Между членами совета еще не существовало строго разграниченной компетенции, они просто рассматривали порученные им дела и готовили свои доклады. Но уже тогда появились зачатки некой специализации. Так, канцлер Сигизмунд фон Гетц был советником по внешней политике, вопросами по западным делам занимался Эрасмус Зайдель, а военные вопросы были возложены на Конрада фон Бургдорфа. Окончательное решение все же оставалось за самим Фридрихом Вильгельмом¹¹¹. Можно сказать, советники были удобным инструментом в руках Фридриха Вильгельма. Для определенных задач он искал себе подходящих помощников, которые при резких изменениях политического курса вытеснялись одни другими. К примеру, пользовавшийся доверием курфюрста Бургдорф был обвинен в неупорядоченном состоянии финансов и вытекающей отсюда военной

---

¹⁰⁹ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. С. 197.

¹¹⁰ Gloger B. Friedrich Wilhelm, Kurfurst von Brandenburg: Biographie. Berlin, 1989. Рус. пер. Ф. Силонова // Сайт Александра Силонова. URL: <https://silonov.narod.ru/parents/fried/fried0.htm> (дата обращения 11. 03. 2023).

¹¹¹ Беляев М.П. Власть и управление в Бранденбурге в первой половине XVII в. С. 196.

и политической слабости Бранденбурга. Ситуацию усугубило то, как Бургсдорф неудачно проявил себя во время дипломатической миссии в переговорах с пфальцграфом Нойбургским. Определенную роль сыграла и плохая организация военных действий летом 1651 г. Хотя Бургсдорф еще пытался вернуть себе прежнее положение (некоторое время первым подписывал заключения Тайного совета), все равно был отстранен от дел.

Стремление курфюрста к контролю над деятельностью совета характеризует и тот момент, что относящаяся к ведомству советников тайная корреспонденция обычно представляла собой только то, что сам Фридрих Вильгельм считал целесообразным их ознакомить¹¹².

Важно отметить, что в придворной иерархии Тайный совет стоял несколько выше, чем остальные управленческие структуры. Развитие Тайного совета как института в целом было выражением растущей единоличной власти государя, так как на его заседаниях князь был свободен от влияния сословий и мог добиться консультации у специалистов, которым мог довериться¹¹³.

В данном контексте необходимо вспомнить, что и в интересах Анны Иоанновны было подать себя как реальную фигуру на престоле, которая стремилась сама координировать основные вопросы государственного порядка. То есть Кабинет министров первоначально не рассматривался как орган, предназначенный для того, чтобы заменить правительницу в делах управления государством. В первые годы он был совершенно не похож на то, что затем стал представлять позднее¹¹⁴. Ключевым моментом в работе Кабинета стал указ от 9 июня 1735 г., когда подписи трех кабинет-министров приравнивались к подписи самой императрицы¹¹⁵. С 1735 г. количество указов, которых подписала сама Анна Иоанновна, стало незначительным – в это время в резолюциях на

---

¹¹² Gloger B. Friedrich Wilhelm, Kurfurst von Brandenburg: Biographie. Berlin, 1989. Рус. пер. Ф. Силонова // Сайт Александра Силонова. URL: <https://silonov.narod.ru/parents/fried/fried0.htm> (дата обращения 11. 03. 2023).

¹¹³ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. С. 197.

¹¹⁴ Фаизов А.В. Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730-1741 годах: стадии роста. С. 53.

¹¹⁵ ПСЗ-I. Т. 9. № 6745. С. 529.

многочисленные донесения в Кабинет возобладала форма «подписали гг. министры»¹¹⁶.

Любопытная ситуация сложилась в Англии в период правления Генриха VIII (1509-1647 гг.), когда в результате административной реформы был сформирован некий Тайный совет, принципиально отличавшийся от предыдущего Большого совета. Если прежний Совет состоял из широкого круга знати, судей и более мелких чинов и представлял собой временный совещательный орган, то новый Совет уже являлся постоянно действующим органом, состоявшим из группы важнейших советников и носившим не аристократический, а бюрократический характер¹¹⁷.

Особенность данного учреждения заключается в том, что историкам трудно прийти к единому мнению о том, когда именно группа людей, просто помогавшая королю управлять государством превратилась в орган правительства. Хотя официальная запись о Тайном совете появилась 10 августа 1540 г., когда 19 человек, входящих в его состав, собрались, чтобы назначить секретаря и обеспечить ведение реестра; предполагается, что формирование этого учреждения происходило постепенно, где-то между 1532 и 1540 гг.¹¹⁸

Характер деятельности Совета отличался очень большим разнообразием – он занимался иностранными делами, внутренними вопросами, обороной, делами королевских владений за границей, домашним хозяйством, петициями, административными проектами. Необходимо отметить и такую деталь, что в 1536 г. Тайный совет укрепился до такой степени, что мог уже регулярно собираться для решения важных вопросов и был способен принимать собственные постановления. Этот факт доказывают как многочисленные

---

¹¹⁶ СИРИО. Т. 113. С. 112, 143, 144 и т.д.

¹¹⁷ Кондратенко Т.А. Концепция «Тюдоровской революции в правительстве» Джеффри Элтона и ее критика в современной британской историографии // Омский научный вестник. 2009. № 3 (78). С. 46.

¹¹⁸ Elton G.R. Tudor Revolution in Government. Published by Cambridge University Press, England, 1953. С. 317, 324.

донесения различных лиц, отправленные с предложениями и просьбами на имя Совета, так и ответы на письма, подписанные Советом в целом¹¹⁹.

Таким образом, в отличие от французского Совета (способного только рекомендовать какие-либо действия), английский Совет обладал полной исполнительной властью¹²⁰.

Стоит обратить внимание, что в качестве фигуры, занимавшей в Тайном совете первостепенное значение, а также стоявшей во главе проведения целого комплекса административных реформ, исследователь Дж. Элтон выделял личность Томаса Кромвеля – первого советника Генриха VIII в 1532-1540 гг. Как полагал историк, Кромвель был административным гением, стремившимся ввести организованность в порядок управления государством. Исследователь считал, что Кромвель являлся сторонником нового типа управления, основанного на бюрократических принципах¹²¹. Особую роль он придавал и появлению должности главного секретаря, которую занимал Кромвель. По его мнению, та особая эффективность, которую совет проявил позднее, уже при королеве Елизавете I и ранних Стюартах, зависела от координирующей роли главного секретаря¹²².

Итак, обобщая все вышесказанное, необходимо прийти к следующим выводам. На основе опыта некоторых западноевропейских стран была сделана попытка проследить аналоги Кабинета министров 1730-1741 гг. в XVI-XVII вв. Можно предположить, что абсолютистская форма правления предполагала наличие некоего совета – вспомогательного органа власти при монархе, представлявшего собой переходную форму от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам государств современного типа. Подобные учреждения обладали рядом общих признаков, которые стоило бы обозначить. Как можно проследить, появление этих органов власти в первую

---

¹¹⁹ Elton G.R. Tudor Revolution in Government. С. 330-331.

¹²⁰ Elton G.R. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government: Volume 3, Papers and Reviews 1973-1981 (Vol 3) С. 23.

¹²¹ Кондратенко Т.А. Концепция «Тюдоровской революции в правительстве» Джеффри Элтона и ее критика в современной британской историографии. С. 48.

¹²² Elton G.R. Tudor Revolution in Government. С. 368.

очередь было связано с практической необходимостью. Кроме того, советы отличала некоторая неопределенность компетенции, отсутствие четко прописанных обязанностей, возложенных на участников учреждения. Тем не менее именно на этом этапе развития государства появились попытки правительства внести специализацию в сферу управления данного органа власти. Также советы отличались сравнительно узким составом, который давал им возможность принимать оперативные решения. В качестве одного из важнейших признаков вышеуказанных учреждений следует назвать и постепенный переход от влияния в советах аристократии или же лиц, связанных с властью кровным родством или личными связями, к специалистам, обладавшим действительным профессиональным опытом в определенной сфере.

Однако стоит обратить внимание, что ситуация полномочий Совета была все же не одинаковой в различных государствах и зависела от степени вовлеченности государя в дела управления – к примеру, в рассмотренных нами Французском королевстве и Бранденбургском княжестве совет находился практически под полным надзором монарха, в Англии же отличался несколько большей свободой действий.

Таким образом, Кабинет министров 1730-1741 гг. соотносится с чередой вышеуказанных учреждений по ряду признаков.

1.2. Характеристика Кабинета министров: история учреждения и состав

Как было уже сказано ранее, указ об учреждении Кабинета появился 18 октября 1731 г. В нем объявлялось, что в состав нового правительственного учреждения определены Гавриил Иванович Головкин, занявший место первого кабинет-министра, а также Андрей Иванович Остерман и Алексей Михайлович Черкасский¹²³.

---

¹²³ СИРИО. Т. 103. С. 1.

В дальнейшем членами Кабинета являлись Павел Иванович Ягужинский (1735-1736 гг.), Артемий Петрович Волинский (1738-1740 гг.) и Алексей Петрович Бестужев-Рюмин (1740 г.). Также на заседаниях Кабинета неоднократно могли присутствовать в числе приглашенных и другие государственные деятели¹²⁴. Кроме того, по указу 28 января 1741 г. в состав Кабинета официально были введены Бурхард Христофор фон Миних и Михаил Гаврилович Головкин¹²⁵.

Проанализировав текст именного указа об образовании Кабинета, важно отметить тот факт, что права и обязанности министров не были четко прописаны. Не были конкретно указаны и дни работы Кабинета. Министры просто должны были приезжать два раза в неделю в Кабинет, а может быть и больше – если будет такая необходимость¹²⁶.

Эта особенность имеет причины. Учреждение Кабинета министров зависело от сложившейся обстановки – при Анне Иоанновне существовала опасность повторения ситуации 1730 г., когда члены Верховного тайного совета попытались взять контроль над властью монарха. «Верховники» разработали «кондиции» – некие условия, на основе которых Анна Иоанновна получила возможность стать императрицей. По этим «кондициям» без разрешения Верховного тайного совета правительница не могла самостоятельно решать вопросы войны и мира, назначать наследника, дарить вотчины и т.д. Первоначально 15 февраля 1730 г. Анна Иоанновна согласилась с этими условиями, однако съехавшиеся в столицу дворяне выступили против ограничения власти. Таким образом, Анна «разодрала» кондиции и стала самодержавной государыней¹²⁷.

Однако императрица нуждалась в советниках, поскольку не была готова к управлению государством. Будущая государыня получила довольно

---

¹²⁴ Козлова А.А. Органы государственной власти в правление императрицы Анны Иоанновны // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. 2016. С. 214.

¹²⁵ ПСЗ-I. Т. 11. № 8326. С. 358-359.

¹²⁶ СИРИО. Т. 103. С. 1.

¹²⁷ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. С. 71.

поверхностное образование – ее основным учителем был Дидрих Остерман – изучение немецкого языка стало единственным результатом этого обучения. По-русски императрица только говорила хорошо, а писала с ошибками. Объяснить такой уровень обучения можно тем, что Петр I не прилагал больших усилий к образованию племянниц: в них он видел только объект для династических браков, а не будущих преемниц. Таким образом, было ясно, что императрице нужна поддержка в процессе управления государством¹²⁸.

Известно, что в первые два месяца после появления Кабинета императрица появлялась на его заседаниях почти ежедневно¹²⁹. Но со временем Анна Иоанновна перестала посещать Кабинет – уже в 1732 г. она появлялась там только дважды¹³⁰. Впоследствии роль Анны Иоанновны в Кабинете приобрела второстепенный характер. В качестве вопросов, которые интересовали императрицу постоянно в период ее царствования, историки выделяют проблемы дворянской службы, а также вопросы судебного характера¹³¹.

Слухи о предстоящем образовании нового Кабинета появились среди иностранных дипломатов уже весной 1730 г. Так, 5 марта датский посланник Вестфален сообщал: «... Думают, что Ее Величество назначит новый тайный совет из трех или четырех лиц. Без всякого сомнения, великий канцлер, лишь бы он захотел продолжать службу, и вице-канцлер Остерман будут там заседать¹³²». Саксонский посланник Лефорт в апреле также уведомлял, что новый Кабинет будет состоять из Остермана, Головкина, Ягужинского, Салтыкова и Черкасского¹³³. В конце мая того же года подобные сведения исходили и от английского резидента Клавдия Рондо, докладывавшего, что для совещания по

¹²⁸ Корсаков Д.А. Воцарение Анны Иоанновны. С. 66.

¹²⁹ СИРИО. Т. 103. С. 20, 32, 36, 61, 63, 70 и т.д.

¹³⁰ Фаизов А.В. Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730-1741 годах: стадии роста. С. 53.

¹³¹ Бабич М.В. Кабинет Императорского величества в XVIII веке: традиция и перспективы изучения. С. 42.

¹³² Дипломатические депеши датского посланника при Русском Дворе, Вестфалена, о воцарении императрицы Анны Иоанновны // Русская старина (далее РС). СПб., 1909. Т. 138. С. 293.

¹³³ Лефорт Ф. Донесения ... Сообщено из дел Саксонского гос. архива в Дрездене // СИРИО. Т. 5. С. 376-377.

государственным делам будет определен Кабинет, и тогда секретные дела перестанут находиться в ведении Сената¹³⁴.

Большинство историков признают, что на первых порах Кабинет существовал в неформальном виде, в качестве особого секретариата или совета при императрице¹³⁵. Хотя официального документа о его учреждении еще не было, наличие Кабинета можно проследить по законодательству данного периода. Так, в августе 1731 г., почти за три месяца до его учреждения, Соляная контора была отдана под ведение «Нашего Кабинета»¹³⁶.

Также в июне 1731 г. английский посланник Рондо отмечал частный случай, когда после разговора с генералом А.И. Румянцевым, в резкой форме отказавшимся занять должность президента Камер-коллегии, Анна Иоанновна была вынуждена созвать Тайный совет (состоявший из наиболее доверенных лиц – Головкина, Остермана, Бирона и Ягужинского), которому передала на обсуждение эту непростую ситуацию. И только узнав мнение этого неформального Совета, императрица приказала Сенату «преследовать генерала по всей строгости»¹³⁷.

Доклад о восстановлении власти Правительствующего сената, представленный императрице Елизавете Петровне в 1741 г., также содержит информацию, подтверждавшую неофициальное существование Кабинета в то время. Согласно этому докладу вскоре после воссоздания Сената 4 марта 1730 г. Кабинет практически целый год тайно содержался в руках Остермана, а многие именные указы и резолюции были написаны с подачи Андрея Ивановича при участии его секретаря Сергея Семенова. При этом авторы доклада отмечали, что нет оснований полагать это утверждение неверным, принимая к сведению ту роль, которую Остерман играл в царствование Анны Иоанновны¹³⁸.

---

¹³⁴ Рондо К. Донесения // СИРИО. Т. 66. С. 193.

¹³⁵ Филиппов А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. С. 28.

¹³⁶ ПСЗ-I. Т. 8. № 5827. С. 532.

¹³⁷ СИРИО. Т. 66. С. 327-328.

¹³⁸ Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1897. Ч. СССIX. С. 280.

Стоит отметить, что компетенция Кабинета приобрела более четкий характер в процессе его практической деятельности. Так, ввиду постоянного недостатка в денежных средствах под непосредственным ведомством Кабинета в первые годы его работы оказались контрольные и финансовые органы¹³⁹. Кроме уже упомянутой Соляной конторы под управление Кабинета в августе 1732 г. перешли Счетная, Провиантская, Кригс-комиссариатская комиссии¹⁴⁰. Оказались в подчинении Кабинета и полицейские органы – в 1734 г. в его ведомство переходит Главная Полицейместерская Канцелярия¹⁴¹, а затем в 1735 г. – Канцелярия тайных розыскных дел¹⁴².

Дополнительно в ведение Кабинета перешли и ряд нескольких более второстепенных органов и задач. Так, в феврале 1732 г. в связи с начавшейся эпидемией в подчинение Кабинета перешла Медицинская канцелярия¹⁴³, а в июле 1732 г. в ведении Кабинета оказался и смотр недорослей и отставных офицеров¹⁴⁴.

Необходимо обратить внимание, что наряду с принятием политических решений особой важности (например, о вводе русских войск в Польшу, проведении рекрутских наборов) члены Кабинета занимались и совсем второстепенными делами – например, разрешали постричься в монахи однодворцу Алексею Леонтьеву или обсуждали челобитную украинского казака Троцкого о передаче ему имения тестя¹⁴⁵.

Интересно, что проблемы внешней политики в практике Кабинета Анны Иоанновны появлялись не так часто, как вопросы внутреннего характера. По «кабинетским» делам в журналах зафиксированы доклады министров императрице, поднесение документов к подписи, а потом объявление высочайшей воли. По «иностранным» делам, напротив, были лишь редкие указания на

---

¹³⁹ Фаизов А.В. Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730-1741 годах: стадии роста. С. 52.

¹⁴⁰ ПСЗ-I. Т. 9. № 6155. С. 902.

¹⁴¹ ПСЗ-I. Т. 9. № 6529. С. 252.

¹⁴² ПСЗ-I. Т. 9. № 6753. С. 534.

¹⁴³ ПСЗ-I. Т. 9. № 5958. С. 650.

¹⁴⁴ ПСЗ-I. Т. 9. № 6127. С. 887.

¹⁴⁵ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России. С. 227.

доклады императрице или же записи о чтении реляций русских послов¹⁴⁶. Например, в журнале Кабинета от 5 октября 1733 г. было получено «всеподданейшее доношение генерала Ласси об избрании в короли курфюрста саксонского»¹⁴⁷.

Стоит отметить, что деятельность Кабинета министров также оказалась неразрывно связана с аппаратом, обслуживающим делопроизводственные потребности учреждения. Однако в первые годы существования Кабинета делопроизводственный аппарат находился только на стадии формирования. Исследователь А.В. Фаизов предполагает, что в новом учреждении, которое должно было докладывать императрице о государственных делах и готовить к подписи указы, роль секретарей будут исполнять сами министры, а подьячих, скорее всего, собирались призывать из других учреждений¹⁴⁸.

Но в связи с ростом полномочий Кабинет все больше нуждался в штатных делопроизводителях. К примеру, в декабре 1736 г. в период расцвета его работы в его штате находились уже 1 секретарь, 1 камерир, 2 канцеляриста, 3 коописта и 10 курьеров для посылок с определенными окладами¹⁴⁹. Однако и этого состава при большом объеме работы было недостаточно. Поскольку один секретарь «при имеющихся в Кабинете нашем делах» не мог справиться со своей задачей, одному из бывших секретарей Андрею Яковлеву было приказано возвратиться к своим обязанностям¹⁵⁰.

Необходимо обратить внимание, что на протяжении всего своего существования Кабинет отличался узким составом – в его работе принимали участие, как правило, два-три человека. Но важнейшей фигурой неизменно являлся Остерман. Завоевать доверие Анны Иоанновны он смог в трудное для нее время – когда перед будущей императрицей стоял вопрос принятия кондиций в 1730 г., именно Андрей Иванович убедил Анну Иоанновну отказаться от них,

---

¹⁴⁶ Фаизов А.В. Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730-1741 годах: стадии роста. С. 52.

¹⁴⁷ СИРИО. Т. 105. С. 490.

¹⁴⁸ Фаизов А.В. Аппарат Кабинета министров (1731-1741). С. 38.

¹⁴⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3857. Л. 178-179.

¹⁵⁰ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3866. Л. 13.

поскольку она получила трон по праву рождения, и потому должна была править самодержавно¹⁵¹.

Помимо того, что Остерман пользовался уважением Анны Иоанновны, он отличался высоким управленческим потенциалом. К тому же был известен бескорыстием в финансовом отношении и не принимал подарков от иностранных дворов без позволения правительства¹⁵². Более того, авторитет Остермана был основан не только на его уме и трудолюбии, но и на большом опыте в государственных делах. Не случайно прусский король Фридрих II, характеризуя графа Остермана, писал о нем: «искусный кормчий, он управлял кормилом империи, являясь осторожным и отважным, смотря по обстоятельствам, и знал Россию, как Верней – человеческое тело»¹⁵³.

И действительно, еще при Петре I Остерман сумел добиться расположения государя и с большим успехом проявлял себя на различных направлениях – и как дипломат, и как советник царя во внутренней политике. Одним из главных его достижений на внутривластном поприще можно назвать участие в составлении Табели о рангах 1722 г. Скорее всего, именно Остерман тогда выступил главным собирателем и систематизатором информации для будущего законодательного акта¹⁵⁴.

Стоит подчеркнуть, что сама по себе эпоха Петра I дала возможность проявить себя людям разносторонним, а не безликим, плывущим по течению – так называемым «птенцам гнезда Петрова»¹⁵⁵. И лично, и по своим убеждениям они стремились к продолжению политики европеизации и государственного просвещения. По большей части эти люди умелыми дельцами – знали свое дело и потому нужны были государству, каким бы оно не было¹⁵⁶.

---

¹⁵¹ Маньян Донесения // Со шпагой и факелом. С. 112.

¹⁵² Долгоруков В.П. Граф А.И. Остерман. С. 57.

¹⁵³ Там же. С. 58.

¹⁵⁴ Столяров О.Д. Иностранцы в правящей элите России XVIII века: проблема интеграции. С. 159.

¹⁵⁵ Лотман Ю. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994. С. 232.

¹⁵⁶ Там же. С. 239.

К кругу таких людей вполне можно отнести и Остермана – на протяжении всей своей деятельности стабильно обращавшегося к замыслам Петра I в качестве образца и по своей натуре являвшимся государственным, сторонником твердой государственной власти.

Важно отметить, что в период царствования Анны Иоанновны Остерман практически не занимался самостоятельным продвижением каких-либо крупных проектов преобразований. В свою очередь, это затрудняет установление его авторства многих решений и инициатив Кабинета министров. Однако известно, что в 1730 г., когда Кабинет еще работал неформально, Остерман уже занимал в этом совете решающее значение и пользовался расположением императрицы¹⁵⁷. Так, в июне 1730 г. Анна Иоанновна подписала указ о жалованье Андрею Ивановичу лифляндских земель в потомственное владение¹⁵⁸.

Сам факт того, что именно Остерман был главным организатором нового высшего органа власти, подтверждают и многочисленные свидетельства современников.

По воспоминаниям Миниха именно Остерман попросил фельдмаршала предложить императрице учредить Кабинет, который занимался бы важнейшими государственными вопросами. По словам фельдмаршала Анна Иоанновна приняла его предложение с условием, чтобы он сам стал членом Кабинета¹⁵⁹. Скорее всего, высказывание Миниха не стоит воспринимать всерьез, но тот факт, что фельдмаршал уже допускал решающую роль Остермана в организации Кабинета, дает возможность понять, что без Андрея Ивановича Кабинет не был бы учрежден.

К тому же вице-канцлеру неоднократно приходилось сталкиваться с серьезной конкуренцией при дворе. По словам Бирона Остерман и Левенвольде

---

¹⁵⁷ Лысцова А.С. Внутриполитическая деятельность А.И. Остермана в 1730-х-начале 1740-х гг. в воспоминаниях современников. С. 149.

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. 86 об-87.

¹⁵⁹ Миних Б.Х. Очерк управления Российской империей. С. 294.

пытались занять первостепенные роли при учреждении Кабинета, и в данном случае Остерман как раз достиг своей цели¹⁶⁰.

После смерти Головкина в 1734 г. Остерман стал первым кабинет-министром. Вместе с тем должность президента коллегии Иностранных дел также перешла Андрею Ивановичу¹⁶¹. В связи с этой обязанностью Остерман докладывал императрице сообщения о внешнеполитической обстановке и мог сам давать указания о переводе дипломатических документов¹⁶².

Известно, что Остерман часто «ходил вверх к Ея И. В-ву», чтобы получить от Анны Иоанновны подпись или обсудить с ней текущие государственные проблемы¹⁶³. К сожалению, содержание этих встреч остается неизвестным для исследователей, поскольку протоколы при них не велись. Вместе с тем как раз во время таких разговоров могли обсуждаться наиболее важные государственные проблемы. Интересно, что даже во время присутствия других лиц в Кабинете Остерман имел преимущественное право подниматься к государыне для обсуждения особо важных вопросов¹⁶⁴.

Определенно, что переломным моментом в жизни Остермана стал 1736 г., когда Андрей Иванович был вынужден отказаться от личного присутствия в Кабинете – подобные изменения были связаны с его прогрессирующей болезнью – подагрой. Однако он по-прежнему сохранял положение доверенного лица императрицы и был в курсе основных государственных проблем¹⁶⁵.

Важно отметить, что сохранились записки Анны Иоанновны к Остерману. К сожалению, почти на всех этих посланиях не указана дата. Так, в одном из писем, ориентированном примерно 1738 г. Анна Иоанновна спрашивала у министра совета по внешней политике. Так как в то время еще продолжалась русско-турецкая война 1736-1739 гг., императрица вспоминала, что «Прусской трактат

¹⁶⁰ Бирон Э.И. Записка. С. 189.

¹⁶¹ Столяров О.Д. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII в.: проблема интеграции. С. 174.

¹⁶² Фаизов А.В. Состав Кабинета министров в 1731-1733 годах: персональная деятельность членов. С. 21.

¹⁶³ СИРИО. Т. 103. С. 277, 511, 515.

¹⁶⁴ Лыцкова А.С. Внутриполитическая деятельность А.И. Остермана. С. 72.

¹⁶⁵ Там же. С 76-77.

[Прутский мирный договор. - Д.К.] был великий вред и несчастье нашему государству, которой в ту пору из нужды был сделан», и если найдется такой способ, чтобы трактат ликвидировать, не лучше ли войну прекратить? «Только как в этом деле дела зачинать, то мы на ваше искусство и верность надеемся» – писала императрица Остерману¹⁶⁶.

Также о степени влияния Остермана на положение дел в Кабинете министров говорит и тот факт, что ему, уже прикованному к постели в связи с болезнью в последние пять лет работы Кабинета, дела приносили на дом¹⁶⁷.

Вероятно, Андрей Иванович принадлежал к тому типу государственных деятелей, которые не стремились к радикальным изменениям, а желали постепенного улучшения отдельных сторон государственной жизни¹⁶⁸.

Ключевые положения правительственной программы кабинет-министра можно увидеть в его сохранившихся проектах – краткой «Записке для памяти Остермана для управления Россиею»¹⁶⁹ приблизительно 1730 г. и уже более подробном документе, представленном Анне Леопольдовне в 1740 г.¹⁷⁰, в общих чертах повторявшим пункты внутривполитической программы правления Анны Иоанновны, рассмотренные в первом случае¹⁷¹.

В обеих работах Остерман наибольшее внимание уделял улучшению системы правосудия в государстве. Так, он выступал за систематизацию права, для чего видел необходимость в завершении Уложения законов при помощи специальной комиссии¹⁷². Что касается духовных вопросов, то Остерман предполагал, что здесь стоит опираться на «Духовный регламент», изданный еще

¹⁶⁶ Восемь собственноручных писем императрицы Анны Иоанновны // Оснадцатый век: исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым. Кн. 3. М., 1869. С. 155.

¹⁶⁷ Столяров О.Д. Внутривполитическая деятельность А.И. Остермана в период правления Анны Иоанновны. С. 46.

¹⁶⁸ Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904. СПб., 1911. С. 303.

¹⁶⁹ Записка для памяти А.И. Остермана, об управлении Россиею // Архив князя Воронцова. М., 1980. Т. 24. С. 1-5.

¹⁷⁰ Представление графа Остермана о нуждах государства Анне Леопольдовне в 1740 г. // Памятники новой русской истории. СПб., 1873. Т. 3. С. 256-277.

¹⁷¹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривполитического курса и судьбы армии и флота. С. 94.

¹⁷² Записка для памяти А.И. Остермана, об управлении Россиею. С. 1.

Петром I, поскольку он «хорошо сочинен и получил одобрение от всего народа». Весомое значение глава Кабинета придавал и повышению уровня образования – «ни что так государству не нужно, как хорошие училища»¹⁷³. Проявлял Андрей Иванович заботу и о совершенствовании России в военном отношении – много рассуждал об укреплении оборонительных линий, умножении селитренных заводов, строительстве новых кораблей¹⁷⁴.

Наиболее серьезные недочеты Остерман наблюдал в «гражданском состоянии» – системе внутреннего государственного управления. Структура органов центрального и местного руководства, по его мнению, нуждалась в значительных изменениях, ведь именно от нее в государстве зависело состояние правосудия, доходов, полиции и т.д. В качестве действенного решения по повышению эффективности государственного управления Андрей Иванович предлагал деление государственных учреждений на департаменты, которые рассматривали бы вопросы, различающиеся по своему содержанию, что дало бы возможность ускорить процесс делопроизводства¹⁷⁵.

В документах кабинет-министра сохранились его наработки по экономическим вопросам – «проекты для нового прибавления в купечестве и коммерции» в 13 пунктах. Здесь вице-канцлер писал о необходимости укрепления роли России на внешнем рынке – организации во Франции, Голштинии, Португалии и Венеции особой компании с привилегией, поиске способов торговли с Японией; развитию внутренней торговли – например, приведении рыбных Астраханского и Яицкого торгов в такое состояние, чтобы прекратить импорт чужой сельди. Кроме того, важное значение в его проекте придавалось добыче железа и меди с целью экспорта, для чего следовало раздать разным лицам заводы с обязательствами перед государством¹⁷⁶.

Как недостаток изложенных программ вице-канцлера можно отметить их общий характер – Остерман называл лишь примерные направления возможных

---

¹⁷³ Представление графа Остермана о нуждах государства Анне Леопольдовне в 1740 г. С. 261.

¹⁷⁴ Там же. С. 262-265.

¹⁷⁵ Там же. С. 269-270.

¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 19. Оп. 1. Д. 244. Л. 28.

преобразований, не предлагая конкретных мер по их осуществлению. Необходимо подчеркнуть, что его правительственная программа практически не эволюционировала за десять лет. Стоит отметить, что всех своих талантах Андрей Иванович во внутренней политике во многом оставался исполнителем лишь планов, намеченных еще Петром I. Притом он выступал за их постепенную реализацию, а не немедленное исполнение. Кроме того, Остерману не было присуще стремление к комплексным реформам, что нашло и отражение на работе Кабинета.

Что касается остальных кабинет-министров – Головкина, Ягужинского, Бестужева-Рюмина – то они были у власти совсем недолго, чтобы успеть повлиять на работу Кабинета. В частности, в 1730-е гг. Головкин находился уже в преклонном возрасте и был склонен к постоянным болезням. Таким образом, его влияние на государственные дела не являлось значимым¹⁷⁷. К тому же сотрудничество с Головкиным было привычным для Остермана, поскольку ранее Андрей Иванович работал под руководством Головкина в одном дипломатическом ведомстве¹⁷⁸. Вероятно, что Головкин был пассивной фигурой в Кабинете, находящейся под влиянием Остермана.

Роль Черкасского тоже в Кабинета носила второстепенный характер – современники часто его обвиняли в лени и пассивности. По словам Миниха, Черкасский был телом Кабинета, в то время как Остерман – его душой¹⁷⁹. Интересно, что и князь Черкасский первое время выступал как противник Остермана, пытаясь совместно с Ягужинским склонить Анну Иоанновну к расширению состава Кабинета¹⁸⁰. Однако позже князь уже не мог навредить вице-канцлеру, потому как лишился милости императрицы, вследствие того, что неохотно выразил согласие на брак между своей дочерью и графом Левенвольде¹⁸¹.

¹⁷⁷ Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904. С. 291.

¹⁷⁸ Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны. С. 70.

¹⁷⁹ Миних Б.Х. Очерк управления Российской империей. С. 294.

¹⁸⁰ Маньян Донесения // СИРИО. Т. 81. С. 115.

¹⁸¹ Там же. С. 206, 218.

Неоднозначную характеристику Алексею Михайловичу дал французский дипломат Шаторди – по его утверждению, Черкасский совмещал в себе «знатное происхождение, значительное состояние и ограниченность, равную его покорности»¹⁸².

Тем не менее, несмотря на негативные отзывы современников, именно Черкасскому единственному удалось не только остаться в составе Кабинета вплоть до его ликвидации в 1741 г., но и не попасть в опалу в отличие от других коллег, сохранить стабильное положение в чиновной иерархии при Елизавете Петровне до своей смерти в 1742 г. Вероятно, Алексей Михайлович все же обладал определенной политической изворотливостью и умением договариваться с окружающими¹⁸³.

Однако сильную конкуренцию во влиянии на императрицу Остерману составил ее фаворит Бирон, который противодействовал кабинет-министру при помощи системы «сдержек и противовесов»¹⁸⁴. Вопрос о том, насколько сильным было влияние Бирона на внутреннюю политику, является спорным. Так, одни исследователи склонны преувеличить могущество фаворита, называя исследуемый период «бионовщиной»¹⁸⁵. Другие же, наоборот, принижали его роль в управлении государством, считая, что герцог Курляндский предпочитал ни во что не вмешиваться¹⁸⁶.

Очевидно, что, состоя в доверительных отношениях с Анной Иоанновной, Бирон имел представление о ее личном восприятии важнейших государственных лиц, ее планах и стремлениях, симпатиях и антипатиях при дворе, что открывало ему возможность принимать участие в политике.

Однако следует понимать, что Бирону было сложно конкурировать с Остерманом в управлении государством по уровню образованности и компетентности. Фаворит искренне завидовал умению Остермана, который мог

---

¹⁸² Шаторди Ж-И. Донесения // СИРИО. Т. 86. С. 498.

¹⁸³ Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. С. 167-168.

¹⁸⁴ Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны. С. 72.

¹⁸⁵ Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 4. С. 270.

¹⁸⁶ Карнович Е.П. Значение бионовщины в русской истории // ОЗ. 1873. № 10, 11; Строев В.Н. Бионовщина и Кабинет министров. Очерк внутренней политики императрицы Анны.

подать успешную политическую акцию как свою собственную заслугу и в то же время отсутствовать при неоднозначном ходе событий¹⁸⁷. Тогда становится понятно, какое значение для временщика приобретала кадровая политика. Бирону было легче назначать своих ставленников, через которых он мог влиять на принятие решений, чем самому участвовать в работе Кабинета¹⁸⁸.

Тем не менее нельзя не отрицать, что продолжительная болезнь могла отнимать силы Андрея Ивановича, в результате чего он мог не успевать отражать кадровые «удары» со стороны Бирона.

Так, в 1735-1736 гг. Остерману активно пытался противостоять Ягужинский. 28 апреля 1735 г. императрица указала Кабинету о необходимости введения Павла Ивановича в его состав¹⁸⁹. Позже стала известна и сумма жалованья для нового кабинет-министра – ежегодный оклад в 6 тыс. рублей¹⁹⁰.

Вероятно, Ягужинский получил новую должность по протекции Бирона. Известно, что, говоря о в составе Кабинета, английский посланник К. Рондо полагал, что так как Бирон весьма расположен к Ягужинскому, скорее всего, теперь вся работа Кабинета будет находиться в ведении нового министра¹⁹¹. По его словам, Ягужинский был талантливой личностью, разбиравшейся в состоянии внутренней и внешней политики¹⁹². Положительную оценку министру давал и испанский посол герцог Лирийский: «Решившись на что-либо, он был тверд в исполнении этого дела, и государям своим очень предан. Словом, это был один из способнейших людей России»¹⁹³.

Любопытно отметить, что подобно Остерману Ягужинский тоже получил перспективу карьерного роста при Петре I. Исполняя разнообразные поручения царя, Павел Иванович успел зарекомендовать себя как в дипломатии, так и во

¹⁸⁷ Курукин И.В. Бирон. С. 150.

¹⁸⁸ Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны. С. 78.

¹⁸⁹ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3857. Л. 130.

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 2085. Л. 245.

¹⁹¹ Рондо К. Донесения // СИРИО. Т. 75. С. 394.

¹⁹² Там же. С. 501.

¹⁹³ Герцог Лирийский. Записки о пребывании при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского. С. 254.

внутренней политике. К примеру, именно ему было поручено «надзирать» за президентами коллегий¹⁹⁴.

Известно также представление Ягужинского и Екатерине I в котором генерал-прокурор излагал свою точку зрения по поводу государственного переустройства страны. К примеру, Павел Иванович предлагал сократить подушную подать в связи с неурожаями и убылью населения, выступал за сокращение военных расходов. Любопытно, что Ягужинский писал о возможной угрозе со стороны калмыков и башкир, предупреждая, что в случае потенциального конфликта с ними, в войну могут оказаться втянуты и другие пограничные народы¹⁹⁵. Таким образом, генерал-прокурор отчасти предугадал возможное развитие событий на Юго-Востоке европейской России во второй половине 1730-х гг.

Однако, не пробыв на новом посту и года, Ягужинский умер после продолжительной болезни 6 апреля 1736 г., так и не успев проявить свои способности¹⁹⁶.

Серьезную конкуренцию Остерману в роли первого министра Кабинета в последние два года правления Анны Иоанновны составил Артемий Петрович Волынский – «младший современник и пленец гнезда Петрова». К середине 1730-х гг. он успел проявить себя в качестве участника Прутского похода, посланника в Персии, а также губернатора в Астрахани и Казани. Как оказалось, с возложенными на него обязанностями Волынский справлялся вполне успешно. Не случайно еще Петр I, хорошо разбиравшийся в людях, в свое время запомнил молодого Артемия Петровича и способствовал его продвижению по карьерной лестнице¹⁹⁷.

---

¹⁹⁴ Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны. С. 107.

¹⁹⁵ Ягужинский П.И. Записка о состоянии России (1726 г.) // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1860. Октябрь-декабрь. М., 1861. Кн. 4. С. 269-273.

¹⁹⁶ Рондо К. Донесения // СИРИО. Т. 75. С. 501.

¹⁹⁷ Курукин И.В. Артемий Волынский. С. 15-17.

Волынский получил должность министра по именному указу Сената и Кабинета 3 апреля 1738 г.¹⁹⁸. Однако известно, что он проявлял себя в Кабинете еще в 1735 г., объявляя высочайшие повеления императрицы еще находясь в должности генерал-адъютанта¹⁹⁹.

Репутация Волынского была неоднозначной – так, известно, что, на посту губернатора Казани Артемий Петрович брал взятки и лишь, видимо, личные симпатии императрицы спасли будущего министра от возможного наказания в 1730 г.²⁰⁰.

Не последнюю роль в карьерном росте Волынского вновь сыграло стремление Бирона противопоставить влиянию Остермана «своего» человека. В 1730-е гг. Волынский поддерживал неформальные отношения с фаворитом императрицы – напрямую называл герцога Курляндского патроном в своих письмах и просил дальше держать его «в высочайшей милости»²⁰¹. Помогли Волынскому и связи другого рода – родственник по материнской линии Анны Иоанновны С.А. Салтыков был женат на родной тетке Артемия Петровича²⁰².

Однако добившись новых карьерных высот, Волынский вскоре проявил вспыльчивый и неуживчивый характер. Известно, что он быстро отстранился от своего покровителя Бирона и вызвал неприязнь многих государственных деятелей – стал врагом Остермана, конфликтовал с Минихом и даже проявлял недовольство по отношению к самой Анне Иоанновне²⁰³.

Тем не менее на протяжении двухлетней деятельности в роли кабинет-министра – 1738-1740 гг., Волынский проявлял большую активность. Если Остерману была присуща осторожная позиция – он предпочитал оставаться в стороне, действуя через других, то Волынский был человеком иного склада. Став кабинет-министром, он желал постоянно быть на виду²⁰⁴.

---

¹⁹⁸ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3857. Л. 130; СИРИО. Т. 120. С. 283.

¹⁹⁹ СИРИО. Т. 113. С. 58-59, 75, 76.

²⁰⁰ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 34. Л. 9.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 510. Л. 1-1 об.

²⁰² Крючков Н.Н. Артемий Петрович Волынский: личность и деятельность. С. 17.

²⁰³ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. С. 1032.

²⁰⁴ Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904. С. 303.

Вместе с тем Волынский сумел наладить сотрудничество с Черкасским. Несмотря на долгую совместную работу с Остерманом, Алексей Михайлович был недоволен той незначительной ролью, которая была отведена ему в Кабинете. Поэтому князь и нередко беседовал с Волынским, жалуясь тому на Остермана, Бирона и императрицу²⁰⁵.

В бумагах Кабинета этот союз проявился в том, что теперь вместо привычной формулировки «г.г. министры приказали» в записях о заседаниях появилась другая – «его светлость кн. Алексей Михайлович и его пр-во Артемий Петрович изволили приказать», в то время как Остерман излагал свое мнение особо²⁰⁶. Любопытен и тот факт, что «приказы», отданные из Кабинета одним Волынским или Волынским вместе с Черкасским, в количественном отношении стали преобладать над приказами одного Остермана²⁰⁷.

Волынский, несомненно, обладал организаторским талантом – объединял вокруг себя людей, в основном представителей шляхетства, с которыми мог дискутировать на различные политические темы. Его «конфиденты» являлись людьми с выдающимися умственными способностями. Так, среди ближайшего окружения кабинет-министра известны такие лица, как морской офицер Ф.И. Соймонов, придворный архитектор П.М. Еропкин, горные инженеры – А.Ф. Хрущев и В.Н. Татищев, впоследствии известный русский историк, руководитель Оренбургской экспедиции (комиссии) и другие. Собираясь в доме кабинет-министра, приятели Волынского были заняты чтением и обсуждением политических и исторических произведений Макиавелли, Юста Липсия и других западноевропейских писателей XVI-XVII вв²⁰⁸.

В кругу своих «конфидентов» Волынский часто рассуждал о государственном устройстве России и необходимости его реформирования. По всей видимости, абсолютизм он признавал «меньшим злом» по сравнению с

---

²⁰⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20. С. 1618.

²⁰⁶ СИРИО. Т. 130. С. С. 52, 196, 209.

²⁰⁷ Филиппов А.Н. Волынский как кабинет-министр. С. 559.

²⁰⁸ Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты». С. 301-303.

олигархическим проектом «верховников», но критиковал главный, по его мнению, порок русского самодержавия – «деспотичество»²⁰⁹.

Помимо того, что Артемий Петрович принимал активную роль в работе Кабинета, он к тому же еще работал над обширной программой государственного переустройства – «Генеральным проектом о поправлении внутренних государственных дел»²¹⁰. К сожалению, «Генеральный проект» не дошел до нас в подлинном состоянии. Но о его примерном содержании можно получить представление благодаря историку Ю.В. Готье, сумевшему в начале 1920-х гг. реконструировать план Волынского по отдельным записям²¹¹.

Таким образом, сам «Генеральный проект» был разделен на шесть частей: 1) об укреплении границ и армии; 2) о церковных чинах; 3) о шляхетстве; 4) о купечестве; 5) о правосудии; 6) об экономии²¹².

Судя по всему, Волынский был заинтересован в возвышении российского дворянства. К примеру, он выступал за винную монополию для шляхетства. Кроме того, Артемий Петрович полагал, что должности в государстве должны были принадлежать представителям дворянского сословия, потому как «подлые люди» являются не надежными²¹³. Также по мнению Волынского, представителей знатного шляхетства необходимо было отправлять учиться за границу, «чтобы у нас были свои природные министры»²¹⁴.

Если Остерман видел необходимость в кодификации права в России, то в проекте Волынского прослеживались идеи о том, что в первую очередь нужно упорядочить родословные дворянских фамилий, а потом заняться общей системой законодательства²¹⁵. Подобная мысль, вероятно, отвечала честолюбивым замыслам самого Артемия Петровича. Есть сведения о том, что он стремился доказать свое происхождение от семьи Дмитрия Донского. Несмотря

²⁰⁹ Черникова Т.В. Царствование Анны Иоанновны – реалии и исторические мифы // Люди и тексты. Исторический альманах. 2017. С. 200-201.

²¹⁰ Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества. 1704-1904. С. 303.

²¹¹ Там же. С. 11.

²¹² Записка об Артемии Волынском. С. 154.

²¹³ Мавродин В.В. Рождение новой России. С. 223.

²¹⁴ Записка об Артемии Волынском. С. 154.

²¹⁵ Савельева Е.Н. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны. С. 114.

на то, что эти «доказательства» не имели под собой весомых оснований, рассуждения Волынского о родстве с Рюриковичами в дальнейшем позволили следствию обвинить его в желании захватить русский престол²¹⁶.

Вместе с тем вряд ли план преобразований Волынского затрагивал серьезные изменения в системе верховной власти. Несмотря на то, что проект и предполагал расширить привилегии «шляхетства», он не преследовал цели напрямую ограничить самодержавие. Вероятно, после своего завершения он предназначался к подаче императрице, однако в связи с политическим процессом над Волынским просто стал еще одним удобным предлогом для обвинения в апреле 1740 г.²¹⁷.

Волынский часто проявлял собственную инициативу в процессе решения государственных проблем. Например, он был серьезно обеспокоен нехваткой высококвалифицированных кадров в России, на основании чего 13 августа 1739 г. предложил: во-первых, выбрать из кадетского корпуса 30 человек к посылке в иностранные государства для дальнейшего определения их в коллегии и другие учреждения особенно из таких, кто обучен языкам, юриспруденции, истории, а также способен к политическим делам; во-вторых, выбрать еще 30 человек из кадетского корпуса из российского шляхетства, не из знатных фамилий, но «... чтобы были острого ума и понятных к науке...», особенно из таких, кто умеет рисовать и знает иностранные языки так, чтобы могли читать книги об архитектуре, и представить их архитектору Еропкину²¹⁸.

Судьба Волынского трагична – его казнили по обвинению в измене в июне 1740 г. Как показали исследования над его процессом, в его падении решающую роль сыграл Остерман, несмотря на то, что при дворе сложилось впечатление, что устранение Волынского было делом рук Бирона. Интересно, что вина Остермана в опале Волынского вряд ли была бы доказана, если бы не материалы над самим министром зимы 1741-1742 гг. во время которого были найдены бумаги, где

---

²¹⁶ Крючков Н.Н. Артемий Петрович Волынский: личность и деятельность. С. 19.

²¹⁷ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. С. 265.

²¹⁸ СИРИО. Т. 130. С. 99.

Андрей Иванович подробно рекомендовал Анне Иоанновне как поступить с Волынским. Когда бывшего вице-канцлера допрашивали, зачем он интриговал против Волынского, Остерман признавался, способствовал его опале, так как тот выступал против него²¹⁹.

Впоследствии личность Волынского была мифологизирована отечественной историографией и публицистикой первой половины XIX в., создавшей исключительно положительный образ Артемия Петровича как главы патриотической оппозиции против режима «бироновщины». И хотя еще С.М. Соловьеву удалось опровергнуть романтизированный миф об «истинном патриоте» и дать достаточно объективную оценку его личности, пережитки этого мифа все равно появлялись в работах историков²²⁰.

Стоит согласиться с современным исследователем Н.Н. Петрухинцевым, что казнь над Волынским представляет собой эпизод типичной дворцовой интриги, основанный на надуманных обвинениях. Главными виновниками процесса можно считать Остермана, в нужный момент нашедшего поддержку у Бирона²²¹. Что касается самого Волынского, тут стоит прийти к выводу, что он не соразмерил силу своего влияния с теми амбициозными задачами, которые перед собой поставил. Министр хотел не только стать самостоятельной фигурой в политике, но и буквально перестроить под себя и придворную элиту, и государственное управление²²².

Еще до казни над Волынским 18 августа 1740 г. Анна Иоанновна уже назначила на освободившееся место Бестужева-Рюмина, чтобы том мог «в оном нашем Кабинете дела исправлять»²²³. По словам Миниха, императрица выбрала эту кандидатуру по указанию Бирона, по-прежнему заинтересованного в том, чтобы уравновесить влияние Остермана²²⁴.

---

²¹⁹ СИРИО. Т. 130. С. 10.

²²⁰ Польской С.В. Артемий Петрович и его «злодейские рассуждения и проект». С. 7.

²²¹ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. С. 987.

²²² Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. С. 374.

²²³ РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3866.

²²⁴ Миних Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи. С. 303.

Очевидно, фельдмаршал был прав, поскольку в это время потребность для Бирона иметь в Кабинете своего ставленника еще больше возросла – императрица была уже в болезненном состоянии, а сам герцог Курляндский находился в плохих отношениях с Анной Леопольдовной и ее мужем Антоном Ульрихом, а потому мог иметь все основания сомневаться в стабильности своего будущего. Бестужев-Рюмин вполне подходил на роль кабинет-министра, так как вряд ли бы вступил в союз с Остерманом бывшем в конфликте с Бестужевыми и князем Черкасским, который также не имел причин хорошо относиться к новому министру, поскольку их связывала давняя неприязнь²²⁵. К тому же Бестужев успел зарекомендовать себя, как человек преданный императрице – в 1733 г. Алексей Петрович обнаружил в Гамбурге донос бывшего пажа герцогини Макленбургской Екатерины Иоанновны Ф. Милашевича на смоленского губернатора А.А. Черкасского, замыслившего возвести на трон Петра Ульриха, внука Петра I. Доведя эти сведения до Санкт-Петербурга, Бестужев-Рюмин смог упрочить свою карьеру, что в дальнейшем предопределило его путь в Кабинет²²⁶.

Однако Бестужев не успел проявить себя в новой должности – буквально через три месяца после его возвышения, в ночь с 17 по 18 октября 1740 г. императрица скончалась²²⁷. В решающий момент для Бирона – когда после смерти Анны стоял вопрос о выборе регента, Алексей Петрович действительно предпочел остаться на стороне своего покровителя, предложив кандидатуру Бирона на роль регента²²⁸. Однако Бестужеву недолго удалось продержаться на посту кабинет-министра – в ночь ареста Бирона с 8 по 9 ноября 1740 г. Алексей Петрович был взят под стражу, «обвиняемый в непомерной приверженности к деспоту»²²⁹.

Свержение регента вызвало новые пертурбации в Кабинете министров. Честолюбивый Миних, сыгравший первостепенную роль в устранении Бирона от

---

²²⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20. С. 1634.

²²⁶ Емелина М.А. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин. // Вопросы истории. 2007. № 7. С. 31.

²²⁷ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. С. 1634.

²²⁸ Курукин И.В. Бирон. С. 315.

²²⁹ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна». С. 457.

власти, желал для себя – в заслугу за совершенный «подвиг» – удовлетворения амбиций. Получив должность первого кабинет-министра, он надеялся занять при Анне Леопольдовне место герцога Курляндского. Но сразу после переворота он отошел от дел в связи с болезнью, а когда в начале 1741 г. попытался восстановить свое влияние, то обнаружил, что у власти оказались другие лица. В руках Остермана снова была коллегия иностранных дел, а Черкасский и М.Г. Головкин занялись внутренним управлением. Миниху досталось руководство военной коллегией, но и здесь он находился под контролем у Антона Ульриха. Таким образом, сложившаяся обстановка послужила катализатором для нового витка придворной борьбы²³⁰. В этих условиях противники Миниха сумели настроить регентшу против фельдмаршала и добиться его отставки. Впоследствии он, как и ненадолго оставшиеся у власти Остерман и Головкин, был отправлен в ссылку при Елизавете Петровне²³¹.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. На основе сравнения Кабинета министров 1730-1741 гг. с высшими органами власти некоторых западноевропейских стран XVI-XVII вв. было сделано заключение о том, что Кабинет министров 1730-х гг. представлял собой учреждение переходного типа от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам современных государств. Для таких государственных учреждений были характерны сравнительно узкий состав, неопределенность компетенции, а также зачатки специализации в сфере управления.

Можно прийти к заключению, что учреждение Кабинета министров было необходимо императрице, чтобы облегчить ей управление государством. Первоначально Кабинет действовал неофициально, однако после учреждения в 1731 г. этот орган государственного управления стал последовательно расширять свое влияние. Несмотря на то, что в указе об учреждении Кабинета, его функции не были четко расписаны, он обрел свое значение в процессе своей работы. Деятельность Кабинета изначально была неявной – можно сказать, что

---

²³⁰ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в. С. 10-11.

²³¹ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна». С. 467, 475.

изначально он занимался обеспечением контроля над деятельностью других государственных учреждений.

Стоит обратить внимание, что практически все члены Кабинета получили перспективу карьерного роста благодаря поддержке Петра I. На протяжении существования Кабинета в его состав входило два-три человека, и неизменны в нем были две фигуры – Остерман и находившийся у него в подчинении Черкасский. Хотя Остерман и являлся главой Кабинета, в руках которого было сосредоточено управление страной, его нельзя назвать реформатором в полном смысле этого слова – в целом правительственная программа Андрея Ивановича была направлена на исправление отдельных сторон государственного управления. Важно отметить, что программа Остермана была положена в основу практической деятельности Кабинета. Можно заключить, что с молодых лет являясь советником Петра I, Остерман оказался последовательным сторонником воплощения петровских преобразований и в 1730-е гг. В качестве практической основы для преодоления возникающих проблем Андрей Иванович предлагал четкую регламентацию функций государственных учреждений.

Хотя время от времени Кабинет проводил заседания в расширенном составе, особого влияния на его работу они не имели. Безусловным фактом является то, что Бирон пытался использовать своих креатур – Ягужинского, Волынского, Бестужева-Рюмина, чтобы уменьшить влияние Остермана. Из них наиболее ярко показал себя в 1738-1740 гг. Волынский, который стремился проводить свою собственную политическую линию, однако потерпел неудачу. Очевидно, что Волынский не отличался гибкостью – качеством, необходимым для «выживания» в правящей элите 1730-х гг., что повлекло за собой не только его опалу, но и исполнение смертного приговора.

ГЛАВА 2. СИСТЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ С ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩИМ СЕНАТОМ И ЦЕНТРАЛЬНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ В 1730-1741 ГГ.

2.1. Деятельность Правительствующего Сената

Заняв российский престол, Анна Иоанновна оказалась в непростой ситуации. Также, как и ее предшественники, случайным образом взошедшие на трон Петра I, императрица не имела четкого представления о том, как ей руководить государством²³².

Первыми серьезными политическими шагами императрицы стали устранение Верховного тайного совета и восстановление полномочий Правительствующего Сената. Манифестом от 4 марта 1730 г. Высокий сенат подлежал ликвидации, а вместо него был определен Правительствующий сенат «на таком основании, и в такой силе, как при ... Петре Великом»²³³.

Этот факт подчеркивает, что изначально Анне Иоанновна намеревалась действовать в русле петровских преобразований и добиваться устранения недостатков, произошедших за то краткое время, пока у власти находились преемники Петра I²³⁴. Очевидно, что Сенат единодушно воспринимался как символ петровской эпохи и в то же время залог прочности его преобразований, обращение к которым неоднократно повторялось в последующих указах при новой императрице²³⁵.

В обновленный состав Сената вошли следующие лица – канцлер Головкин, фельдмаршалы Голицын, Долгоруков и Трубецкой, князь Дмитрий Голицын, князь В.Л. Долгоруков, вице-канцлер Остерман, князь Ромодановский, генерал

---

²³² Белова Т.А. Кабинет Анны Ивановны в системе государственного управления Россией // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 1 (27). С. 9.

²³³ ПСЗ-I. Т. 8. № 5510. С. 253.

²³⁴ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. С. 38.

²³⁵ Бабич М.В. Сенаторы 1730-х гг. в системе государственной власти // Государственные учреждения России XVIII в. М., 1999. С. 20.

Ягужинский, князь Черкасский, генералы Чернышев, Ушаков, Молчанов и Салтыков, князь Г. Юсупов, князь Юрий Трубецкой, князь Барятинский, князь Б. Юсупов, генерал Сукин, статский советник Новосильцов, граф М. Головкин²³⁶.

Современные исследователи определяют восстановление полномочий Сената как «обыкновенную реорганизацию» с целью уничтожения Верховного тайного совета, как уступку еще неустоявшегося самодержавия или «определенный компромисс» императрицы с генералитетом²³⁷.

И действительно, немедленно устранив Верховный тайный совет, Анна Иоанновна первое время не решалась подвергнуть каким-либо санкциям членов Верховного совета и даже ввела их в состав Сената. Однако уже в апреле 1730 г. один из лидеров «верховников» – князь В.Л. Долгоруков был отправлен губернатором в Сибирь, а летом того же года сослан в Соловецкий монастырь. Еще один влиятельный представитель фамилии Долгоруких, вошедший в состав Сената – фельдмаршал В.В. Долгоруков подвергся опале в конце 1731 г.²³⁸.

Нужно отметить, что императрица уничтожила Верховный тайный совет не сколько как лишнюю государственную структуру, а как враждебный политический орган, в котором присутствовали ее противники. После неудачной «затейки верховников» было ясно, что существование совета обречено. Но потребность в учреждении, способном оказать императрице поддержку в государственных делах, все же не исчезла²³⁹. Герцогиня Курляндская Анна Иоанновна, прожившая около двадцати лет в Митаве, и малоопытная в делах управления государством, безусловно, нуждалась в совете²⁴⁰.

Таким образом, восстановленный Сенат в первый год правления императрицы формально становится ее опорой. Большая роль этому государственному учреждению отводилась в серии именных указов

²³⁶ Герцог Лирийский. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. С. 236.

²³⁷ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 34.

²³⁸ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. С. 965.

²³⁹ Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. С. 187.

²⁴⁰ Филиппов А.Н. Новые данные о Кабинете министров. С. 6.

от 1 июня 1730 г. Можно сказать, что именно через сенаторов были сформулированы основные направления будущего внутривластного курса²⁴¹.

Один из указов от 1 июня был посвящен разделению Сената на пять департаментов – по духовным делам; военным, сухопутным и морским делам; по делам Камер-коллегии; по делам Юстиц-коллегии и купеческим делам²⁴². Согласно этому указу в Сенате во главе департаментов были поставлены следующие лица – по духовным делам назначен канцлер Головкин; по военным, сухопутным и морским вопросам – генерал-фельдмаршал князь Долгорукий; по делам Камер-коллегии – тайный советник Новосильцев и князь Урусов; по купеческим делам, а также вопросам государственных фабрик и заводах – граф Остерман, князь Черкасский, тайный советник граф Головкин²⁴³.

В основе этого указа, скорее всего, лежали идеи Остермана о разграничении функций в рамках одного учреждения²⁴⁴. Как известно, в июне 1730 г. в связи с опалой Долгоруких влияние будущего главы Кабинета сильно возросло. На какой-то момент вице-канцлер был избавлен от соперников и противодействия своим планам, а потому принял решающую роль в выработке программы царствования²⁴⁵.

И действительно, по проекту Остермана Сенат должен быть разделен на четыре экспедиции. Если же сенаторы не могли решить какой-либо вопрос, то обязаны были передать дело в пятую экспедицию, чтобы вынести решение в полном собрании. При этом один из сенаторов должен был осуществлять руководство над этим процессом. Сам Андрей Иванович признавался, что всю жизнь стремился к тому, чтобы в коллегиях и в Сенате дела были разделены между департаментами, «как то в других краях отправляется». При этом он писал, что множество членов в одном учреждении скорее воспрепятствует, чем

²⁴¹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. С. 66.

²⁴² ПСЗ-1. Т. 8. № 5570. С. 285.

²⁴³ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 159. Л. 2об.

²⁴⁴ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. С. 69.

²⁴⁵ СИРИО. Т. 81. С. 48-49.

способствует решению проблемы²⁴⁶. Будучи последовательным политиком, он придерживался тех же планов и в 1740-1741 гг., когда на повестке дня снова встал вопрос о разработке проекта сенатской реформы²⁴⁷.

Можно сказать, что сама идея разделения Сената на департаменты имела положительный характер – в теории разграничение функций должно было способствовать более оперативному решению дел, а также устранить поводы к медленному производству и волоките²⁴⁸. При этом разделение Сената, при котором основная работа должна была происходить в департаментах, должно было ослабить его и лишить статуса коллегиального правительственного органа, объединяющего бюрократическую элиту России²⁴⁹. Этот прогнозируемый результат вполне был выгоден Остерману, заинтересованном в ослаблении политического значения Сената.

Вместе с тем можно согласиться с точкой зрения М.В. Бабич о том, что так называемая «разнопартийность» первых сенаторов аннинского царствования – то есть их принадлежность либо к виднейшим сановникам, либо к рядовому генералитету, также не способствовала консолидации состава Сената²⁵⁰.

О стремлении поставить под контроль деятельность Сената верховной власти свидетельствует еще один именной указ от 1 июня 1730 г. о подаче императрице двух рапортов каждую субботу: один о решенных делах, а второй о тех, которые не могли быть решены без доклада Ее Величеству²⁵¹.

В пользу того факта, что Сенату фактически предстояло выступить в роли проводника основных направлений внутривластной программы говорит ряд остальных указов от 1 июня. Так, сенаторы должны были взять под свой контроль «немедленное окончание» нового Уложения законов и определить на его

---

²⁴⁶ РГАДА. Ф. 16. Д. 156. Л. 6об-7.

²⁴⁷ Цит. по: Лыцова А.С. Внутривластная деятельность А.И. Остермана. С. 62.

²⁴⁸ Пармонов А.С. О законодательстве Анны Иоанновны. Опыт систематического изложения. С. 64.

²⁴⁹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластной программы и судьбы армии и флота. С. 75.

²⁵⁰ Бабич М.В. Сенаторы 1730-х гг. в системе государственной власти. С. 19.

²⁵¹ ПСЗ-I. Т. 8. № 5566. С. 284.

разработку специалистов из шляхетства, духовенства и купечества²⁵². Кроме того, на имя Сената был издан именной указ об учреждении Комиссии из сенаторов для разработки штата коллегиям и канцеляриям. За основу при решении этого вопроса должны были быть взяты регламент и коллежские уставы Петра I. Комиссии следовало учитывать, что чиновники должны получать жалованье в зависимости не от ранга, а от коллежского места²⁵³. От того же числа был издан указ об учреждении Комиссии для рассмотрения состояния и исправления армии, артиллерии и фортификации – его исполнение также возлагалось на Сенат²⁵⁴. В эту серию также укладывается указ «о решении дел судьями по чистой совести», который следовало разослать по всем судным местам из Сената²⁵⁵.

О попытке вернуть Сенат в то положение, которое он имел при Петре I говорит и указ о возвращении в апреле 1730 г. при Сенате должности Генерал-Рекетмейстера, основная обязанность которого заключалась в подаче в Сенат о решенных делах «в противность указам» и нерешенных проблемах в связи с их долговременным откладыванием²⁵⁶.

Таким образом, можно отметить, что правительственная программа, возложенная на Сенат весной 1730 г., в первую очередь демонстрировала преемственность с политикой Петра I. Эта связь вполне объясняется тем, что этот проект разрабатывался представителями политической элиты петровской эпохи, оставшейся у власти в правление Анны Иоанновны²⁵⁷.

Итак, департаменты приступили к своей работе осенью 1730 г. Знаменательно, что единство Сената как органа власти оставалось неизменным, разделению подлежали только поступавшие в документооборот дела²⁵⁸. Однако на практике эта реформа оказалась неудачной. Сопrotивление сенаторов разделению Сената, а также сокращение количества его участников привели к

²⁵² ПСЗ-I. Т. 8. № 5567. С. 284-285.

²⁵³ ПСЗ-I. Т. 8. № 5568. С. 285.

²⁵⁴ ПСЗ-I. Т. 8. № 5571. С. 286-289.

²⁵⁵ ПСЗ-I. Т. 8. № 5565. С. 283-284.

²⁵⁶ ПСЗ-I. Т. 8. № 5534. С. 266.

²⁵⁷ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. С. 100.

²⁵⁸ Фаизов А.В. Организационная структура Сената в 1730-1741 годах. С. 60.

тому, что к концу их полуторагодичной работы департаменты трансформировались в преимущественно канцелярские отделы Сената для предварительной подготовки дел к слушанию, а к весне 1731 г., вероятно, исчезли. Исследователь Н.Н. Петрухинцев указывает, что попытки возобновления департаментской реформы Сената существовали в 1739 и 1741 г., однако, скорее всего, они также не имели серьезных последствий²⁵⁹.

Следующий этап преобразования Сената связан с его разделением на петербургский и московский. В ноябре 1731 г. в связи с переездом двора в Санкт-Петербург возникла потребность в реорганизации Сената. Первоначально императрица отправила в Кабинет записку со списком тех сенаторов, которым следовало ехать за ней в Петербург²⁶⁰. В дальнейшем, после полуторагодичного неофициального функционирования петербургского и московского Сената 8 июня 1733 г. последовал указ императрицы о соединении петербургского Сената с московским и «оставлением в Москве Сенатской конторы» во главе с С.А. Салтыковым с предоставлением ему особой инструкции²⁶¹.

На практике ситуация складывалась таким образом, что петербургский Сенат по большей части занимался основными вопросами государственного управления, разработкой новых законов, в то время как московскому Сенату приходилось управлять оставшимися в Москве коллегиями и конторами. Таким образом, на первый взгляд ключевая роль в области внутренней политики оставалась за петербургским Сенатом, хотя формально московский Сенат был равноправен петербургскому²⁶².

Однако тот факт, что во главе московской Сенатской конторы до 1739 г. находился Салтыков – дядя императрицы и доверенное к ней лицо, способствовало расширению влияния конторы. Известно, что Салтыков занимался делами не только Москвы, но и курировал соседние губернии. Также в

---

²⁵⁹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. С. 90.

²⁶⁰ СИРИО. Т. 103. С. 23-24.

²⁶¹ ПСЗ-I. Т. 9. № 6434. С. 161-162.

²⁶² Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. С. 99.

чрезвычайных ситуациях он имел право принимать самостоятельные решения²⁶³. Помимо личной переписки с императрицей Салтыков во второй половине 1730-х гг. имел корреспонденцию и с кабинет-министрами. Так, в мае 1737 г. Остерман и Черкасский предупреждали Салтыкова, что полномочным министрам, отправленным на конгресс в Киев для переговоров с Турцией необходимо было поторопиться и нигде, в частности в Москве надолго не останавливаться²⁶⁴. Или к примеру, в июне 1737 г. министры требовали от Салтыкова выявить последствия крупного пожара в Москве²⁶⁵.

Историк А.В. Фаизов доказывает, что излишняя самостоятельность московской конторы могла вызвать недовольство петербургских сенаторов. В качестве аргумента он приводит запрет Сената конторе назначать на службу князя Волконского, находившегося в отставке по именному указу от 1732 г., «также-ж и других таких ... оной конторе без сношения с Пр. Сенатом к делам не определять» от 23 декабря 1737 г.²⁶⁶.

Стоит обратить внимание, что, восстановив Сенат, императрица не вернула сразу должность генерал-прокурора. Пытаясь дать оценку этому моменту, исследователь А.Д. Градовский предположил, что уже в то время советники Анны Иоанновны решили поместить между Сенатом и верховной властью новое учреждение, которое действовало в их интересах – будущий Кабинет министров²⁶⁷.

Однако в октябре 1730 г. императрица все же восстановила должность генерал-прокурора, назначив ему в помощь обер-прокурора, а также определив прокуроров в коллегиях и канцеляриях²⁶⁸. Генерал-прокурором был определен Ягужинский, занимавший эту должность еще при Петре I. С этого момента

²⁶³ Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731-1740 гг. С. 139.

²⁶⁴ Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову 1732-1742 гг. М., 1878. С. 184-185.

²⁶⁵ Там же. С. 185-187.

²⁶⁶ Цит. по: Фаизов А.В. Организационная структура Сената в 1730-1741 годах. С. 63.

²⁶⁷ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПб., 1866. С. 146.

²⁶⁸ ПСЗ-I. Т. 8. № 5625. С. 326-327.

значение Сената, а вместе с тем и самого Ягужинского начинает усиливаться, что не могло устраивать лиц, заинтересованных в учреждении Кабинета²⁶⁹.

По наблюдению саксонского дипломата Лефорта с возвышением Ягужинского власть Остермана начала падать. По его сведениям, императрица попросила Павла Ивановича принимать участие в тайных заседаниях по делам внешней политики. Дипломат даже предполагал, не станет ли Андрей Иванович исполнителем приказов генерального прокурора, влияние которого было подкреплено дружбой с фаворитом Бироном²⁷⁰.

Однако подобным прогнозам не суждено было сбыться – восстановленная должность генерала-прокурора вскоре утратила свое значение. Падение влияния генерал-прокурора Сената было напрямую связано с изменением конъюнктуры при дворе императрицы. По свидетельству саксонского посланника Лефорта весной 1731 г. произошла перемена в лицах, принимавших участие в тайном совете Анны Иоанновны. Среди наиболее влиятельных людей он назвал Бирона, старшего Левенвольда и Остермана, «без которого, кажется, не могут обойтись». В то же время Ягужинский оставался в стороне от них и придерживался Сената²⁷¹. Ранее Лефорт писал о неудачных попытках Остермана «подружиться» с Бироном²⁷². Вероятно, к весне 1731 г. вице-канцлеру все же удалось найти подход к фавориту императрицы.

Таким образом, в результате интриг Остермана Ягужинский уже в конце 1731 г. был лишен поста генерала-прокурора, а на его место долгое время никто не был назначен. Обязанности генерал-прокурора стал исполнять его заместитель. Лишь в конце правления Анны Иоанновны в 1740 г. с подачи Бирона и с целью пресечения влияния Остермана на должность генерала-прокурора был назначен Н.И. Трубецкой²⁷³.

---

²⁶⁹ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. С. 151.

²⁷⁰ СИРИО. Т. 5. С. 385-386.

²⁷¹ Там же. С. 426.

²⁷² Там же. С. 386.

²⁷³ Фаизов А.В. Организационная структура Сената в 1730-1741 годах. С. 80.

Воссозданный Сенат, как и Кабинет, первоначально напрямую контактировал с Анной Иоанновной. Как известно, она лично посещала заседания Сената, что нашло отражение в его журналах. Уже с 5 марта 1730 г. отдельные члены Сената периодически объявляли в ее присутствии именные указы и высочайшие повеления²⁷⁴. Ситуация несколько изменилась в связи с именным указом от 9 июня 1735 г., когда подписи трех кабинет-министров были приравнены подписи императрицы. Хотя Сенат по-прежнему имел доступ к Ее Величеству, теперь наравне с Высочайшими резолюциями он получал резолюции, подписанные кабинет-министрами²⁷⁵.

Также по воле Анны Иоанновны стали возобновляться имевшие место еще при Петре I совместные «конференции» Сената и Синода для обсуждения вопросов веры, церкви и духовенства²⁷⁶. К примеру, в апреле 1731 г. был издан указ Сената и Синода о сборе пошлин с «венечных памятей» (архиерейских указов о повенчании) на лазареты²⁷⁷.

Однако Сенат был слишком громоздким учреждением, чьи функции были настолько широки, что документооборот, а значит и процесс принятия решений, носил замедленный характер. Таким образом, существовала практическая необходимость в новом государственном органе, чтобы придать процессу управления государством большей оперативности²⁷⁸.

Тем не менее и после учреждения Кабинета в 1731 г. Сенат продолжал контролировать множество вопросов. Так, в 1732 г. на него была возложена задача перечеканки мелкой монеты в крупную в губерниях и провинциях²⁷⁹.

Обширными в 1731-1735 гг. были функции Сената и в области судопроизводства, исполнение которых заключалось в решении многочисленных и нередко заурядных тяжб²⁸⁰.

---

²⁷⁴ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 35.

²⁷⁵ Филиппов А.Н. История Правительствующего Сената за двести лет. С. 514-515.

²⁷⁶ Там же. С. 36.

²⁷⁷ ПСЗ-I. Т. 8. С. 453-455.

²⁷⁸ Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Реформы в России XVIII века. М., 2001. С. 240.

²⁷⁹ ПСЗ-I. Т. 8. № 6178. С. 922.

Кроме того, велика была роль Сената в вопросе замещения должностей в местном управлении. К примеру, указ от 30 апреля 1732 г. о том, чтобы назначенные Сенатом воеводы представлялись в Кабинет императрицы до отправления их в города, действовал недолго²⁸¹. В дальнейшем эта прерогатива Кабинета была отменена указом в январе 1734 г., согласно которому обязанность отправлять в города воевод вновь возлагалась на Сенат²⁸².

Вместе с тем именно Сенат также должен был предлагать кандидатуры на должности генерал-губернаторов, губернаторов, вице-губернаторов, назначение которых находилось в ведении Кабинета²⁸³. Нельзя не отметить, что на практике назначение губернаторов все же могло проходить и через Сенат²⁸⁴.

Таким образом, можно проследить, что в первые месяцы после восшествия на престол Анны Иоанновны на Сенат официально была возложена роль основного государственного учреждения и проводника будущих реформ. Стоит подчеркнуть, что восстановление роли Сената шло под эгидой идеи возвращения к политике Петра I – дяди Анны Иоанновны. Вероятно, что в возрастании роли Сената была заинтересована определенная группа государственных лиц, основную роль среди которого играл Ягужинский, как генерал-прокурор Сената.

Однако в связи с усилением значения Остермана, будущего главы Кабинета министров, представление о Сенате, как о верховном органе государственного управления потеряло актуальность. Возможно, в 1730-1731 гг. идея о росте значения Сената на официальном уровне вполне укладывалась в планы Остермана. Вице-канцлер, скорее всего, таким образом вел двойную игру – выводя Сенат, как символ петровской эпохи на первый план, он тем временем незаметно закладывал основу для появления своего Кабинета. В недалеком будущем, когда Кабинет начал осуществлять свою деятельность уже в качестве

---

²⁸⁰ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 37.

²⁸¹ ПСЗ-I. Т. 9. № 6384. С. 101.

²⁸² ПСЗ-I. Т. 9. № 6538. С. 259.

²⁸³ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 36.

²⁸⁴ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 2085. Л. 168, 214.

официального государственного учреждения, Сенат стал незаменимым вспомогательным органом управления при Кабинете.

2.2. Взаимоотношения Кабинета и Правительствующего Сената

Как известно, 6 ноября 1731 г. было издано три именных указа, положивших начало совместной работе Кабинета министров и Сената. Если в первом указе только говорилось об учреждении нового органа власти – Кабинета министров с просьбой Сенату разослать эту информацию «в пристойные места», то два последующих раскрывали характер взаимодействия двух учреждений более подробно. В них говорилось о доставке в Кабинет различных материалов – сенатских и других инструкций, воинских и гражданских регламентов, печатного уложения, гражданских штатов, карт и атласов России, а также ежемесячной передаче реестров, которые производились в Сенате, Синоде и коллегиях судебных дел²⁸⁵.

Позже, 30 декабря 1731 г. вышел еще один именной указ Сенату о доставке в Кабинет из всех мест ежемесячных рапортов о решенных и нерешенных вопросах²⁸⁶. Таким образом, Сенат выступал промежуточной инстанцией, которая обеспечивала Кабинет необходимой информацией.

Вскоре после возникновения Кабинета Сенат был лишен личного доклада императрице, в связи с чем прекратил осуществляться порядок, установленный упомянутым выше указом от 1 июня 1730 г. о еженедельном докладе сенаторов Анне Иоанновне о решенных делах и тех, которые требовали ее участия в процессе их разрешения²⁸⁷.

И действительно, саксонский посланник Лефорт в своих донесениях отмечал, что Кабинет был учрежден только для уменьшения власти Сената, вследствие чего Ягужинский утратил много власти и стал редко в нем появляться,

---

²⁸⁵ СИРИО. Т. 103. С. 6-7.

²⁸⁶ Там же. С. 106.

²⁸⁷ Фаизов А.В. Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730-1741 годах: стадии роста. С. 54.

а Остерман увеличил свое влияние. По наблюдениям посланника Сенат обязан был доносить дела императрице, которая ставила резолюцию не иначе, как через посредство Кабинета²⁸⁸.

Можно сказать, что на практике Сенат стал своеобразной канцелярией Кабинета министров – в процессе документооборота оба учреждения оказались неразрывно связаны. Кабинет требовал Сената присылки различных справок и мнений по каким-либо вопросам. Нередко происходило так, что довольно серьезный процент решений, принятых Кабинетом, просто оформлял готовые сенатские материалы или являлся переработкой докладов от Сената или других государственных учреждений, также обрабатываемых в Сенате²⁸⁹.

Кроме того, после официального появления Кабинета Сенат не утратил права законодательной инициативы. Сенаторы, разбирая повседневные проблемы, находили пробелы или противоречия в действующем законодательстве. В таких случаях они направляли в Кабинет министров свое «мнение» о необходимости исправления конкретного указа²⁹⁰. В частности, как пример законодательной активности Сената представляет «всеподданнейший доклад Сената о сочинении им инструкции коллежским и губернским прокурорам» от 3 сентября 1733 г.²⁹¹

В тоже время министры могли давать какие-либо законопроекты на предварительное рассмотрение Сената²⁹². В первые годы царствования они часто выступали с предложениями Сенату²⁹³. Однако с середины 1730-х гг. на смену форме предложений приходят сообщения Кабинета в Сенат²⁹⁴, а также объявленные из Кабинета Сенату «высочайшие повеления»²⁹⁵.

---

²⁸⁸ Лефорт Ф. Донесения ... Сообщено из дел Саксонского гос. архива в Дрездене // СИРИО. Т. 5. С. 437.

²⁸⁹ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса. С. 97-98.

²⁹⁰ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 36.

²⁹¹ СИРИО. Т. 105. С. 415.

²⁹² РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 53. Л. 39-41, 45-46, 55, 107-113 об. и т.д.

²⁹³ СИРИО. Т. 105. С. 5, 7, 67, 69; СИРИО. Т. 108. С. 295.

²⁹⁴ СИРИО. Т. 108. С. 166, 233, 324.

²⁹⁵ Там же. С. 422.

Анализируя обращения Кабинета к Сенату, нужно подчеркнуть, что они содержали по большей части различные поручения по рассмотрению (а иногда и решению) дел, которые поступали в Кабинет, а также требовали мнения от Сената²⁹⁶. Большое значение Кабинет придавал контролю за доходами по налогам и сборам. Уже в 1731 г. Кабинет запросил у Сената информацию о «прописных душах», то есть тех, кто не платил подушную подать. В этой связи потребовалось провести перепись населения в ряде мест²⁹⁷. Учитывая, что сведения могли не поступать вовремя, Кабинет был вынужден напоминать Сенату о его работе. Так, 10 августа 1736 г. Кабинет потребовал от Сената послать губернаторам, воеводам и сборщикам подтвердительные указы о скорейшем сборе податей и недоимок с предупреждением, что в противном случае доимки будут взысканы с самого Сената²⁹⁸.

Стоит обратить внимание, что Сенат несколько позже, чем другие учреждения стал отправлять бумаги на имя Кабинета – если менее значительные ведомства подавали доклады с 1734 г., то Сенат обращался по различным вопросам в Кабинет с 1736 г. Притом первое время он фиксировал свои обращения в форме «сообщений из Правительствующего Сената». Но вскоре появились и доклады Сената Кабинету²⁹⁹.

Одной из обязанностей Кабинета стал контроль над деятельностью Сената по разработке масштабных проектов царствования. В некоторых случаях Сенат даже должен был отложить свои текущие повседневные заботы, чтобы срочно заняться, более важными с точки зрения Кабинета, вопросами. Так, 1738 г. сенаторы отчитывались перед Кабинетом, что на данный момент у них готовы некоторые главы нового Уложения законов, а другие еще находятся в процессе написания, в то время как эта задача была возложена на Сенат еще в июне 1730 г.

---

²⁹⁶ Филиппов А.Н. История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. С. 535.

²⁹⁷ Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731-1740 г. С. 31.

²⁹⁸ СИРИО. Т. 114. С. 379.

²⁹⁹ Савельева Е.Н. Кабинет министров Анны Иоанновны. С. 55.

Однако занятый повседневными и управленческими вопросами Сенат этот труд так и не завершил до конца³⁰⁰.

Серьезным делом, возложенным Кабинетом на Сенат, стало составление новой «государственной о всех доходах книги», которая должна была заменить прежнюю (от 1724 г.). С 1731 г. этот вопрос безуспешно пытались решить коллегии, однако с ноября 1732 г. задачу передали Сенату, который обязан был ее завершить к началу 1733 г.³⁰¹.

Уже на начальном этапе деятельности по составлению окладной книги были выявлены проблемы, которые в значительной мере обусловили неудачу при решении этого вопроса. К примеру, желая максимально обеспечить интересы казны, правительство дало распоряжение собирать информацию о поступлении косвенных налогов с 1724 по 1731 г., сверяя их с окладами. Но осуществление этой задачи было заранее обречено в связи с чрезвычайной сложностью и запутанностью учета большого количества источников дохода (свыше 200 наименований)³⁰².

Однако в 1732 г. Сенат все же составил ведомость «окладным» и «неокладным» тратам с 1725 по 1731 гг., но приведённые в ней сведения охватывали лишь от половины до трети реального бюджета³⁰³.

В последующие годы Сенат так и не отправил окладной книги, ввиду чего в 1739 г. последовала резолюция Кабинета, объяснявшая ее важное значение – именно «без окладной книги в сборе доходов и расходов порядка быть не может, да взыскивать ни на ком ничего невозможно». В ответ на это Сенат заявил, что в связи с пожаром в Москве 29 мая 1737 г. были уничтожены в Кремле все присланные из губерний материалы о доходах и расходах³⁰⁴. 1 сентября 1740 г. Кабинет вновь напомнил Сенату о необходимости составления окладной книги, подчеркнув, чтобы тот, «изыскав все удобовозможные способы, каким образом

---

³⁰⁰ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 37.

³⁰¹ Там же. С. 37.

³⁰² Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма XVIII века. С. 253.

³⁰³ Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 322.

³⁰⁴ Павленко Н.И. Анна Иоанновна. С. 193.

окладную книгу... к скорейшему окончанию привести и в этом крайнейшее свое радение приложил»³⁰⁵. Сенат на это отвечал, что не получал от других учреждений необходимых сведений для работы. Более того, для завершения росписи доходов и расходов существовали и другие преграды: неупорядоченное управление государственным хозяйством, бессистемное ведение отчетной документации и т.д.³⁰⁶.

Поэтому не удивительно, что в конце концов Кабинет признал, что с составлением окладной книги невозможно справиться в ближайшее время, а потому точных сроков исполнения задачи больше не назначал, а только напоминал Сенату о необходимости завершить работу в отдаленном будущем³⁰⁷.

Не дала результатов и работа Сената по составлению новых штатных расписаний государственных учреждений. Разработка штатов расценивалась как одна из самых важных задач внутренней политики. Поэтому Кабинет неоднократно возвращался к этой проблеме, считая ее «наинужнейшим делом» после составления «генеральной таблицы о доходах и расходах»³⁰⁸.

Известно, что Сенат занимался разработкой штатных расписаний в 1732 г., затем в 1734 г., но никаких успехов в этом направлении не достиг, после чего дело было отложено на неопределенный срок. Однако в 1739 г. в Кабинет министров все же были переданы расписания некоторых коллегий. Кабинет вернул их на доработку, которая была так и не завершена до конца правления Анны Иоанновны³⁰⁹. Как можно выявить из резолюции кабинет-министров 15 июля 1740 г. на сообщение из Сенату по данному вопросу, министры столкнулись с противоречием, мешавшим ходу дела – Военная коллегия, Соляная контора,

---

³⁰⁵ СИРИО. Т. 146. С. 448.

³⁰⁶ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 37.

³⁰⁷ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. С. 253.

³⁰⁸ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. М., 2007. С. 264.

³⁰⁹ Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 315.

Генерал-берг-директориум, а также Медицинская канцелярия должны были самостоятельно утверждать свои штаты³¹⁰.

Иногда Кабинет мог давать Сенату рекомендации по каким-либо вопросам. Например, в мае 1740 г. резолюция Кабинета по поводу отдачи на откуп Московских кабацких сборов на 6 лет прежним компанейщикам содержала указание Сенату согласовать предложенные им условия с самими компанейщиками. Если же Сенат с ними не согласится, ему предлагалось найти способы, которые дали бы возможность принести прибыль от сборов³¹¹.

Кабинет располагал правом пересмотреть решения, принятые в Сенате. Так, дело поручика Кантемира с его мачехой по поводу четвертой части имущества в ноябре 1736 г. следовало пересмотреть путем учреждения «вышнего суда» организация которого была возложена на Кабинет³¹².

Анна Иоанновна, очевидно, полагалась на Кабинет в тех случаях, когда Сенат не мог справиться с какими-то задачами. К примеру, когда в июле 1735 г. адмирал Головин выступил с требованием об определении в свою комиссию подьячих, Сенат отказался выполнять эту просьбу. В результате императрица вынуждена была напрямую возложить решение этого вопроса на Кабинет, не без раздражения отметив, чтобы «о таких малых делах нам и трудить бы не надлежало»³¹³.

Интересно, что с постепенным усилением роли Кабинета министров сам характер указаний Кабинета Сенату приобрел более требовательную окраску. К примеру, в резолюции кабинет-министров на всеподданейшее прошение вдовы английского купца от 1 июля 1738 г. говорится о немедленном поиске в Сенате всех документов о должных ее мужу деньгах из казны³¹⁴. Высочайшая, объявленная из Кабинета в Сенат резолюция о подаче формуляра указа о горных делах, находящихся в заведовании ген. Берг-директориума от 15 февраля 1739 г.

---

³¹⁰ СИРИО. Т. 146. С. 300-301.

³¹¹ СИРИО. Т. 138. С. 489-509.

³¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3857. Л. 177.

³¹³ СИРИО. Т. 113. С. 291.

³¹⁴ СИРИО. Т. 124. С. 1.

также говорит об увеличении влияния Кабинета³¹⁵. На подчиненное положение Сената указывает и именной указ Сенату от 14 мая 1739 г. о получении императрицей к ее «крайнейшему неудовольствию ... новости об оставлении Сенатом без всякого действия и попечения» именных указов об исправлении дороги от Санкт-Петербурга до Нарвы с подтверждением «о починке дороги без всякого отлагательства и упущения»³¹⁶.

Однако стоит согласиться с Н.Н. Петрухицевым, полагавшим, что Сенату не всегда принадлежала исключительно пассивная роль также, как и Кабинету — роль верховного органа управления. Но Кабинет своим политическим значением все же имел более высокий вес над Сенатом, который к 1733 г. утратил значительную часть петровской бюрократии и теперь состоял по большей части из низших генералитетских чинов, соблюдавших субординацию³¹⁷. Притом назначение некоторых сенаторов могло находиться в прямой зависимости от желания кабинет-министров — например, князь Я.П. Шаховской утверждал в своих «Записках», что решающую роль в его избрании на должность сыграла поддержка А.П. Волынского³¹⁸.

Кабинет министров признавал за Сенатом важную правительственную роль в государственных вопросах, сохраняя общий контроль над делами. Более того, с 1738 г. он заявил о нежелании вмешиваться в компетенцию Сената, поскольку сенаторы часто хотели переложить ответственность на Кабинет министров, который в таких случаях возвращал их обратно с требованием рассмотреть самим на основе предшествующих указов³¹⁹. К примеру, в резолюции от 28 июня 1738 г. на донесение из Сената о сложении с копииста Михайлова прочетных денег Сенату было приказано «... о сложении прочета в Кабинет подавать было не надлежало, ибо на то точные указы есть»³²⁰.

³¹⁵ СИРИО. Т. 126. С. 126-127.

³¹⁶ Там же. С. 452.

³¹⁷ Петрухицев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота. С. 97-98.

³¹⁸ Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим. С. 17.

³¹⁹ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 38.

³²⁰ СИРИО. Т. 124. С. 23.

Такая ситуация имеет свое объяснение. Кабинет министров был перегружен множеством мелких дел и его функции необходимо разграничить. «Натащили мы на себя много дел и неподлежащих нам, а что делать, сами не знаем» — писал министр Волынский³²¹. Самому Кабинету Артемий Петрович хотел противопоставить Сенат, расширение состава которого он отстаивал в своем «Генеральном проекте». Однако против подобной идеи выступал Остерман, постоянно боровшийся за преуменьшение значения Сената³²². О неприязненном отношении главы Кабинета к Сенату говорил Черкасский, утверждая в своих беседах с Волынским, что Остерману хотелось бы, чтобы Сената не было, а съезжались бы коллежские президенты просто для совещания³²³.

Возможно, что идея Волынского об укреплении значения Сената могла подействовать на Анну Иоанновну – потому как 3 марта 1739 г. появился именной указ о назначении сразу шести членов в Сенат (генерал-лейтенантов М. Леонтьева и М. Хрущева, генерал-майоров И. Бахметева, П. Шипова, Н. Румянцева и М. Философова)³²⁴.

Тенденция усиления значения Сената, а также передачи дел из Кабинета в Сенат еще более увеличилась в 1740 г. В большинстве резолюций министров за этот год предписывалось «надлежащее рассмотрение и определение учинить Правительствующему Сенату»³²⁵.

Что касается практики совместных заседаний Кабинета и Сената при Анне Иоанновне, то здесь можно прийти к заключению, что подобные ситуации были редки. Интересно, что с точки зрения исследователя А.Д. Градовского Кабинет и Сенат фактически представляли одно учреждение, в особенности в 1738-1740-е гг.³²⁶ Однако не все авторы склонны так считать. Так, по мнению

³²¹ Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский: Биографический очерк. С. 291.

³²² Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. С. 969.

³²³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20. С. 1618.

³²⁴ СИРИО. Т. 138. С. 135.

³²⁵ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 38.

³²⁶ Градовский А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. С. 160.

В.Н. Строева А.Д. Градовский, вероятно, принял резолюции Кабинета на доклады Сената за совместные совещания обоих государственных органов³²⁷.

Стоит отметить, что историку А.В. Фаизову удалось посчитать общее количество совместных заседаний Кабинета и Сената за годы правления Анны Иоанновны: в 1732 г. – 8, в 1733 г. – 9, в 1734 г. – ни разу, в 1735 г. – 2, в 1736 г. – ни разу, в 1737 г. – 2, в 1738 г. – ни разу, в 1739 г. – 1, в 1740 г. – 2. Судя по этой статистике, количество совместных заседаний Кабинета и Сената было не частым явлением и имело тенденцию снижаться к концу царствования Анны Иоанновны³²⁸. Очевидно, что к тому времени у министров не было необходимости заниматься текущей административной работой в расширенном составе, а дискуссии по проведению реформ к этому моменту с одной стороны были исчерпаны, а с другой стороны потеряли актуальность в связи с началом в 1735 г. русско-турецкой войны³²⁹.

К тому же кабинет-министры и в первой половине 1730-х гг. принимали участие в совместных заседаниях чаще всего в исключительных случаях и по особому указу императрицы. К примеру, летом 1732 г. проходило совместное обсуждение вотчинной главы для нового Уложения, а также был решен вопрос о преступлении братьев-князей Семена и Ивана Мещерских³³⁰. В 1733 г. министры и сенаторы были заняты обсуждением предложений статского сов. Маслова «об имеющейся таможенной и кабацкой, и прочей по камор-коллегии доимке»; с участием генералитета решали вопрос об отправке к польским границам армии в связи с избранием нового короля и о воспрепятствовании на польский престол С. Лещинского и т. д.³³¹.

Уже после смерти императрицы Анны в октябре 1740 г., когда на краткое время у власти оказался регент Бирон, можно отметить рост значения Сената. Тем не менее формально положение центральных органов власти в правление герцога

---

³²⁷ Строев В.Н. Бироновщина и Кабинет министров. Ч. 2. С. 160.

³²⁸ Фаизов А.В. «Присутствие» Кабинета министров. С. 30.

³²⁹ Савельева Е.Н. Кабинет министров Анны Иоанновны. С. 85.

³³⁰ СИРИО. Т. 103. С. 334, 355.

³³¹ СИРИО. Т. 105. С. 52, 89-91.

не претерпело изменений, что нашло подтверждение в приказе «о поступании, при управлении Государственных дел, по Регламентам и Уставам...», в котором подчеркивалось, что «дабы правосудие во всей Нашей Империи везде нелицемерно и истинно содержано и отправлено было» нужно подтвердить все прежние указы³³².

Очевидно, что, оставшись без поддержки императрицы, Бирон не мог в полной мере опираться на Кабинет министров и потому был заинтересован в сотрудничестве с другими высшими учреждениями и лицами – искал поддержку в Сенате и среди генералитета³³³. По свидетельству неизвестного автора, оставившего замечания на «Записки о России генерала Манштейна», желая польстить этому высокому учреждению, Бирон часто присутствовал в Сенате³³⁴.

Приходили сенаторы и на заседания непосредственно к самому регенту. Так, в сенатском журнале от 31 октября 1740 г. была запись о том, что некоторые сенаторы отсутствовали на заседании, поскольку были в кабинете Бирона³³⁵.

Интересно, что при императрице Анне Иоанновне были случаи, когда сенаторы вызывались в Кабинет, однако сами кабинет-министры Сенат не посещали. Кроме того, частыми при Бироне стали общие собрания министров, сенаторов и генералитета³³⁶. Известно, что 6 ноября 1740 г., за три дня до дворцового переворота на заседании Сената присутствовал Бирон, а вместе с ним и кабинет-министры Черкасский и Бестужев-Рюмин, в присутствии которых регент слушал доклады Сената и подписывал резолюции³³⁷.

В регентство Анны Леопольдовны Кабинет приобретает еще большую власть, превратившись в фактического руководителя страны, прикрытого именем малолетнего императора Ивана Антоновича³³⁸. Эта линия поведения проявилась в

³³² Белова Т.В. Система государственной власти в России в период регентства Анны Леопольдовны // Омский научный вестник. 2014. № 3. С. 8.

³³³ Голицын П. Первый век Сената. СПб., 1910. С. 113.

³³⁴ Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна». С. 451.

³³⁵ Сенатский архив, 1889. Т. 2. С.79.

³³⁶ Фаизов А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция. С. 40.

³³⁷ Там же. С. 103-104.

³³⁸ Белова Т.А. Система государственной власти в период регентства Анны Леопольдовны. С. 9.

именном указе от 15 декабря 1740 г. о подаче еженедельных рапортов в Кабинет о решенных делах, как в Сенате, так и в подчиненных коллегиях и канцеляриях³³⁹.

Отчасти усиление Кабинета можно объяснить отсутствием интереса к государственным проблемам со стороны самой регентши. Так, по свидетельству Манштейна, правительница затягивала самые важные дела, оставаясь по несколько дней в своей комнате и принимая как можно меньше посетителей³⁴⁰. Более категорично об Анне Леопольдовне отзывался Миних. По его словам, правительница была ленива и никогда не присутствовала в Кабинете, когда тот приходил к ней с документами³⁴¹.

Стоит обратить внимание, что по указу 12 ноября 1740 г. была несколько преуменьшена судебная власть Сената. Наряду с Генерал-Рекетмейстером появилась должность особого Рекетмейстера при Высочайшем дворе – полномочия нового чиновника заключались в том, что он должен был принимать жалобы не только на коллегии, канцелярии, но и на сам Сенат³⁴².

Тем не менее Сенат, как и раньше, получал «приказы» и «сообщения» от Кабинета, а также направлял в этот государственный орган собственные доклады и проекты указов и инструкций³⁴³. Продолжила свое существование и практика рассылки из Сенатской конторы по требованию Кабинета каких-либо важных указов для ознакомления в губерниях, провинциях и городах³⁴⁴.

В целом, в краткий период правления Анны Леопольдовны можно отметить, что, если формально взаимодействие Кабинета и Сената осталось на прежнем уровне, то на практике Кабинет прибегал к помощи Сената едва ли не в большей степени, чем ранее, а сам Сенат теперь решал свои дела независимо от Кабинета³⁴⁵.

³³⁹ ПСЗ-І. Т. 11. № 8299. С. 510.

³⁴⁰ Манштейн К.Г. Записки о России. С. 180.

³⁴¹ Миних Б.Х. Очерк управления Российской империей. С. 307.

³⁴² ПСЗ-І. Т. 11. № 8288. С. 302-303.

³⁴³ Сенатский архив. Т. 5. С. 36, 58, 165, 181.

³⁴⁴ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 31. Л. 8.

³⁴⁵ Сенатский архив. Т. 5. С. 547.

Можно заключить, что по большей части на протяжении 1731-1741 гг. Сенат представлял собой вспомогательный орган управления при Кабинете министров. Примечательно, что сотрудничество Кабинета и Сената было успешным на оперативном уровне, однако совместная работа по реализации масштабных и долгосрочных проектов – таких как составление нового Уложения законов, разработка окладной книги, и новых гражданских штатов, – в силу объективных причин весомых успехов не принесла.

Нельзя утверждать, что роль Сената заключалась лишь в пассивном исполнении приказов Кабинета – он также мог выступать с предложениями законодательной инициативы, которые ждали одобрения Кабинета. К тому же на протяжении 1730-х гг. Кабинет и Сенат находились в неформальном противоборстве – время от времени Сенат пытался противостоять линии Кабинета в делах государственного управления, однако отсутствие в самом Сенате какой-либо личности, которая могла бы стать консолидирующим звеном на пути к обретению Сенатом реальной верховной власти, не дало возможности Сенату превзойти Кабинет, который находился в руках Остермана.

2.3. Взаимодействие Кабинета министров и центральных отраслевых учреждений

Проблема функционирования Кабинета на центральном уровне государственного управления, безусловно, охватывает его взаимодействие с центральными отраслевыми учреждениями – системой коллегий и других инстанций.

Анализируя взаимоотношения Кабинета и отраслевых учреждений, можно проследить тенденцию к установлению отношений «господства-подчинения»³⁴⁶. Тем не менее власть Кабинета была направлена на координацию работы

---

³⁴⁶ Белова Т.А. Кабинет министров Анны Иоанновны в системе государственного управления России. С. 10.

учреждений не с целью ограничения их деятельности, а для того, чтобы выгодно использовать их ресурсы³⁴⁷.

В тот же день, когда Сенату была издана серия указов об образовании Кабинета – 6 ноября 1731 г., появились именные указы и на имя военной и камер-коллегий. Так, от военной коллегии требовалась подача в Кабинет «табелей и ведомостей о содержании генералитета и полков, о подушной переписи и о сборе именованного списка генералитета и табели о состоянии регулярных и нерегулярных войск». Камер-коллегия должна была предоставить «табели и ведомости о дворовом числе, о подушной переписи, а также табели всех государственных сборов (кроме подушных)»³⁴⁸.

Ознакомившись с содержанием табелей, Кабинет на этом остановился. По крайней мере, вопрос об изменении или пересмотре военной табели уже не поднимался на протяжении всего царствования. Кабинет занимался иногда только военным штатом и размером жалованья военных офицеров. Но и на этом его старания не носили характера общих мер, а появлялись в каждом отдельном случае в виде удовлетворения определенных потребностей или разъяснения возможных недоразумений³⁴⁹.

Необходимо обратить внимание, что в 1730-е гг. на уровне центрального управления произошли существенные перемены – сама сеть государственных учреждений значительно расширилась, а кроме того усложнилась и их структура. Уже в 1730 г. были восстановлены Судный, Сыскной, Сибирский приказы; в 1731 г. была создана вторая Камер-коллегия, в 1736 г. появились Контора лифляндских и эстляндских дел (с 1739 г. – коллегия), Военная и Вотчинная конторы, в 1738 г. возникла Коллегия экономии и т.д. Противоположная тенденция проявилась только в слиянии в 1731 г. Берг- и Мануфактур-коллегий с Коммерц-коллегией, которая была разделена на три соответствующие экспедиции. Усложнению подлежала и структура уже существующих учреждений

---

³⁴⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 248.

³⁴⁸ СИРИО. Т. 103. С. 7-8.

³⁴⁹ Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Анны Иоанновны. С. 303.

путем разделения их канцелярий на 3-4 экспедиции (Военной, Адмиралтейств-, Камер-коллегии) и созданием различного рода столов, контор и комиссий³⁵⁰.

Не удивительно, что в данной ситуации правительство предпринимало шаги по упорядочению всей работы в целом аппарата центрального управления. Так, решить проблемы управления Кабинет желал при помощи новых гражданских штатов, разработка которых была одной из важнейших задач внутренней политики³⁵¹. «Потребно учинить гражданский штат, поколику от оногo зависит все внутренне устройство Империи» – писал Остерман в своей «Записке» для императрицы³⁵².

Причина, по которым существовала необходимость в разработке новых штатов отражена в указе Кабинета в Сенат от 9 февраля 1736 г., где говорилось, что поскольку после учрежденного в 1725 г. штата, как Санкт-Петербурге, так и в Москве, произошло изменение в жалованье на многих должностях императрица указала «чтобы всякий по своему делу жалованьем был удовольствован, и того ради всем коллегиям и канцеляриям, сколько которым ... жалованья получать, учинить вновь штат»³⁵³.

В появлении новых штатов действительно была большая необходимость, поскольку существовала путаница в способах и источниках вознаграждения служащих. Одни получали жалованье по штатам, другие по особым указам, а были и те, кто вообще ничего не получал, как например, приказные³⁵⁴.

Однако Сенат не торопился с решением поставленной задачи. Для сочинения штатов в начале было признано необходимым определить требуемое число коллегий, потом обозначить число служащих и определить им жалованье; при этом разделить его между членами коллегий по частям³⁵⁵. Известно, что в декабре 1731 г. Сенат все же подготовил доклад о штате с приложением

³⁵⁰ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. С. 260.

³⁵¹ Там же. С. 264.

³⁵² Записка для памяти А.И. Остермана, об управлении Россиею. С. 5.

³⁵³ СИРИО. Т. 114. С. 65.

³⁵⁴ Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Анны Иоанновны. С. 306.

³⁵⁵ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. С. 264.

выработанных штатов государственных учреждений, который был подан Анне Иоанновне в январе 1731 г., однако так и не был ей утвержден. Штат и доклад о нем были возвращены в 1732 г. в Сенат по причине необходимости внести изменения, вызванные утверждением новых штатов Монетной конторы. В 1733 г. была еще одна попытка составления штатов, но и в этот раз она оказалась неудачной – императрица снова не подтвердила решение Сената. Вероятно, на задержку с утверждением штата на тот момент оказали влияние и новые штаты Военных коллегий, которые разработали Воинские комиссии, потребовавшие изменения сенатского доклада³⁵⁶. В дальнейшем, в 1739 г. в Кабинет министров были вновь переданы расписания некоторых коллегий, однако Кабинет вернул их на доработку³⁵⁷.

Были и отдельные попытки правительства, направленные на реорганизацию системы государственного управления. Так, сенатским указом 25 мая 1733 г. президентам и членам коллегий предписали соблюдать присутственные дни и часы, которые указаны в Генеральном регламенте³⁵⁸. Эту же тенденцию и отражает еще один сенатский указ от 18 октября 1736 г. о взыскании с членов коллегий, канцелярий и конторы за выход из присутствия раньше узаконенного времени³⁵⁹.

Также Кабинет беспокоил и качественный состав чиновников в центральных учреждениях. Как отмечал Остерман, множество чиновников иногда более препятствует процессу делопроизводства, чем способствует его прогрессу. По мнению министра, необходимо смотреть не на «количество членов в коллегиях и других судебных местах», а в первую очередь на честность и способности чиновников к осуществлению поручаемых им дел³⁶⁰.

Этой мысли вполне отвечает приказ 22 октября 1737 г. «о составлении именных списков, находящихся в ... Синоде и прочих Присутственных местах

---

³⁵⁶ Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. С. 91.

³⁵⁷ Курукин И.В. Анна Иоанновна. С. 315.

³⁵⁸ ПСЗ-I. Т. 9. № 6413. С. 141.

³⁵⁹ ПСЗ-I. Т. 10. № 7080. С. 956.

³⁶⁰ Остерман А.И. Мнение о потребностях и состоянии России в 1740 г. С. 269.

Обер-секретарях, Секретарях и Канцелярских служащих: о пересмотре их по тем спискам, которые из них годны к делам и которые негодны»³⁶¹.

На вопрос о том, какие именно качества должностных лиц являлись критериями профессиональной компетенции вполне отвечает указ Кабинета министров в феврале 1741 г. о поиске для Кабинета трех человек из канцелярских служащих, которые успели зарекомендовать как «самые лучшие писцы, доброго состояния и трезвые». Одним из решающих критериев при назначении чиновников было знание иностранных языков – «ежели из них сыщутся такие, которые хотя отчасти по-немецки или иного языка знают, то еще лучше бы было». Учитывая, что выбор будущих должностных лиц мог быть довольно ограничен, в приказе было оговорено, что, если в Сенате таких специалистов не найдется, их следует искать в других коллегиях и канцеляриях³⁶².

Стоит подчеркнуть, что проблема подготовки должностных лиц стояла особенно остро. Как отмечал В.О. Ключевский, в первой половине XVIII в. центральное управление не стало ни аристократическим по социальному составу, ни бюрократическим по деловой подготовке: его вели люди шляхетского происхождения вместе с выслужившимися разночинцами. Но и те, и другие представляли тип импровизированных администраторов, слабо разбиравшихся в своем деле³⁶³.

Поэтому центральные власти активно предпринимали меры по улучшению подготовки чиновничьего аппарата. Так, в 1737 г. был проведен новый набор недорослей в школы юнкеров при Сенате, а также при коллегиях³⁶⁴. В марте того же года Кабинет министров утвердил правила определения недорослей в коллегии-юнкеры, основным критерием которых стал размер вотчин: владельцев 25-75 душ крепостных определяли в коллегии и канцелярии, а тех, кто владел

---

³⁶¹ ПСЗ-I. Т. 10. № 7410. С. 321.

³⁶² Сенатский архив. Т. 2. С. 537.

³⁶³ Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. 4. С. 310.

³⁶⁴ ПСЗ-I. Т. 10. № 7182. С. 54-55.

свыше 100 душами, принимали в школу при Сенате. Через пять лет обучения успешно проявивших себя юнкеров производили в секретари³⁶⁵.

11 мая 1737 г. Сенат распределил юнкеров по различным «присутственным местам», а также поручил сенатору Б.Г. Юсупову следить за их подготовкой. Вместе с тем обучением юнкеров должны заниматься наиболее опытные секретари. В Сенат, Сенатскую контору в Москве в Иностранную коллегию было направлено 12 юнкеров, в Синод, Военную, Вотчинную, Камер-, Коммерц-, Ревизион-, Юстиц-коллегии, Штатс-контору – по 6 человек, в Генерал-берг-директориум, Монетную контору, Судный приказ – по 4, Канцелярию конфискации – 2³⁶⁶.

Однако оценивая предпринятые меры, исследователь С.М. Троицкий приходит к выводу о малой эффективности подготовки кадров с помощью школ юнкеров, которые в связи с недостатком квалификационных преподавателей не получали широкого образования, а больше приобретали навыки ведения делопроизводства³⁶⁷.

Тем не менее к середине XVIII в. образование мог получить практически каждый пятый чиновник. По подсчетам вышеупомянутого Троицкого, среди должностных лиц центральных учреждений число должностных лиц с образованием превышало 28%, тогда как в местном не достигало и 12%³⁶⁸.

Как было уже описано ранее, одной из серьезных проблем царствования Анны Иоанновны являлась разработка окладной книги. Однако с самого начала ее правления Кабинет и Сенат столкнулись с масштабным саботажем всех правительственных инициатив по наведению порядка в сфере финансов³⁶⁹.

К примеру, согласно рапорту Сената о решении дел с 21 по 26 августа 1732 г. Штатс-контора не могла выдать деньги из Монетной конторы на

³⁶⁵ ПСЗ-I. Т. 10. № 7201. С. 81-83.

³⁶⁶ ПСЗ-I. Т. 10. № 7248. С. 141-143.

³⁶⁷ Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. С. 279.

³⁶⁸ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России с конца XVII до конца XVIII в.: эволюция бюрократической системы. С. 306.

³⁶⁹ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. С. 253.

жалованье служащим Ревизион-коллегии, пока та контора не возьмет счет со Штатс-конторы. Также Штатс-контора вместе с Камер-коллегией не могли выплатить 270430 рублей на содержание полков в иранских провинциях, так как эти чрезвычайные расходы необходимо было производить только из таких же «не положенных в штат» доходов, которые, во-первых, в нужном количестве никогда раньше не собирались, а, во-вторых, внештатные доходы уже были расписаны «по посланным указам» на другие нужды³⁷⁰.

Нередкими были ситуации, когда средства, требуемые для одной инстанции, находили в другом ведомстве и затем могли годами не возвращать. К примеру, за Штатс-конторой существовал долг в размере 500 тысяч рублей, которые были взяты еще два года назад из Соляной и Монетной контор, но так и не были возвращены³⁷¹.

Подобные разногласия у Штатс-конторы были и с Военной коллегией. Неоднократно в Кабинет министров поступали рапорты из Военной коллегии, где говорилось о том, что Штатс-контора не присылает денег на содержание неположенных на подушный сбор полков. Кабинет же постоянно напоминал Штатс-конторе о необходимости выплат «под угрозой немалого штрафа и истязанием». Однако было выяснено, что Штатс-контора вместо должного исполнения предоставляет сведения «о приходах, которые от нее убыли, и все таким образом, что из этого ничего подлинного выразуметь невозможно». В конце концов, в апреле 1737 г. 100 тысяч рублей на содержание полков были найдены Кабинетом из различных инстанций – «по самой крайней нужде, заимообразно»³⁷².

Аналогичная ситуация складывалась и в связи с жалобой генерал-майора Игнатьева по поводу неуплаты денег на содержание персидского и ландмилицкого корпусов в 1739 г., когда кабинет-министры распорядились выплатить генерал-майору необходимую сумму из Штатс-конторы и Сибирского

---

³⁷⁰ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. С. 251.

³⁷¹ Там же. С. 251.

³⁷² СИРИО. Т. 117. С. 121, 137-138, 219-221.

приказа, подчеркнув, чтобы «по сему доношению велеть военной коллегии о недосылке денег с Штатс-конторой учинить счета» и проследить Сенату, чтобы и дальше между учреждениями не было каких-либо подобных разногласий³⁷³.

Причины сложившегося запутанного положения имеют достаточно глубокий характер. Известно, что еще в допетровской России отсутствовало единое финансовое управление, поскольку отдельные приказы сами занимались сбором и расходом денег. Глобальных изменений система не претерпела и при Петре I. Деньги продолжали собирать различные инстанции – подушная подать была возложена на Военную коллегию, за таможенные и кабацкие поступления отвечала Камер-коллегия и т.д. Таким образом, «окладные» расходы должны были идти из определенных для этого конкретных денежных средств, однако последние могли не совпадать с первыми, что являлось причиной появления финансовых неурядиц³⁷⁴.

Таким образом, можно согласиться с мнением исследователя В.Н. Бондаренко, который полагал, что Кабинет переоценивал возможности низших исполнителей и силу своей власти и потому терпел неудачи в своих попытках установить порядок в работе центральных учреждений. Это положило определенный отпечаток на всю его деятельность. В связи с этим для Кабинета были характерны явное недоверие к представленным цифровым данным и желание получить более правдивую финансовую информацию от других инстанций³⁷⁵.

К примеру, аналогичную ситуацию иллюстрирует требование Кабинета к адмиралтейской коллегии. Так, в указе от 21 мая 1739 г. кабинет-министры приказали Сенату взять в Адмиралтейской коллегии и отправить «тотчас же» в Кабинет ведомости о приходе и расходе денег в данной коллегии с 1731 по 1739 г. Подчеркивалось, что, хотя коллегия многократно жаловалась на недостаток финансовых средств, никаких ведомостей о том, на что именно она их тратит, не

---

³⁷³ СИРИО. Т. 126. С. 193.

³⁷⁴ Курукин И.В. «Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно»: Административная повседневность в «эпоху бироновщины». С. 39.

³⁷⁵ Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Анны Иоанновны. С. 299.

поступало, и потому каким образом решить проблему, было неизвестно³⁷⁶. Интересно, что запрашиваемая программа сведений о доходах и расходах была подробно изложена в 7 пунктах, представляя собой типичный образец Кабинетского или даже «остермановского» способа выяснения реального положения в цифрах³⁷⁷.

Однако и в этот раз требования Кабинета не были исполнены в полной мере. Адмиралтейская коллегия предоставила сведения только по 1 и 4 пунктам, но и по 1 пункту неполные. Причину невыполнения поручения Кабинета коллегия объясняла тем, что подготовить ведомости и отправить их в Сенат невозможно не только в назначенный через неделю точный срок, но и справиться с этой задачей в более длительное время³⁷⁸.

Одним из учреждений по поиску необходимых финансовых средств стала Канцелярия конфискации, которая была передана Кабинетом под ведение П.И. Мусина-Пушкина 15 мая 1737 г.³⁷⁹. Функция Канцелярии заключалась в изъятии, хранении и реализации движимого и недвижимого имущества, осужденных по уголовным и политическим делам. Кроме того, на этом учреждении также лежала обязанность взыскивать недоимки по налогам, что в условиях русско-турецкой войны и финансового дефицита делало работу Мусина-Пушкина крайне важной для правительства Анны Иоанновны. Поэтому периодически он подавал в Кабинет донесения о «доимках» и рапорты о «собранной денежной казне»³⁸⁰. Полученные денежные средства шли либо в Артиллерийскую контору (апрель 1737 г. – 2600 рублей), либо к Татищеву (сентябрь 1737 г. - 2318,5 рублей), под управлением которого на тот момент находилась Оренбургская комиссия. Примечательно, что все сведения по

---

³⁷⁶ СИРИО. Т. 126. С. 479.

³⁷⁷ Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Анны Иоанновны. С. 313-314.

³⁷⁸ СИРИО. Т. 130. С. 280-281.

³⁷⁹ СИРИО. Т. 117. С. 295-296.

³⁸⁰ Курукин И.В. Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов: культурологический аспект. С. 49.

переводу и точной сумме денежных средств находились под контролем Кабинета³⁸¹.

Таким образом, Кабинет осуществлял непрерывный надзор над остальными инстанциями в 1730-е гг. Несмотря на сопутствующие неудачи, его власть с годами превратилась в цельную систему, внутренне связанную с целями механизма, через который она отправлялась. Хотя его контроль был основан на работе отдельных людей, он действовал по сети отношений не только сверху вниз, но и с низу вверх, и горизонтально. Именно эта сеть «удерживала» положение Кабинета в системе взаимоотношений с центральными отраслевыми учреждениями³⁸².

Итак, в основном взаимодействие Кабинета и центральных учреждений заключалось в контроле Кабинета над разного рода отчетами (чаще всего финансовыми), которые должны были представить коллегии и другие инстанции. Однако действия Кабинета по большей части носили безуспешный характер в силу объективных причин – постоянное затягивание дел отчасти объяснялось низким жалованьем, а также недостаточным уровнем квалификации и политической культуры со стороны чиновного состава центрального управления.

Таким образом, порядок взаимоотношений Кабинета министров с Сенатом и центральными учреждениями в 1730-1741 гг. нуждался в существенном реформировании. Трудность взаимодействия Кабинета с Сенатом и другими инстанциями проявлялась в том, что эти учреждения часто перекладывали ответственность друг на друга и не исполняли в срок того, что требовал от них Кабинет. Однако подобные сложности часто возникали независимо от желания учреждений следовать намеченным преобразованиям – проблема заключалась в отсутствии порядка в системе управления в целом, порожденном резким переходом от приказной системы московской России к петровским преобразованиям первой четверти XVIII в. Тот факт, что Петр I не успел передать престол подготовленному преемнику, а также постоянная борьба за власть в

---

³⁸¹ СИРИО. Т. 120.

³⁸² Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 258.

придворной элите наложили отпечаток некоторой хаотичности на всю систему государственного управления. Несмотря на то, что сама Анна Иоанновна и руководство Кабинета министров придерживались основ политики в русле петровских преобразований, реформам Петра I необходимо было время, чтобы закрепиться в реалиях российской государственности. Не случайно в 1730-е гг. некоторые коллегии подверглись дроблению или, наоборот, объединению, а несколько приказов и вовсе были восстановлены.

Кроме того, стоит отметить тот факт, что преобразования Петра Великого не могли полностью ликвидировать проблемы в области центрального управления, которые исторически сложились в Российском государстве к началу XVIII в.

ГЛАВА 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАБИНЕТА МИНИСТРОВ НА ЮГО-ВОСТОКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1730-х ГГ.

3.1. Контроль Кабинета министров над строительством Новой Закамской и Украинской линий в первой половине 1730-х гг.

Чтобы получить комплексное представление об эффективности деятельности Кабинета министров, имеет смысл проследить его роль и на местном уровне. В связи с этим в диссертационном исследовании будет проанализирована политика Кабинета на Юго-Востоке европейской России. Кроме того, по данному вопросу стоит рассмотреть и позицию Сената, поскольку функционирование этого государственного органа было напрямую связано с деятельностью Кабинета на протяжении 1730-1741 гг.

Стоит подчеркнуть, что востребованной стратегией исследования феномена власти чаще всего является ее тотальная критика, где власть понимается как репрессивный механизм, оказывающий негативное воздействие на общество. Однако несмотря на то, что критика поведения властей может быть стратегически продуктивной, ее нельзя назвать единственной³⁸³.

Так, в линии поведения центральных властей первой половины 1730-х гг. на Юго-Востоке можно проследить действия, которые были направлены на прогрессивное развитие государства. Правительство ставило перед собой обширные цели по присоединению Казахстана, установлению экономических связей со Средней Азией и Индией, укреплению позиций в лесостепном Заволжье, Башкирии за счет хозяйственного использования этих земель.

Вероятно, что стабилизация положения центральных властей после дворцовых переворотов 1725-1730 гг. в хозяйстве и финансах страны, оправлявшихся после затяжной Северной войны 1700-1721 гг. и других

---

³⁸³ Соловьева С.В. На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти. Самара, 2009. С. 3-4.

петровских походов, позволило правительству обратить внимание на Юго-Восток³⁸⁴.

Освоение Юго-Восточного региона также было обусловлено нехваткой свободных земель в ранее освоенных территориях Правобережья Волги на рубеже второй половины XVII - первых десятилетиях XVIII вв. В это время поток русских переселенцев перешел через Волгу на Левобережье, где возникли военные, земледельческие и промышленные поселения. Важнейшая роль в освоении этого пространства принадлежала государству, которое при проведении своей политики опиралось на военно-административные ресурсы крепостей Среднего Поволжья³⁸⁵. Необходимо отметить, что ранее границей земледельческого расселения, охватившего территории к югу от нижнего и среднего течения р. Камы была Закамская засечная черта. Построенная в 1650-е гг., она представляла собой совокупность крепостей и острогов с военными гарнизонами, соединенных в единую оборонительную систему валами, рвами и засеками от пригорода Белого Яра в устье Б. Черемшана до Мензелинска на р. Ик³⁸⁶.

А затем уже к началу XVIII в. колонизация лесостепного Поволжья перешла под контроль Петра I. Царь нередко лично вмешивался в события, происходившие на Юго-Восточных территориях – принимал решения, которые способствовали стабилизации ситуации в регионе, руководил действиями по созданию промышленных предприятий, строительству крепостей. Так, в 1703-1704 гг. по его приказу началось создание системы оборонительных сооружений с целью защиты Самарского Левобережья от нападений кочевников. Важнейшее место среди них заняла заново перестроенные крепостные сооружения Самары и прилегающие к ней пригороды укрепления – Сергиевск и Алексеевск³⁸⁷. Кроме того, в 1718-1720 гг. в междуречье Волги и Дона была возведена Царицынская

---

³⁸⁴ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 23.

³⁸⁵ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. / ред. кол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др. Т. 1. Самара, 2020. С. 212.

³⁸⁶ Там же. С. 211-212.

³⁸⁷ Там же. С. 212-213.

линия, основное значение которой заключалось в создании препятствий для вторжения крымских и кубанских татар в южные пределы Российского государства. Она также стала важным звеном в комплексной системе защиты Юго-Востока³⁸⁸.

Ситуацию усугубляло то, что в первой трети XVIII в. усилился натиск казахов Младшего жуза на всем протяжении течения реки Яик в связи с наступлением джунгар на казахские земли. Так, 30 тысяч казахов Младшего жуза перешли реку Эмбу и приблизились к Яику, к южным пределам Башкирии. Кроме того, казахи Среднего жуза направились в сторону рек Тургай, Ишим, Тобол и Уй, оттеснив от кочевий башкир. Тем самым, на сравнительно небольшой территории, на границах с русскими землями оказалось сосредоточено значительное число кочевников. Сами казахи оказались в сложной ситуации, столкнувшись с враждебным отношением в лице башкир, калмыков и других местных народностей³⁸⁹.

Таким образом, непрекращающиеся набеги крымских татар, ногаев, башкир, казахов, каракалпаков и калмыков на русские поселения вынуждали правительство искать какое-либо масштабное решение «проблемы кочевников»³⁹⁰.

Необходимо обратить внимание на то, что в 1730-е гг. обширные территории Заволжья все еще находились в процессе освоения. Подданство местных народов российскому правительству по-прежнему было непрочным, не раз ставилось под сомнение открытыми восстаниями. К примеру, на калмыцких территориях вообще не существовало местной русской администрации. О степени интеграции калмыков в Российскую империю говорит уже тот факт, что отношения с ними поддерживались через коллегия иностранных дел. Что касается Башкирии, то российские власти действовали только на ее внутренних

---

³⁸⁸ Лавринова Г.И. Царицынская линия: история строительства в 1718-1720 и первые годы существования. Волгоград, 2012. С. 3.

³⁸⁹ Имангалин И.К. Башкирский край в первой трети XVIII века и Оренбургская экспедиция: опыт социально-политического взаимодействия. С. 86-87.

³⁹⁰ Вульпиус Р. Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке. М., 2023. С. 178.

территориях и никак не контролировали район дальних заволжских кочевий и охотничьих угодий башкир. Появлявшиеся время от времени казахи и каракалпаки даже номинально не являлись подданными Российского государства³⁹¹.

В период правления Анны Иоанновны центральные власти пришли к убеждению о необходимости проведения целого комплекса мероприятий для защиты Юга и Юго-Востока европейской части страны от нападения кочевников и строительства для этой цели протяженных оборонительных линий. Еще в конце 1730 г. Сенат принял решение об одновременном возведении Украинской и Новой Закамской укрепленных линий и реконструкции Царицынской³⁹².

Таким образом продолжение получила традиционно проводившаяся еще с конца XVI в. политика, направленная на расширение фонда лесостепных территорий и наделения ими российского дворянства. Более того, строительство единой системы укрепленных линий дало бы возможность существенно сократить расходы на армию, заменив размещенные в пограничье регулярные полки на ландмилицию³⁹³.

Стоит отметить, что в период 1731-начала 1732 гг. возведение Новой Закамской и Украинской линий находилось под непосредственным постоянным контролем Кабинета министров и Сената³⁹⁴.

Вполне возможно, что весомая роль в проекте строительства Новой Закамской линии принадлежала Ягужинскому. Стоит отметить, что именно Ягужинский объявил Сенату в начале 1731 г. указ об учреждении Новой Закамской линии во главе с Ф.В. Наумовым³⁹⁵. Что касается строительства Украинской линии, большинство историков предполагают, что инициатором ее создания был Миних. Однако, скорее всего, идея этого строительства возникла

---

³⁹¹ «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI — начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара, 2014. С. 76-77.

³⁹² Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 22-23.

³⁹³ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Т. 1. С. 222.

³⁹⁴ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 25.

³⁹⁵ Там же. С. 30.

еще ранее и восходит к предшествующему царствованию, поскольку к концу 1730 г. Сенат уже имел план Украинской линии, составленный посланным для этого дела специальным указом Андреем Дебриньи³⁹⁶. Вместе с тем достаточно аргументированной можно считать и точку зрения А.А. Скальковского, считавшего автором проекта Украинской линии командующего Украинским корпусом генерала Вейсбаха³⁹⁷.

По указу Сената от 14 февраля 1731 г. строительство Новой Закамской линии «для лучшего охранения низовых городов за Волгою вместо черемшанских форпостов по реке Соку и по другим рекам до реки Ик» должно быть начато летом силами служилых людей Закамских пригородков. Кроме того, на строительство линии предписывалось отправить 3000 человек из Казанской губернии³⁹⁸.

Стоит отметить, что Наумов проявлял личную заинтересованность в подготовке мероприятия. Так, весной 1732 г. он был принят в столице с собственным уточнением первоначального плана строительства линии с учетом конкретной ситуации в регионе. 13 марта Наумов подал привезенные донесения, чертежи и ведомости, по которым в Кабинете «имелось рассуждение», и уже 18 марта Анна Иоанновна подписала указ Наумову о строении «линии и засеки от Алексеевского и в других местах, и о переводе старых пригородков и прочем»³⁹⁹.

Первым официальным документом по возведению Украинской линии стал указ Военной коллегии от 25 мая 1730 г. на имя генерал-майора от фортификации Дебриньи, согласно которому ему следовало осмотреть места между реками Орелью и Северным Донцом с целью строительства там крепости или линии для охраны этой части южных пределов от татарских набегов⁴⁰⁰.

³⁹⁶ Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.). С. 68.

³⁹⁷ Там же. С. 68.

³⁹⁸ Цит. по: Кузнецов В.А. Новая Закамская линия и образование ландмилиции // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. № 2 (11). С. 37.

³⁹⁹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 22.

⁴⁰⁰ Ласковский Ф.Ф. Материалы по истории инженерного искусства в России. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб., 1858-1865. С. 68.

В дальнейшем, в июле 1732 г. на заседании членов Кабинета министров ключевые вопросы по обустройству Украинской линии были переданы в ведение военной коллегии⁴⁰¹.

Для защиты этих линий создавались ландмилицкие полки, которые формировались из однодворцев, отставных стрельцов, пушкарей и других чинов, ранее поселенных в окрестных пригородах. Так, в донесении в Кабинет министров генерала фон Вейсбаха от 25 января 1732 г. было отмечено, что эти полки при формировании размещались в пригородах на Черемшанской засечной черте⁴⁰².

В ноябре 1732 г. вышел указ на имя Сената о сборе доходов, назначенных на финансовую поддержку ландмилиции⁴⁰³. Согласно этому указу драгунские полки регулярной армии перешли на финансирование из доходов Сибирской губернии на содержание самой ландмилиции⁴⁰⁴. Тем не менее корпус ландмилиции постоянно испытывал нехватку денежных средств для удовлетворения необходимых нужд. К примеру, в 1736 г. генерал-фельдмаршал Ласси, в подчинении которого находился ландмилицкий полк, доносил в Кабинет, что рекруты не имели ни должного обмундирования, ни оружия. Кроме того, многие из них болеют и умирают или становятся негодными к службе⁴⁰⁵.

Стоит отметить, что центральные власти также следили за состоянием войск, размещенных на старых укреплениях по Черемшану и в Закамье. Так, 7 ноября 1732 г. в Кабинет через военную коллегию поступило сообщение от генерал-майора и воинского инспектора кн. Урусова о «Черемшанских форпостах» и «смотровых табелях драгунским полкам»⁴⁰⁶. 16 августа 1733 г. в

---

⁴⁰¹ СИРИО. Т. 103. С. 22.

⁴⁰² Кузнецов В.А. Новая Закамская линия и образование ландмилиции. С. 37.

⁴⁰³ ПСЗ-I. Т. 8. № 6269. С. 981.

⁴⁰⁴ Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.). С. 174.

⁴⁰⁵ Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета Министров Анны Иоанновны. С. 328.

⁴⁰⁶ СИРИО. Т. 103. С. 480.

Кабинет пришел очередной рапорт от военной коллегии о строительстве Украинской и Черемшанской линий⁴⁰⁷.

Осуществляя контроль над Украинской линией, в 1735 г. кабинет-министры отправили секретный указ члену военной коллегии майору Шипову о посещении им, в случае возможности, ландмилицких полков, находящихся при Украинской линии и сборе сведений о них в Кабинет. Майору необходимо было выяснить подробности размещения ландмилицкого поселения – в тех ли местах были устроены люди, где должны были поселиться согласно предыдущим указам, а также на каком расстоянии от линии⁴⁰⁸. Кроме того, киевскому генерал-губернатору Вейсбаху следовало оказать помощь Шипову в этом деле⁴⁰⁹.

Дальнейшие коррективы в судьбу Украинской линии внесла начавшаяся в 1736 г. русско-турецкая война. Так, Миних, приняв руководство над армией, расположенной в Украине по южной границе, приступил к исправлению недостатков линии⁴¹⁰.

Приняв к сведению точку зрения фельдмаршала, Кабинет также проявлял инициативу в починке укреплений Украинской линии в мае 1736 г., поскольку ее строительство было начато «для опасности от набегов татарских»⁴¹¹. Предпринимал меры Кабинет и по высылке к Украинской линии из малороссийских и слободских полков 5400 человек для устройства «ретранжаментов и редутов»⁴¹².

Кроме того, Миних доносил в Кабинет, что на содержание ландмилицкого корпуса на Украине определено недостаточное количество денег. В связи с этим Кабинет приказал Сенату отправить в провинции нарочных с целью взыскания доимочных денег, назначенных на содержание украинского ландмилицкого корпуса с объяснением причин торможения сбора средств⁴¹³.

---

⁴⁰⁷ СИРИО. Т. 105. С. 390.

⁴⁰⁸ СИРИО. Т. 113. С. 238.

⁴⁰⁹ Там же. С. 239.

⁴¹⁰ Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. С. 74.

⁴¹¹ ПСЗ-I. Т. 9. № 6973. С. 836-837.

⁴¹² СИРИО. Т. 114. С. 316.

⁴¹³ Там же. С. 118.

Однако появившаяся в период русско-турецкой войны положительная динамика строительства Украинской линии по ее окончании пошла на спад, поскольку ремонтные работы были возложены непосредственно на войска, занятые охраной линии⁴¹⁴.

Тем не менее интерес центральных властей к Украинской линии не пропадал на протяжении 1730-х гг. Так, в феврале 1736 г. в Кабинете была запрошена ведомость в военную коллегия с просьбой выяснить по чертежам, вся ли линия может быть заселена ландмилицией⁴¹⁵. В марте того же года в Кабинет поступили ведомости из Сената с информацией о том, сколько однодворцев содержат ландмилицию, «расписав об украинцах особо, и о закамских особо». Вместе с тем эти записи были отправлены в военную коллегия⁴¹⁶.

Кроме того, назначенный для надзора над Украинской линией майор Шипов рапортовал в Кабинет о потерях людских ресурсов в ландмилицких полках в январе 1738 г., в связи с чем военная коллегия должна была заняться поиском новых людей⁴¹⁷.

Известно, что основной комплекс работ по строительству Новой Закамской линии был выполнен за 1731-1734 гг. А уже в 1734 г. в связи с организацией и началом деятельности Оренбургской экспедиции внимание Кабинета и Сената переключилось на поддержку проекта Кирилова и строительство Оренбурга⁴¹⁸.

Решающим для существования Новой Закамской линии стал указ Кабинета от 26 февраля 1736 г., согласно которому ее будущее должен был определить генерал-лейтенант Румянцев – ему следовало принять решение, стоит ли достраивать линию и сообщить свое мнение в Кабинет⁴¹⁹. Стоит отметить, что в мае того же года Кабинетом был утвержден доклад Сенат об отпуске

---

⁴¹⁴ Гукова Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.). С. 87-88.

⁴¹⁵ СИРИО. Т. 114. С. 91.

⁴¹⁶ Там же. С. 110.

⁴¹⁷ СИРИО. Т. 120. С. 36.

⁴¹⁸ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. С. 93-94.

⁴¹⁹ СИРИО. Т. 114. С. 94.

Ф.В. Наумова в Москву в связи с его болезнью и передаче управлениями делами по Новой Закамской линии Румянцеву⁴²⁰.

Судьба Новой Закамской линии оказалась предрешена. Работы на ней не только не получили финансирования и рабочей силы со стороны Кабинета и Сената, но и были оставлены без людей, осуществлявших административное и военное руководство⁴²¹.

Таким образом, практически уже возведенная Новая Закамская линия в 1736 г. была упразднена, а вместо нее в Заволжье и Южном Приуралье было развернуто выполнение нового проекта под руководством Оренбургской экспедиции, а именно строительство Самарской линии с последующим возведением города Оренбурга⁴²².

Подобная судьба постигла и Украинскую линию – ее низкая военная эффективность была признана уже в царствование Елизаветы Петровны сенатским докладом 1743 г., и она так и не была достроена⁴²³.

Итак, можно отметить, что правительство в лице Кабинета и Сената проявляло особое внимание к Юго-Востоку в первой половине 1730-х гг. Следуя в едином ключе с замыслами Петра I, правительство стремилось к обеспечению безопасности Юго-Восточных границ Российской империи от нападений кочевников. Так, под контролем центральных властей осуществлялось строительство Украинской и Новой Закамской линий. Если план сооружения Новой Закамской линии к середине 1730-х гг. вскоре потерял свою актуальность в связи с разработкой проекта Кирилова и организацией Оренбургской экспедицией, то строительство Украинской линии поддерживалось центральными властями вплоть до 1743 г. Несмотря на то, что большая часть работ по возведению линий находилась в ведении военной коллегии, Кабинет и Сенат регулировали вопрос спонсирования этих проектов.

---

⁴²⁰ Там же. С. 239-240.

⁴²¹ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 36.

⁴²² Очерки истории Самарского Поволжья. Самара, 2025. С. 53.

⁴²³ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. С. 240.

3.2. Роль Кабинета министров в подготовке и на начальном этапе деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии) в 1734-1736 гг.

Как известно, к середине 1730-х гг. на Юго-Востоке Кабинет и Сенат направили свое внимание на поддержку организации Оренбургской экспедиции (комиссии).

Инициатором создания будущей экспедиции в 1734 г. выступил Иван Кириллович Кирилов – обер-секретарь Сената. Центральная идея его проекта заключалась в строительстве крепости на Юго-Востоке России – города в устье реки Орь. Данная крепость должна была стать опорным пунктом по сдерживанию набегов кочевников, от которого по Яику, Самаре и Сакмаре нужно было строить крепости, редуты и форпосты, составившие Самарскую пограничную линию⁴²⁴.

Сам по себе замысел Кирилова был очень амбициозен и масштабен для 1730-х гг. Проект ставил перед собой цели по дальнейшему присоединению казахских земель, развитию среднеазиатской торговли, строительству порта на Аральском море⁴²⁵. Стоит отметить, что идеи Кирилова в этом направлении были сходны с планами Петра I. С целью укрепления отношений России со странами Средней Азии и Индией в 1714 г. царь снаряжал через Сибирь экспедицию подполковника Бухгольца, а затем в 1716 г. через Каспийское море князя Александра Бековича-Черкасского. Однако обе экспедиции в целом закончились неудачно⁴²⁶.

Важно отметить, что строительство Оренбурга между Башкирией и Казахстаном и дальнейшее продвижение России на Юго-Восток в 1730-е гг. вносило коренные изменения в правительственной политике по отношению к местным народам. Еще в середине XVII в. в Башкирии значительно возросло количество крепостей, что привело к раздаче башкирских земель русскому

---

⁴²⁴ ОГАОО. Ф 1. Оп.1. Д.1. Л. 68.

⁴²⁵ Там же. Л. 50-69.

⁴²⁶ Буканова Р.Г. Города-крепости России юго-востока России в XVIII веке. С. 36.

служилому населению. Частые башкирские восстания причиняли большое беспокойство местным жителям, особенно когда втягивали в свою орбиту соседние народности: калмыков, казахов (тогда их называли киргиз-кайсаками), каракалпаков. Поэтому не случайно, что одним из назначений нового города была идея о том, чтобы помешать подданным башкирам соединиться с калмыками во время набегов⁴²⁷.

В возведении крепости в устье реки Ори проявляли заинтересованность и казахи Младшего жуза, добровольно вошедшие в состав Российской империи в 1731 г. Так, хан Абулхаир полагал, что Оренбург может стать важнейшим пунктом коммуникаций казахов с царской администрацией, связей для расширения торговли с русскими рынками⁴²⁸.

Кроме того, увеличение российского влияния на Юго-Востоке укладывалось в выработанную российским правительством стратегию по христианизации представителей высшей калмыцкой знати, которые должны были со временем представлять роль «агентов имперского влияния» в Калмыцком ханстве. Практическое воплощение этого замысла воплотилось в отчуждении крещеных калмыков от их соплеменников-буддистов и поиске для них новых мест поселения на Юго-Восточных территориях⁴²⁹.

Инициатива Кирилова получила одобрение правительства – 18 мая 1734 г. Анной Иоанновной была подписана инструкция по организации Оренбургской экспедиции, первоначально называвшейся просто «известной». Основные положения инструкции заключались в разрешении строительства города в устье реки Орь, которому должна быть пожалована особая привилегия; и определении состава экспедиции. В качестве ее руководителей были объявлены сам Кирилов и его помощник мурза Алексей Иванович Тевкелев⁴³⁰.

---

⁴²⁷ Там же. С. 105.

⁴²⁸ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. С. 198.

⁴²⁹ Джунджужов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII - первая четверть XX века). Оренбург, 2014. С. 76-77.

⁴³⁰ ОГАОО. Ф 1. Оп. 1. Д.1. Л. 93-103.

Вероятно, что определенную роль в назначении Кирилова на пост начальника экспедиции сыграла протекция Бирона. Так, в письме курляндскому герцогу от 1 марта 1734 г. Кирилов писал, что кроме поддержки обер-камергера, «иной помощи не имеет»⁴³¹.

Выбор Тевкелева на пост помощника Кирилова также не был случайным – Алексей Иванович к тому времени уже успешно проявил себя при выполнении важнейшей дипломатической задачи – в 1731-1733 гг. именно он способствовал тому, чтобы казахский хан Младшего жуза Абулхаир и ряд старейшин Среднего жуза приняли присягу Российской империи⁴³². К тому же сам Тевкелев был заинтересован в мероприятии Кирилова и полагал, что строительство новой крепости в устье реки Орь могло бы «положить узду» на казахов и таким образом закрепить их положение в составе Российского государства⁴³³.

Согласно именному указу императрицы от того же 18 мая Кирилов был пожалован в статские советники, а Тевкелев в полковники; вместе с тем Ивану Кирилловичу тогда же назначили награждение – три тысячи рублей, а Тевкелеву – одну тысячу⁴³⁴. Немного позже, 24 мая 1734 г. Анной Иоанновной был подписан указ о выдаче подъемного жалованья на один год Кирилову и Тевкелеву⁴³⁵.

В середине августа 1735 г. экспедиция приступила к возложенным на нее задачам – была основана первая Оренбургская крепость, о чем Кирилов доложил в Сенат⁴³⁶. Однако при проведении в жизнь обширного проекта Ивана Кирилловича руководство экспедиции столкнулось с рядом обстоятельств, затруднивших его реализацию. Так, первоначально ее штаб размещался на территории Башкирии, в Уфе. Сам Кирилов выражал надежду, что башкиры

⁴³¹ Письма И.К. Кириллова к Бирону // Русская Беседа. 1860. № 2. Кн. 20. С. 201.

⁴³² Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев // СИРИО. № 5 (153). С. 34.

⁴³³ Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских, Книга 13. 1852. С. 17.

⁴³⁴ Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. Т.1. С. 58.

⁴³⁵ Там же. С. 59.

⁴³⁶ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134. Л. 5-6.

будут заинтересованы в строительстве будущего Оренбурга. Он полагал, что новая крепость обезопасит башкир от набегов киргиз-кайсаков, в то время как Уфа не могла обеспечить им защиты в связи с дальним расположением⁴³⁷.

К сожалению, именно расположение экспедиции в Башкирии повлекло за собой плачевные последствия. Ее финансовой базой по проекту должны были послужить доходы Уфимской провинции. Однако «уфимские прибылые доходы», составлявшие в 1735 г. и 1736 г. всего 5073 и 12495 рублей, оказались незначительными для проекта такого масштаба. Кроме того, возведение Оренбурга, стратегически запиравшего с Юга-Востока земли Башкирии вызвало возмущение башкирской верхушки, опасавшейся усиления русской колонизации⁴³⁸. Терять башкирским владетелям было что: в пересчете на душу мужского населения Башкирии подати составляли всего 14,5 к. в год, что было гораздо меньше, чем платили русские крестьяне. Также на территории Башкирии не было таможен, местное население не несло воинской повинности и охраняло свои земли только от вторжения отрядов кочевников. Таким образом, появление экспедиции Кирилова в Уфе вызвало недовольство как башкирской знати, так и простых башкир, которое вылилось в масштабное восстание⁴³⁹.

Поскольку практически на протяжении всего своего существования Кабинет министров признавал важную роль в государственных делах за Сенатом, а за собой оставлял только общий контроль и разрешение наиболее серьезных вопросов, основные направления государственной политики не могли решаться без участия Сената⁴⁴⁰.

Эта модель взаимоотношений отразилась и в ситуации с организацией Оренбургской экспедиции и подавлением башкирского восстания – от имени Кабинета в 1734-1736 гг. в основном выступают приказы по назначению либо

---

⁴³⁷ ОГАОО. Ф 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 68об-69.

⁴³⁸ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). С. 427.

⁴³⁹ Демкин А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. С. 187.

⁴⁴⁰ Там же. С. 525.

смещению руководящих лиц, выделению им жалованья и наград, а также по общей линии поведения руководства экспедиции.

Так, в связи с эскалацией начавшегося башкирского конфликта Кабинет в августе 1735 г. принял решение о назначении А.И. Румянцева главным командиром по подавлению башкирского бунта. В то же время министры приказали Кирилову наладить связь с Румянцевым и сообщать ему всю необходимую информацию о башкирах⁴⁴¹.

Как мы видим по инструкции генерал-лейтенанту Румянцеву от 13 августа 1735 г., в разработке которой среди других влиятельных государственных деятелей участие принимали министры Остерман и Черкасский, правительство в первую очередь было заинтересовано в мирном разрешении возникшей проблемы. Румянцеву изначально приказали в усмирении башкир использовать «пристойные добрые способы и уговаривания». Если они не подействуют, тогда «можно употребить и оружие»⁴⁴². Потому как башкиры являлись подданными Ея Императорского Величества, Румянецв получил право наказать виновных и в то же время выяснить, что послужило причиной неповиновения башкир, так как императрица обещала проявить свое милосердие к бунтовщикам⁴⁴³.

Появление Румянцева в качестве новой фигуры в деятельности Оренбургской экспедиции в определенной мере и без того запутывало мало согласованное дело подавления башкирского бунта. На юге и юго-западе руководить усмирением восстания должны были Кирилов и Бахметьев, которые имели ставку в Самаре. В центре и на севере – Румянецв. На северо-востоке – Татищев и Тевкелев. Эта слабая согласованность действий местного руководства осложнялась запутанностью подотчетности: Кирилова – перед Кабинетом министров и Сенатом, Румянцева – перед Военной коллегией, Тевкелева – коллегией иностранных дел, Татищева – Берг-коллегией⁴⁴⁴.

---

⁴⁴¹ СИРИО. Т. 113. С. 301, 329-330.

⁴⁴² ОГАОО.Ф 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁴⁴³ Там же. Л. 5.

⁴⁴⁴ Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории. (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). Оренбург, 2003. С. 42.

В сентябре того же 1735 г. Кабинет уже проявлял недовольство, поскольку от Румянцева не поступало сведений по успокоению восстания, а обстановка все более накалялась. Министры считали, что генерал-лейтенанту следует проявить усилия для того, чтобы к его войску присоединились те башкиры, которые не были замешаны в восстании. Им были обещаны «особая императорская милость и награждение»⁴⁴⁵. В октябре 1735 г. по указу Кабинета прощение императрицы не должно было касаться руководителей бунта – их следовало выдать правительству⁴⁴⁶.

Что касается строительства Оренбурга, башкир нужно было убедить, что эта крепость будет построена для их же блага – обеспечения защиты от набегов киргиз-кайсаков⁴⁴⁷.

Сам Румянцев склонялся к тому, чтобы действовать в сложившихся обстоятельствах следует максимально осторожно. «Всемиловейшая государыня императрица, не повелите ль до удобнейшего времени так их (башкир) ныне в тишине оставить, ибо, как я мог их видеть, народ грубой и вскоре так к верному подданству и к накладу каких на них податей, уповаю, без всякого их возмущения никак к тому привести невозможно...» – писал генерал-лейтенант в Кабинет в ноябре 1735 г.⁴⁴⁸.

Начавшееся башкирское восстание едва не стало причиной отказа от строительства Оренбурга и сворачивания деятельности всей экспедиции. Видимо, правительство всерьез опасалось тех последствий, к которым оно могло привести. И это не удивительно, потому как власти не могли не опираться на негативный опыт относительно недавних событий 1704-1711 гг., когда злоупотребления правительственной администрации и начавшееся переселение на земли, которые башкиры полагали своими, привели к их возмущению. Стоит подчеркнуть, что тот социальный конфликт начала XVIII в. на Юго-Востоке страны со временем разросся и вовлек в свою сферу русское и татарское население Казанской и

---

⁴⁴⁵ СИРИО. Т. 113. С. 381-382.

⁴⁴⁶ Там же. С. 413.

⁴⁴⁷ ОГАОО. Ф 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.

⁴⁴⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 89.

Астраханской губерний, казачество Дона и Яика и другие народы региона. Таким образом, его ликвидация стоила значительных усилий⁴⁴⁹.

Тем не менее колебания по сворачиванию организации Оренбургской экспедиции на этот раз оказались временны. Ю.Н. Смирнов убедительно доказывает, что план Кирилова по возведению новой крепости на Юго-Востоке России отчасти спасло покровительство фаворита императрицы Бирона, а также решительное продвижение отрядов Ивана Кирилловича к Яику, упредившее указ об остановке похода⁴⁵⁰.

Интересен для нас и взгляд с другой стороны – то, что пытался донести до правительства сам руководитель Оренбургской экспедиции Кирилов касательно башкирского вопроса. Его точка зрения весьма отличалась от осторожной позиции Румянцева. К примеру, в своем донесении к Сенату от 16 августа 1735 г. он писал, что еще до его приезда в Уфу, промахи допускало местное руководство – позволяло «своеволие воров-башкирцев». Потому и милосердие к провинившимся нужно было проявлять аккуратно, чтобы не сказали позже, что башкирам всегда все прощалось и не применялось по отношению к ним никаких санкций. К тому же, по его словам, другие башкиры говорили, долго ли будет сохраняться положение, при котором сколько повстанцы не нагрябят, то их прощают, а когда их и за это восстание простят, верным башкирам не будет спокойной жизни от повстанцев⁴⁵¹. Таким образом, Кирилов проявил себя как сторонник жестких мер по подавлению башкирского бунта.

Оценка деятельности Кирилова в историографии весьма неоднозначна. Выходец из нижних чинов, сумевший заслужить расположение Петра I, он являлся человеком выдающихся интеллектуальных способностей. Ученый, работавший над составлением «всероссийских ландкарт», занимавшийся экономикой, историей, географией, по словам П.И. Рычкова «о пользе

⁴⁴⁹ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. С. 15.

⁴⁵⁰ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 25-26.

⁴⁵¹ ОГАОО. Ф 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 19 об.

государственной, сколько знать мог, прилежное имел попечение»⁴⁵². Тем не менее историк И.Г. Акманов настаивал, что Кирилов, будучи человеком, работавшим в первую очередь с научными трудами, имел слабое представление о реальной обстановке на Юге-Востоке России, а потому совершил ряд ошибок в оценке башкирского недовольства. Он также предполагал, что Кирилов первоначально несколько преуменьшал масштабы восстания, вводя Кабинет в заблуждение⁴⁵³. Обвиняли Кирилова и в том, что ему было свойственно не признавать свою вину в каких-либо сложных ситуациях, а перекладывать ее на других людей. В качестве примера исследователь Д.А. Сафонов приводит ситуацию после разгрома башкирами военного отряда Чирикова, когда Кирилов в своем донесении Остерману и Черкасскому обвинил в инциденте Татищева, который якобы слишком поздно дал пушки⁴⁵⁴.

Полковник Тевкелев вполне разделял точку зрения Кирилова относительно методов борьбы с восстанием. Многочисленные свидетельства источников говорят о том, как безжалостно Тевкелев расправлялся с башкирами. Так, башкирские старшины Акай Кусюмов и Кильмяк-абыз Нурушев в коллективном письме императрице Анне Иоанновне в ноябре 1735 г. в своих обидах виноватым считали именно Тевкелева, который потребовал их людей в Уфу якобы «на оренбургскую службу», однако распорядился с ними совершенно по-другому – одних убил, а других высек и держал под караулом. Опасаясь повторения такой судьбы, башкирские старшины приняли решение присягнуть императрице на верность. Примечательно, что в этом письме они упомянули, что даже «с советником Иваном Кирилловичем ссорились от него, Тефкелева», что также говорит о непростом характере Алексея Ивановича⁴⁵⁵.

⁴⁵² Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750 гг.). С. 28-29.

⁴⁵³ Акманов И.Г. Оренбургская экспедиция и восстание 1735-1736 гг.: неизбежно ли было это массовое движение? С. 59-60.

⁴⁵⁴ Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории. (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века). С. 36.

⁴⁵⁵ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 76-87.

В то же время и сам Румянцев отмечал в сообщении в Кабинет, что видит причины бунта именно в жалобах башкир на Тевкелева, «за суровые его к ним поступки»⁴⁵⁶.

Действительно кровавой страницей в истории башкирского восстания остались действия полковника в селении Сеянтус Балыкчинской волости Сибирской дороги в январе 1736 г., когда все 1000 жителей деревни, в том числе женщины и дети, были убиты, а 105 человек из них заперты в амбаре и подверглись сожжению заживо. Кроме того, он полностью разорил в тех местах около 50 других башкирских аулов. Жестокость Тевкелева навсегда отпечатавалась в памяти башкирского народа и послужила основой сюжета для исторической народной песни «Тафтиляу»⁴⁵⁷.

Интересно объяснение о случившемся в деревне Сеянтус со слов самого Тевкелева. По донесению помощника Кирилова к Румянцеву о розыске и расправе над восставшими башкирами в деревне Сеянтус 27 января 1736 г. его действия были своевременной ответной мерой на раскрытие планов о возможном нападении местных башкир на команду Тевкелева «в тесных местах с тылу». Если бы это случилось, писал Тевкелев, то ситуация приняла бы для него критический оборот, поэтому «на страх другим бунтующим ворами и, чтоб от них ежели их далее удерживать, большаго вреду не воспоследовало, з женами и з детьми, окроме тех, которые заранее в леса разбежались от команды, переколоты и деревню их велено выжечь до подошвы»⁴⁵⁸.

Без сомнения, жестокий нрав Тевкелева сыграл определенную роль в этих трагических событиях. Однако в целом нельзя забывать, что служебная карьера мурзы была довольно нестандартна для той эпохи – он до конца своих дней оставался мусульманином, хотя и взял русское имя – Алексей Иванович. Можно предположить, что для преодоления недоверия к собственной персоне на основе

---

⁴⁵⁶ Там же. С. 90.

⁴⁵⁷ Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731-1759 гг.) С. 25.

⁴⁵⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 120-121.

принадлежности к мусульманской вере помощник Кирилова считал своим долгом проявить излишнее старание на службе⁴⁵⁹.

Вызвать возмущение башкир могло не только поведение руководства Оренбургской экспедиции, но и злоупотребления со стороны более низших чинов. В частности, в июле 1736 г. Кабинет отправил указ Румянцеву по делу капитана Житкова, отправленного с командой для подавления башкирского восстания и обвиненного в грабежах, пытках и повешении «без всякой причины» знатных татар. Министры требовали выяснить, виноват ли Житков, и в случае подтверждения вины капитана, его самого расстрелять, сообщников повесить и узнать, понесли ли убытки верные башкиры, в случае чего им следовало вернуть награбленное имущество⁴⁶⁰.

Нельзя упускать из виду тот факт, что действия самих восставших башкир причиняли большой урон местному населению. По свидетельству уфимского воеводы Н.Д. Мерзлюкина в Кабинет министров в феврале 1736 г., недалеко от Уфы проходили башкирские отряды и разорили татарские черемисские деревни. Сколько всего было выжжено деревень и убито людей, воевода не мог рапортовать, поскольку выжившие жители деревень успели скрыться в Уфе и других поселениях⁴⁶¹.

В феврале 1736 г., когда башкирские набеги не могли остаться без внимания, Кирилов изложил свои предложения по подавлению восстания в донесении в Кабинет. Он видел необходимость в продолжении ведения политики выжженной земли – «воров башкирцов от Сибирской и Казанской стороны утеснять, разоряя сплошь», как это уже начал генерал-лейтенант Румянцев. С теми башкирами, которые не были замешаны в восстании или принесли повинные, следовало поступать по-другому – от каждой волости нужно было взять аманатов – детей и братьев знатных людей. По мнению Кирилова, карательные войска должны были разделиться на партии, чтобы со всех сторон

---

⁴⁵⁹ Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750 гг.). С. 25-26.

⁴⁶⁰ СИРИО. Т. 114. С. 310-311.

⁴⁶¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 136-137.

окружить и уничтожить башкир, а деревни их выжечь, «чего они паче всего боятца»⁴⁶².

Возможно, радикальные действия Кирилова и Тевелева по разрешению наиболее болезненного вопроса и правда отчасти привели к усилению размаха восстания. Но не исключено также и влияние голода 1735-1736 гг., затронувшего прежде всего Верхнее и часть Среднего Поволжья. Вероятно, и на Башкирии сказались его последствия⁴⁶³.

Если говорить о позиции Кабинета относительно жестких шагов Кирилова и Тевелева, то, видимо, министры относились к этой деятельности с негласным одобрением. Об их молчаливой поддержке всего происходящего свидетельствует указ 17 февраля 1736 г., согласно которому Кирилову и его помощнику было приказано удвоить жалованье и рацион, а также дополнительно выдать 1 тысячу рублей «для трактования башкир и других тамошних народов»⁴⁶⁴.

Тем не менее возможно, что центральные власти все же не знали всей правды о происходящих событиях на Юго-Восточной окраине. Общая картина восстания создавалась больше на основе рапортов и донесений местного руководства, поступавших в столицу. Все местные начальники – Кирилов, Румянцев, Татищев и другие несколько преуменьшали опасности, замалчивали свои промахи, преувеличивали результативность своих действий⁴⁶⁵.

Однако по мере эскалации башкирского конфликта, меры по отношению к бунтовщикам стали строже со стороны правительства. Особое значение в этом отношении для нас приобретает именно указ от 11 февраля 1736 г., который в целом является поворотным моментом во взаимоотношениях Российской империи и Башкирии⁴⁶⁶. Поскольку указ имел такое чрезвычайно важное значение, он получил несколько более поздних копий, отправленных в Сенат.

---

⁴⁶² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 128.

⁴⁶³ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. С. 480.

⁴⁶⁴ СИРИО. Т. 114. С. 80.

⁴⁶⁵ Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории (создание Оренбургской экспедиции в середине XVIII века). С. 47.

⁴⁶⁶ ПСЗ–I. Т. 9. № 6889. С. 740-741.

Одна из них – указ императрицы генералу-лейтенанту Румянцева от 26 февраля 1736 г. – была просмотрена в качестве архивного документа⁴⁶⁷.

В одном из пунктов указа от 11 февраля 1736 г. уже прямо говорится, что тех башкир и татар, которые сознались в нападении на вологодские роты и в других убийствах следовало предать смертной казни, а в других отправить в ссылку, а не освобождать, «... а пущих заводчиков, хотя они и отпущение получили – Акая, Кильмяка, Бепеня, Мясегута, Умира, Ишалю, Салтан-Мурата ... жестоко казнить смертию»⁴⁶⁸.

В этом указе прослеживается и стремление власти воспрепятствовать бракам между башкирами и татарами, поскольку те вели согласованные действия в борьбе с правительственными войсками. Так, «с казанскими татарами башкирцам в сватовство без челобиться и без позволения вашего Казанского губернатора запрещено было не вступать, а кому, по прошению, в том позволено будет, у тех брать с каждой свадьбы по лошади драгунской, а кто без позволения женитца, с таких брать по три лошади драгунских»⁴⁶⁹.

Таким образом, в указе от 11 февраля 1736 г. отчасти отразились правительственные реакции на разворачивающийся башкирский конфликт. Однако судя по всей совокупности изложенных пунктов можно предположить, что власти пытались не только подавить восстание, но и заодно использовать его для осуществления мер, рассчитанных на более долгие сроки – при помощи решения земельного вопроса они стремились способствовать дальнейшей интеграции башкирского народа в сферу влияния Российской империи.

В частности, в данном указе говорилось о разрешении продажи башкирских земель – тем самым, им отменялось ограничение, существовавшее еще с Соборного Уложения 1649 г.⁴⁷⁰. Если раньше у башкир невозможно было приобрести земли и угодья, теперь же было объявлено, что этот запрет следовало

⁴⁶⁷ ОГАОО. Ф 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁴⁶⁸ ОГАОО. Ф 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 35.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 36.

⁴⁷⁰ Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI — первая половина XIX в.). С. 197.

отменить для их же пользы – «с сего указа, земли и угодья тамошним жителям – дворянам, и офицерам, и мещерякам, у башкирцев покупать, и за себя крепить позволить»⁴⁷¹.

Необходимо учитывать, что в области земельных отношений в то время за башкирами сохранялось вотчинное право на занимаемые земли, что постепенно приходило в противоречие с потребностями Российского государства. Прогрессирующее развитие государственного, частного помещного и монастырского землевладения в России нуждалось в освоении новых территорий на Юго-Востоке страны⁴⁷².

Исследователь Б.А. Азнабаев высоко оценивает указ от 11 февраля 1736 г. По его мнению, благодаря этому законодательному акту правительства о разрешении продажи башкирских земель была создана настоящая экономическая база для активной помещичьей, заводской и крестьянской колонизации Башкирии. Также положительное значение он видел в распространении рыночных отношений на башкирские земли, которые вынуждали собственников активно включаться в систему правовых отношений с русским населением и местной администрацией. Однако историк не отрицал, что для традиционного башкирского сознания это нововведение, которое касалось продажи земель местным дворянам, офицерам, мишарям и тептярям разрушало цельность вотчинного права как института, регулировавшего отношения башкир с другими народами в крае⁴⁷³.

Важно подчеркнуть, что в указе нигде не говорилось о необходимости физического уничтожения башкир. Строгие меры в отношении бунтовщиков сочетались с мягкими по отношению к тем, кто сохранил верность⁴⁷⁴. Можно предположить, что ключевой идеей Кабинета министров по-прежнему оставалась мысль о том, чтобы башкиры мирно сосуществовали в рамках единой Российской

---

⁴⁷¹ ОГАОО. Ф 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 36.

⁴⁷² Цит. по: Байназаров И.И. Тевкелев А.И. и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-х гг. XVIII века. С. 31.

⁴⁷³ Азнабаев Б.А. Башкирское общество в XVII – первой трети XVIII в. С. 253-254.

⁴⁷⁴ Сафонов Д.А. Начало Оренбургской истории (создание Оренбургской экспедиции в середине XVIII века). С. 45.

империи. Эта идея прослеживается в указе Кабинета от 4 июля 1736 г., в то время, когда восстание пошло на спад. Так, в нем говорится о необходимости все башкирское население вернуть в подданство, «дабы впредь сей легкомысленный народ ничего противного предвосприять не могли, но всегда б прибывали в совершенном послушании и тишине»⁴⁷⁵.

Тем не менее центральные власти осознавали, что башкиры нуждаются в контроле. В связи с этим в 1735-1736 гг. на Юго-Востоке усиливается приток переселенцев. На пограничную Самарскую линию, для усиления крепостных гарнизонов частично перевели уфимских, яицких и сакмарских казаков⁴⁷⁶.

Стоит отметить, что позиция Кабинета министров по отношению к башкирам вполне соотносится с концепцией Мишеля Фуко о стремлении властей к осуществлению политики «надзирания» над обществом. По его мнению, именно в XVIII в. наказание и преследование нарушителей закона стало упорядоченной регулярной функцией государства. Вместе с тем власть отличало стремление не наказывать меньше, но в то же время подвергать репрессиям менее строго – для того, чтобы наказывать более универсально и неизбежно, то есть более глубоко внедрить власть наказывать в состояние общества⁴⁷⁷.

Стоит подчеркнуть, что на протяжении долгого времени, с самого добровольного присоединения в середине XVI в. башкиры были неразрывно связаны с Российским государством. Кроме того, одним из условий вхождения Башкирии в состав России было несение башкирами военной службы, которую они должны были осуществлять за свой счет. Таким образом, для башкир военная служба выступала как особый вид государственной службы. В XVI – первой половине XVIII вв. башкиры осуществляли свою службу эпизодически, по призыву властей. В основном это были походы в составе отрядов русских служилых людей либо совместно с яицкими казаками⁴⁷⁸.

---

⁴⁷⁵ СИРИО. Т. 114. С. 304.

⁴⁷⁶ Кортунов А.И., Фокин А.А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала. Уфа, 2016. С. 42.

⁴⁷⁷ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы С. 118.

⁴⁷⁸ Кортунов А.И., Фокин А.А. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Урала. С. 47.

Актуальным этот вопрос был и осенью 1736 г., когда началась русско-турецкая война, а башкирское восстание постепенно сходило на нет. «Хотя нынешним годом их более 10000 искоренено, однако еще того не довольно» – сообщал Румянцев в Кабинет в сентябре 1736 г. «Не соизволите ль, в.и.в., повелеть их нарядить тысячи 2 или 3 лутчих и оруженных, объявя причину противу турок, ибо они и прежде при взятъе Азова и Риги бывали, ... а когда они внутрь российских жилищ войдут, тогда не соизволите ль их в Ригу или где в другое место определить, токмо б чтоб домой не возвратились»⁴⁷⁹.

Тем не менее до Кабинета продолжали доходить и неутешительные новости. Получив в сентябре 1736 г. информацию о том, что башкиры сожгли вотчины баронов Строгановых, министры выразили неудовольствие Румянцеву, поскольку тот никак не помешал им. В связи с этим моментом министры потребовали, чтобы генерал-лейтенант применил все усилия, чтобы остановить башкир, а также распорядились выслать ему на помощь два пехотных полка в качества подкрепления в ответ на его требование в людях⁴⁸⁰. Вероятно, разочаровавшись в работе Румянцева, Кабинет в скором времени решил передать дела башкирской комиссии бригадиру М. Хрущеву⁴⁸¹.

Между тем русско-турецкая война послужила новым витком в обострении отношений Российской империи с местными народами на Юго-Востоке. Так, большую актуальность в середине 1730-х гг. приобрел калмыцкий вопрос. Правительству Анны Иоанновны необходимо было решать в отношении калмыков две актуальные задачи: не допустить союза калмыцкого хана Дондук Омбо с крымским ханом, а также добиться привлечения калмыков к участию в начавшейся русско-турецкой войне⁴⁸². Важность участия калмыков была настолько велика, что по указу кабинет-министров Румянцеву калмыцкое войско,

---

⁴⁷⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 279.

⁴⁸⁰ СИРИО. Т. 114. С. 475.

⁴⁸¹ СИРИО. Т. 114. С. 483.

⁴⁸² Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества. С. 25.

первоначально отправленное против башкирских повстанцев необходимо было вернуть обратно к Дондук Омбо для похода на Кубань⁴⁸³.

Кроме того, мысль Румянцева об отправлении башкир на войну с Турцией также не осталась без внимания Кабинета. В октябре 1736 г., когда по последним сообщениям от Кирилова и других лиц пришли сведения о том, что нападения башкир прекращаются, императрица приказала башкирам отправить грамоты, чтобы те отправили 3000 человек на войну с турками и «изготовя те грамоты для отправления, прислать в Кабинет Ея И. В-ва»⁴⁸⁴.

Таким образом, политику Кабинета можно рассматривать как стремление к воплощению военной модели в качестве основного средства предотвращения гражданских смут. Власти, используя технику установления внутреннего мира, стремились применить механизм совершенной армии, послушного и полезного войска при помощи народностей Юго-Востока. Таким образом, в Российской империи, как и других крупных государствах XVIII в. армия представляла собой гарант стабильности⁴⁸⁵.

К ноябрю 1736 г. от Хрущева наконец пришла долгожданная информация об успокоении обстановки. В частности, он сослался на ведомость Татищева о том, что Сибирская дорога башкир практически стала безопасной, а сами башкиры принесли повинную, принеся с собой российские ружья и несколько лошадей⁴⁸⁶. В именном указе от 3 декабря 1736 г. Кабинет одобрил действия Татищева относительно восставших, поскольку «многие башкирцы от воровства унимаются» и велел ему в дальнейшем действовать сообща с Кириловым и майором Хрущевым⁴⁸⁷.

Таким образом, Кабинет Анны Иоанновны одну из важнейших задач видел в продвижении на европейский Юго-Восток страны. Он одобрил проект Кирилова по организации Оренбургской экспедиции, потому как его реализация вполне

---

⁴⁸³ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 78. Л. 1-2.

⁴⁸⁴ СИРИО. Т. 114. С. 516.

⁴⁸⁵ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. С. 245-246.

⁴⁸⁶ СИРИО. Т. 114. С. 561.

⁴⁸⁷ Там же. С. 583.

укладывалась в общую правительственную концепцию по обеспечению безопасности Юго-Восточной окраины, укреплению отношений с местными народами и расширению торговых отношений со странами Средней Азии.

Развернувшееся башкирское восстание 1735-1736 гг. стало неожиданностью для правительства. Кабинет был заинтересован в его скорейшем подавлении, поскольку главной задачей на тот момент была организация деятельности Оренбургской экспедиции, а восстание создавало для нее большие препятствия. Примечательно, что Кабинет министров занимался координацией наиболее серьезных вопросов, касавшихся сложившейся ситуации с экспедицией. Именно от министров зависело назначение ключевых фигур в организации экспедиции и общая линия поведения местного руководства на Юго-Востоке в деле подавления башкирского восстания. Однако при решении каких-либо второстепенных рабочих вопросов экспедиции на первый план выступал Сенат, с которым местными руководителями вели непрерывную переписку.

Вероятно, центральные власти осознавали, насколько опасным мог быть новый национальный конфликт, потому как не могли не учитывать опыт относительно недавнего башкирского восстания 1705-1711 гг., а также более ранних столкновений с башкирами. Именно поэтому изначально меры по подавлению «башкирского замешания» носили самый осторожный характер. Однако в связи с его эскалацией и жесткой позицией со стороны местного руководства – Кирилова и Тевкелева, правительство поддержало более суровые действия по борьбе с восставшими. Но все же, несмотря на негласное согласие с реализацией суровых карательных действий, Кабинет постоянно напоминал местным начальникам, что главная цель их деятельности заключалась в удержании башкир в составе Российской империи и дальнейшем их мирном существовании. Территория Башкирии могла быть выгодно использована в хозяйственном обороте Российского государства, а сами представители башкирского народа, как и века ранее, могли служить в составе русской армии.

3.3. Стратегия Кабинета министров на Юго-востоке европейской России в 1737-1739 гг.: сотрудничество с В.Н. Татищевым

Башкирское восстание 1735-1736 гг. стало ключевым эпизодом в деятельности Оренбургской экспедиции. Его последствия были настолько велики, что внесли существенные перемены не только в работу самой экспедиции, но и привели к изменению политики Кабинета министров на Юго-Востоке европейской России в целом. Правительству пришлось временно отказаться от некоторых чрезвычайно амбициозных задач, поставленных еще в проекте Кирилова – налаживании торгового пути в Индию, и в первую очередь сосредоточиться на поддержании стабильности в регионе – проведении административных и военных мер по подавлению башкирских восстаний, упорядочению экономической ситуации, строительству новых крепостей для защиты населения от набегов кочевников. Таким образом, с 1737 г. внимание Кабинета к Юго-Востоку усиливается.

Хотя в башкирском вопросе наконец-то наступило некоторое затишье, в январе 1737 г. в Кабинет поступили рапорты от генерала-майора князя Репнина и полковника Беклемишева о постоянных нападениях казахов на русские поселения и калмыцкие улусы рядом с Царицыным⁴⁸⁸.

В такой ситуации, опасаясь усиления новых враждебных сил в Юго-Восточном регионе, министры в феврале того же года предлагали Кирилову, что, если с казахами не получится договориться мирным путем, не лучше ли позволить башкирам на них напасть. Как известно, по словам Татищева, казахи и ранее собирались с ними воевать⁴⁸⁹. Кроме того, министры в марте 1737 г. объявили Сенату, чтобы во всех тех населенных пунктах, где были бы замечены казахи, местные власти должны напрямую связываться с самим Кириловым⁴⁹⁰.

В условиях относительной мирной обстановки на Юго-Востоке перемены коснулись руководства Башкирской комиссией. По распоряжению Кабинета

⁴⁸⁸ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 18-20 об.

⁴⁸⁹ Там же. Л. 14-15.

⁴⁹⁰ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 48.

25 января 1737 г. ее начальнику Ф.С. Хрущеву было приказано отправиться на Украину в связи с продолжающейся русско-турецкой войной. Вместо него решено было поставить на освободившийся пост астраханского вице-губернатора Л.Я. Соймонова⁴⁹¹.

Сам же Кирилов выступил против предложения Кабинета, основанного на мнении Татищева, заменить сбор штрафных лошадей с башкир на службу в Азовском походе против турок⁴⁹². Возможно, он опасался, что башкиры вновь могли взбунтоваться.

Подозрения Кирилова подтвердились – уже в апреле 1737 г., получив сведения о новых выступлениях среди башкир, Кабинет рекомендовал Кирилову отложить отправление башкирского войска на службу и прежде всего казнить главных башкирских бунтовщиков, чтобы не допустить расширения восстания⁴⁹³.

Незадолго до этого, в марте 1737 г. кабинет-министры утвердили резолюцию на донесение из Сената об отпуске с Екатеринбургских казенных заводов 50 тысяч рублей на расходы Оренбургской экспедиции. Примечательно, что Кирилов обращался с просьбой о деньгах в Сенат, но это учреждение не могло выдать ему средства без резолюции Кабинета, так как в прошлом году деньги отпускались только по именному указу императрицы⁴⁹⁴.

Кирилову, скорее всего, было привычнее обратиться в Сенат с подобным рабочим вопросом. Однако в связи с нарастанием кризиса на Юго-Востоке без ведома министров сенаторы уже не могли выделить Кирилову такую крупную сумму.

Ситуация в Юго-Восточном регионе вскоре осложнилась еще тем фактом, что Кирилов умер в Самаре 14 апреля 1737 г. По указу кабинет-министров от 7 мая того же года временное руководство Оренбургской экспедицией возлагалось на полковника Бахметьева⁴⁹⁵. Вполне возможно, что занять место

---

⁴⁹¹ Там же. Л. 12.

⁴⁹² Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 378-379.

⁴⁹³ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 63-64.

⁴⁹⁴ СИРИО. Т. 117. С. 152.

⁴⁹⁵ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 70.

Кирилова надеялся Тевкелев. Не случайно в своем письме Остерману от 4 мая 1737 г. Алексей Иванович, сообщая о смерти Кирилова, заодно просил вице-канцлера «его, бедного и беспомощного человека, своею высокоотеческою и щедрейшею милостию не оставить»⁴⁹⁶.

Кроме того, назначение на эту непростую должность Тевкелева, учитывая его репутацию, безусловно, стало бы недальновидным шагом, что не могли не понимать в Кабинете.

Таким образом, именным указом императрицы от 10 мая 1737 г. дело Оренбургской экспедиции перешло к Татищеву, одновременно пожалованному в тайные советники⁴⁹⁷. Исследователи неоднократно отмечали, что таким образом правительство Анны Иоанновны пыталось избавиться от неугодного чиновника, вызвавшего недовольство Бирона⁴⁹⁸.

Бесспорно, Василий Никитич Татищев – историк, географ, экономист, инженер-артиллерист, являлся знаковой фигурой своего времени. Еще с 1720 г. он руководил металлургическими заводами на Урале, был знаком с национальной спецификой на Юго-Востоке. За то короткое время, что Василию Никитичу довелось провести в роли начальника Оренбургской экспедиции (комиссии), изменилась линия поведения местного руководства в Юго-Восточном регионе – можно сказать, она стала более гибкой и осторожной. В этой связи интересны его взаимоотношения с Кабинетом – насколько министры готовы были предоставить ему свободу действий, поощряли ли инициативы его проектов, оказывали ли достойную финансовую поддержку.

Стоит отметить, что если ранее весомое значение в государственных вопросах на Юго-Востоке явно принадлежало Сенату – от сенаторов исходили многие важные указы, руководители экспедиции часто отправляли свои рапорты именно в Сенат, то в 1737 г., а в особенно 1738 г. большинство донесений Татищева, а также Хрущева и Соймонова шли напрямую в Кабинет. Известны и

---

⁴⁹⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 412.

⁴⁹⁷ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 68. Л. 139.

⁴⁹⁸ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 64.

полуофициальные письма от Татищева, персонально направленные кому-либо из кабинет-министров – чаще всего, Остерману и Черкасскому⁴⁹⁹.

По именному, данному из Кабинета указу императрицы от 9 июня 1737 г. Татищеву было поручено заняться окончательным подавлением башкирского восстания. Ради этого дела в Мензелинске нужно было организовать совещание, на котором требовалось присутствие наиболее влиятельных персон из местного руководства⁵⁰⁰.

По прибытии 14 июля в Мензелинск Татищев, а также уфимский воевода Шемякин, генерал-майор Соймонов, полковники Тевкелев и Бардукевич провели генеральный консилиум. Его итоги выявлены в экстракте, переданном Кабинетом на усмотрение Сената от 13 августа 1737 г. В нем сказано, что для «определения башкир под разные суды» следовало отделить городок Осу, куда нужно отправить «надежного человека в воеводы», а также основать Красноуфимскую крепость и особую Исетскую провинцию⁵⁰¹. Таким образом, Красноуфимская крепость и Осинский городок становились пригородами, подчиненными Уфимской провинциальной канцелярии, но с особыми воеводами, которые назначались Сенатом⁵⁰². Предпринимались меры увеличения контроля и в военной сфере – в Уфу следовало отправить дополнительный ландмилицкий драгунский полк⁵⁰³.

Приехав в Самару по окончании Мензелинского консилиума, Татищев сразу обратил внимание на ошибки предшествующего управления. В своем письме И.А. Черкасскому Василий Никитич достаточно резко писал, что, приступив к делам, обнаружил, что Оренбургскую экспедицию, «как видно по обману Тевкелева и Кирилова, для чаемого великого прибытка начали». И притом это мероприятие «вымышлено более для собственной, нежели для казенной пользы»⁵⁰⁴.

⁴⁹⁹ К примеру - Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 530, 548, 589.

⁵⁰⁰ ПСЗ-I. Т. 10. № 7278. С. 169.

⁵⁰¹ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 16-16 об.

⁵⁰² Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. С. 141.

⁵⁰³ ПСЗ-I. Т. 10. С. 242. № 7347.

⁵⁰⁴ Пекарский П.П. Новые известия о В.Н. Татищеве. СПб., 1864. С. 37-38.

Также Татищев приходил к заключению, что новая волна башкирского восстания возникла по причине недостаточного функционирования управленческого аппарата экспедиции⁵⁰⁵.

Василий Никитич критиковал Кирилова в том, что нужного канцелярского порядка, основанного на уставе, не было установлено; протокол и журнал не заполнялись в должной мере, списков служащих с их окладами не существовало, «а хотя подъячих было не мало, но все набраны молодые и малоискусные, а к тому и повытей было не расписано; записок одного дело нужно искать по разным местам. Счеты весьма неправильны, потому что приход и расход был в разных руках...»⁵⁰⁶.

К примеру, Татищев писал в Сенат, что по воле Кирилова в Уфе был определен драгунский ландмилицкий полк, однако ни указа о его наборе, ни сведений о его жалованье не существовало. Тем не менее, надеясь, что полк был все же учрежден не без указа Кирилова, на совете в Мензелинске в 1737 г. решено было его не распускать в виду сохранения непростой обстановки. Однако здесь возникла финансовая проблема – платить этому полку было затруднительно. К тому же подлинных сведений о наборе полка так и не удалось обнаружить⁵⁰⁷.

В следствие этой обнаруженной проблемы кабинет-министры от 25 сентября 1737 г. объявили о сборе «из всех мест ведомостей» о расходе на Оренбургскую комиссию денег, провианта и прочих припасов с сообщением о том Василию Никитичу⁵⁰⁸.

Финансовый вопрос Оренбургской экспедиции по-прежнему оставался одним из самых насущных. В этой связи следует упомянуть и об объявленном из Кабинета сообщении Сенату от 10 ноября 1737 г., где говорилось, что Татищев недавно получал уже 50 тысяч рублей, из которых было потрачено 35 тысяч. Остальные деньги должны были пойти на уплату за майскую треть жалованья и

---

⁵⁰⁵ Сафонов Д.А. Начало оренбургской истории. (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.) С. 53-54.

⁵⁰⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20. С. 1545.

⁵⁰⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134. Л. 665.

⁵⁰⁸ СИРИО. Т. 117. С. 583.

подряженный провиант – в итоге в ближайшем будущем на эти нужды платить было не из чего. Поэтому решено было выделить Василию Никитичу еще 50 тысяч рублей на потребности Оренбургской экспедиции⁵⁰⁹. 18 октября 1737 г. по указу Кабинета было велено, чтобы на нужды полков Оренбургской экспедиции деньги выделялись из доходов Казанской губернии кроме подушного налога⁵¹⁰.

Тем не менее Татищев рапортовал в Правительствующий Сенат, что на 1737-1738 гг. как на жалованье, так на провиант и фураж его команды все равно не хватает денежных средств. Об этой проблеме он писал и в «Высочайший Кабинет с приложением же в контору Правительствующего Сената и военную коллегия»⁵¹¹.

Помимо нужды в денежных средствах Татищеву могли потребоваться товары на подарки приезжающим казахам, о чем он писал в Кабинет в сентябре 1737 г. Этот вопрос нельзя было оставить без внимания, поскольку проблема дипломатического урегулирования с казахами по-прежнему являлась актуальной. Эта задача была возложена Кабинетом на Сибирский приказ – учреждение должно было отправить руководителю Оренбургской экспедиции сибирских товаров на две тысячи рублей⁵¹².

Кроме того, Василий Никитич столкнулся с недовольством среди яицких казаков. Как известно, в середине 1730-х гг. внутри яицкого казачества обозначилось серьезное имущественное расслоение, отчасти вызванное деятельностью Оренбургской экспедиции. Строительство Оренбурга, а также подавление башкирского восстания 1735-1736 гг. многократно умножили казацкие службы и увеличили их опасность. В связи с этим, в 1737 г. Татищев разработал проект реформы Яицкого казачьего войска. Он предлагал:

- 1) бюрократизировать управление войском – выделить административную верхушку в лице атамана, двух есаулов и воинского писаря и организовать четкое

---

⁵⁰⁹ Там же. С. 672.

⁵¹⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134. Л. 1072.

⁵¹¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134. Л. 1068-1069.

⁵¹² РГИА. Ф. 468. Оп. 1. Д. 3859. Л. 8.

ведение документации; 2) разделить казаков на полки; 3) ограничить роль войскового круга в принятии решений, а также сузить его состав; 4) заменить «обычное право» в суде и управлении судебным уставом. Однако этот проект Василия Никитича не был реализован на практике, раскол яицкого казачьего войска только усилился⁵¹³.

Наконец Татищев нашел, что и место, выбранное Кириловым для строительства Оренбурга, было очень неудобным, поскольку ежегодно подвергалось затоплению, и потому его необходимо перенести⁵¹⁴.

Обратившись в Сенат, Василий Никитич сумел доказать целесообразность переноса крепости. Для поисков нового участка для строительства города была отправлена специальная команда инженер-майора Ратиславского. В итоге место для строительства крепости было определено возле урочища Красная Гора⁵¹⁵.

Но Кабинет тем не менее рекомендовал не торопиться с переносом города. Поскольку поблизости от места для будущей крепости кочевали казахи, строительные работы могли быть не безопасны. Поэтому, учитывая недавние башкирские выступления, Кабинет советовал Татищеву сначала привести местные дела в порядок и добиться окончательного успокоения в Юго-Восточном крае⁵¹⁶.

И действительно, в ноябре 1738 г. Василий Никитич сам признавал, что практически рядом с Самарой то казахи, то калмыки постоянно нападали на местное население. Вследствие этого по реке Самаре «уже многие городки построены» и в будущем от тех набегов «построить крепостцы было определено»⁵¹⁷.

Стоит отметить, что существенной частью стратегии центральных властей по интеграции местных народов в состав Российской империи стали действия, направленные на создание отдельных поселений для крещеных калмыков. Можно

---

⁵¹³ Петрухинцев Н.Н. Раскол на Яике. С. 80-81.

⁵¹⁴ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 20. С. 1545.

⁵¹⁵ Сафонов Д.А. Начало оренбургской истории. (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в.) С. 55.

⁵¹⁶ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 42-45.

⁵¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134. Л. 1186.

сказать, занимаясь переселением калмыков ближе к Оренбургскую краю, правительство преследовало цель превращения их в военно-охранительную силу на Юго-Востоке⁵¹⁸.

20 июня 1737 г. по высочайшему указу Анны Иоанновны вдова калмыцкого крещеного владельца Петра Тайшина Анна была возведена в княжеское достоинство и получила в управление всех крещеных калмыков⁵¹⁹. В связи с этим по распоряжению Кабинета на Татищева возлагалась обязанность основать крепость, где должна была поселиться Анна Тайшина, а также военный гарнизон под командованием полковника А.И. Змеева⁵²⁰. Крещеным калмыкам отводилось пространство «по Волге от земель села Царевщина и до Черемшана, а вверх по Черемшану до земли деревни Челнов, а по Кондурче до Сергиевской дороги» на Казань»⁵²¹.

Поиск подходящего места занял практически все лето, поскольку внимание Татищева было поглощено приведением к повиновению восставших башкир. Однако следуя указаниям центральных властей, в сентябре того же года командир Оренбургской экспедиции наконец сообщил в коллегия иностранных дел о выборе места пребывания княгини и калмыцкой знати – в урочище Кунья Воложка была заложена крепость, которая впоследствии получила название Ставрополя-на-Волге⁵²².

В целом с подачи Татищева продолжалось активное строительство крепостей, начатое его предшественником Кириловым. По сведениям Р.Г. Букановой при Василии Никитиче были заложены следующие крепости – Тевкелев Брод, Переволока, а также Елшанская, Сорочинская – на реке Самаре; Татищева пристань, Чернореченская, Бердская, Губерлинская – на реке Яик;

---

⁵¹⁸ Шовунов К.П. Калмыки в составе Российского казачества. С. 53.

⁵¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 140. Л. 493-495.

⁵²⁰ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-6.

⁵²¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 140. Л. 316.

⁵²² Джунджужов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII - первая четверть XX века). С. 82-83.

Мочинская крепость в двадцати верстах южнее Самары; достроены Челябинская и Иткульская крепость в Зауралье⁵²³.

Тем временем башкирская проблема по-прежнему являлась весомым поводом для беспокойства властей. Судя по сообщению из Сената в Кабинет в августе 1737 г., взбунтовавшиеся башкиры в своих набегах действовали сообща с каракалпаками и казаками и собирались «идти до Казани». В ответ Кабинет требовал от Сената узнать, откуда взять нужных людей для прекращения бунта, потому как уфимские и казанские гарнизоны были уже задействованы в этом деле⁵²⁴.

Татищев не мог оставить без внимания башкирский вопрос. Переговорив в начале января 1738 г. с башкирскими старшинами, выслушав их жалобы и предложения, Василий Никитич выработал ряд предложений по башкирской проблеме, которые изложил в своем донесении в Кабинет от 22 января 1738 г.⁵²⁵. Одним из его ключевых положений была идея о передаче сбора ясака на башкирских старшин и сотников⁵²⁶.

В секретном письме Соймонову Татищев утверждал, что не видит смысла в обложении башкир подушной податью в ближайшее время. Но когда Исетская провинция и крепости от Сибири к Оренбургу будут построены, и башкирам с казаками будет тяжело взаимодействовать, тогда можно будет «положить на них ясак такой, чтоб с поголовным мало разнствовал»⁵²⁷.

Кроме того, в отличие от своего предшественника Кирилова Татищев настаивал на необходимости более мягкого обращения с башкирами в целом. Так, в своем письме от 9 января 1738 г. Остерману и Черкасскому Василий Никитич признался, что помиловал руководителей восстания – Кильмяка, Юсупа и Акая. Причины этого шага он объяснил тем, что приславшие их башкиры, увидев живыми своих предводителей, обнадежат и остальных в том, что прощение со

⁵²³ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. С.144.

⁵²⁴ СИРИО. Т. 117. С. 519-520.

⁵²⁵ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны. С. 549.

⁵²⁶ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 531-535.

⁵²⁷ НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 69-70.

стороны властей возможно⁵²⁸. Вероятно, решив, что проявил излишнюю самостоятельность, и испугавшись возможного недовольства министров, в донесении от 22 января Татищев приводит новые доводы в пользу своего поступка – в качестве примера он вспоминает, что, когда в 1736 г. отпустил главных бунтовщиков, на Сибирской и Ногайской дорогах сразу прекратились выступления. И как скоро он, «послушав других», все же начал казни, немедленно начался новый бунт⁵²⁹.

Предложения Татищева нашли одобрение у Кабинета министров. В данном случае интересно ознакомиться с резолюциями Остермана на экстракт, составленный в Кабинете из донесения Татищева от 22 января 1738 г. Андрей Иванович последовательно дает по каждому пункту сообщения свои комментарии. В частности, он соглашается с тезисом Татищева о передаче сбора ясака на башкирских старшин и сотников, но заодно решает узнать и мнение Сената по данному вопросу. Передача в Сенат коснулась пунктов по поводу разрешения подвод башкирам. Любопытно, что Остерман сомневается в правоте Татищева относительно прощения предводителей восстания. Хотя по мнению вице-канцлера, башкир «за их измену и великие проступления надлежало ... жестокою смертию казнить», все же подтверждает его решение⁵³⁰. Вполне возможно, что Остерман просто не мог открыто выступить против помилования и поддержал решение Татищева вынужденно.

Итак, 17 марта 1738 г. по указу Кабинета на имя Татищева были приняты решения о сборе в башкирских жилищах ясака их старшинами, а не целовальниками и ясачниками. Вместе с тем в соответствии с советами Татищева Кабинетом был принят ряд мер, суть которых заключалась в налаживании отношений с башкирами – было определено дать им подводы наравне с мещеряками, чувашами и черемисой; помиловать предводителей восстания –

---

⁵²⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 530-531.

⁵²⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 531-534.

⁵³⁰ Там же. С. 537-539.

Кильмяка, Юсупа и Акая; отпустить штрафы и ясак тем башкирам, которые пока не были в состоянии их выплатить со взятием с них в том поруки⁵³¹.

Примечательно, что 17 марта Сенату было приказано немедленно прислать свое мнение в Кабинет по донесению Татищева⁵³². Однако скорее всего, точка зрения Сената мало изменила бы уже принятое решение Кабинета – видимо, запрос в Сенат носил несколько формальный характер.

Очевидно, предпринятые меры оказали положительное воздействие на ситуацию с башкирами. Во всяком случае, в июне 1738 г. в Кабинет поступило сообщение от Татищева о том, что башкиры перестают бунтовать и приводят штрафных лошадей⁵³³. В октябре того же года положительные новости приходят в Кабинет и от Соймонова – за исключением «главного вора» Бепени, не пришедшего с повинной, башкиры Ногайской и Сибирской дорог прекратили бунтовать⁵³⁴. Однако говорить о полном прекращении выступлений говорить все равно было нельзя – время от времени они продолжали то возобновляться, то затихать вплоть до 1740 г.

Башкирские восстания наложили свой отпечаток и на экономическую ситуацию в Юго-Восточном крае. Заметно, что правительство готово было пойти навстречу местным жителям, понесшим убытки от набегов. Так, 12 мая 1737 г. Кабинет одобрил доклад Сената о невзыскании доимок с жителей Бахмутской и Уфимской провинций, разоренных башкирами⁵³⁵. В июле того же года министры утвердили резолюцию на сообщение Сената о разрешении оренбургским соляным промышленникам беспошлинно торговать разными товарами в уважение понесенных ими убытков от башкир⁵³⁶.

Между тем на Юго-Востоке нависла серьезная угроза со стороны казахов. Еще в декабре 1737 г. царицынский комендант Кольцов писал в Сенат об опасности прихода кайсаков на Волгу между Астраханью и Царицыным и в

---

⁵³¹ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 33-35 об.

⁵³² Там же. Л. 36-36 об.

⁵³³ СИРИО. Т. 124. С. 64.

⁵³⁴ Там же. С. 331.

⁵³⁵ ПСЗ-I. Т. 10. № 7251. С. 145-146.

⁵³⁶ ПСЗ-I. Т. 10. № 7318. С. 210-214.

качестве меры предосторожности просил определения драгунского полка в его команду. Однако Сенат отказал Кольцову в просьбе и отправил свое решение в Кабинет для ознакомления⁵³⁷.

Вскоре положение усугубилось тем, что хан Младшего казахского жуза Абулхаир предложил российскому правительству свою помощь в подавлении башкирских волнений. Но получив разрешение властей на вступление со своим войском в Башкирию, хан стал грабить ее земли, не разделяя мирных жителей от бунтовщиков. Эти действия не остались без внимания Татищева, попросившего разрешения удаления хана из Башкирии⁵³⁸. Ситуацию осложнял и тот факт, что часть орды Абулхаира грабила не только башкир, но и волжских калмыков, и русское население. Эти события вызвали ответную реакцию Кабинета министров, объявившего указ Татищеву 6 февраля 1738 г., где говорилось о том, чтобы перешедших Волгу казахов при возвращении следует их задержать, и те набеги прекратить⁵³⁹.

Весной 1738 г. обстановка еще больше накалилась – в донесении в Кабинет от 9 мая Татищев признавал, что вся его работа по прекращению башкирских выступлений была напрасной, так как башкиры организовали новые нападения. К тому же в это время хан Абулхаир сговорился с башкирскими старшинами и стал открыто проявлять враждебное отношение к России⁵⁴⁰.

Так, в конце апреля 1738 г. вместе с башкирами хан подошел к Оренбургу и заявил: «Город мой и для меня устроен, а кто не послушает, тому голову отрублю». Татищеву пришлось пойти на хитрость, чтобы не допустить волнений. Как известно, он отдал приказ майору Останкову арестовать главных башкирских старшин, и одновременно сообщил хану, что арест произведен майором самовольно и тот понесет наказание⁵⁴¹.

---

⁵³⁷ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 49. Л. 9. – 9 об.

⁵³⁸ Добросмыслов А.И. Тургайское управление. Исторический очерк. Т. 1. С. 23-24.

⁵³⁹ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 1-1об.

⁵⁴⁰ НА УНЦ РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 1. Л. 72.

⁵⁴¹ Добросмыслов А.И. Тургайское управление. Исторический очерк. Т. 1. С. 25.

13 июня 1738 г. в Кабинет пришло донесение от Татищева о том, что Абулхаира просили не приближаться к Оренбургу не дальше, чем на тридцать верст и приезжать только для торга с малым числом людей. Но хан проигнорировал письма начальника Оренбургской комиссии и, «имея злое намерение», созвал к себе башкир и казахов. Татищев сначала отправил в Оренбург Тевкелева, а позже собирался поехать туда сам⁵⁴².

Эти известия вызывали сильное недовольство Кабинета министров, поскольку угроза нависла над Оренбургом, который нужно было сохранить во что бы то ни стало. К тому же не могло не вызвать одобрение министров излишне самостоятельное поведение Татищева, ставившего под угрозу не только потерю Оренбурга, но и авторитет правительства, не способного оказать сопротивление казахскому хану Абулхаиру – к тому времени уже принявшего российское подданство.

Тогда Кабинет в указе от 22 июня 1738 г., используя требовательную интонацию, приказал Татищеву немедленно ехать к Оренбургу, чтобы прекратить выступление Абулхаира. Копия с этого указа была послана и Соймонову, который должен был окончательно прекратить восстания среди башкир⁵⁴³. В июле 1738 г. министры снова в достаточно резкой форме отметили, что Татищев и генерал Соймонов «в искоренении воров не так поступают, как надлежало». В частности, критике подвергся Соймонов, который пропустив май и июнь, отправился из Мензелинска в поход на башкир только 26 июля и опоздал, «ничего им сделать, не успев»⁵⁴⁴.

Так как действия казахов коснулись и калмыков, в стороне не мог остаться и калмыцкий хан Дондук Омбо, решивший отомстить казахам «за учиненные обиды». В этих обстоятельствах Кабинет министров советовал Татищеву действовать максимально осторожно. Министры признавали, что в условиях

---

⁵⁴² СИРИО. Т. 120. С. 466.

⁵⁴³ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 50-51 об.

⁵⁴⁴ Там же. Л. 52-53 об.

русско-турецкой войны ссоры между калмыками и казахами были совсем не выгодны⁵⁴⁵.

Интересно, что в мае 1738 г. Кабинет рекомендовал Татищеву уговорить Дондук Омбо отказаться от посылки калмыцких войск против казахов «якобы от себя, а не по указу»⁵⁴⁶. Очевидно, что таким образом, оставаясь в стороне от решительных действий, которые могли бы навредить авторитету российской самодержавной власти, Кабинет министров мог использовать Татищева как исполнителя своих планов.

Впоследствии, когда Абулхаир уже стал представлять угрозу для Оренбурга, мнение Кабинета изменилось. В июне 1738 г. в указе говорилось, что, если хан Абулхаир действительно был неверен и вступил в союз с башкирами, нужно было помочь калмыцкому хану. Но если же казахский хан остался верен российскому правительству, обе стороны следовало оставить в покое и в их дела не вмешиваться. В заключение министры признавали, что надеются на «верность и искусство Татищева», поскольку «отсюда за недовольным известием точного наставления дать невозможно»⁵⁴⁷.

Вследствие этого Татищев поспешно отправился в поход и приехал в Оренбург 15 июля 1738 г., куда спустя две недели прибыл и Абулхаир. В результате сложных длительных переговоров, в которых Татищев принимал первостепенное участие, присяга казахского хана была подтверждена повторно, хотя Абулхаир долго не соглашался подписываться «рабом» русской императрицы. Также Абулхаиром были приняты следующие обязательства: 1) хан должен был освободить всех русских пленных, находящихся не только в его орде, но и других ханствах; 2) обязан сопровождать и охранять караваны, проходящие через киргизские степи⁵⁴⁸.

В июле 1738 г., когда проблема с казахским ханом уже благополучно разрешилась, Кабинетом было решено отпускать деньги Татищеву «без всякого

---

⁵⁴⁵ Там же. Л. 46-46 об.

⁵⁴⁶ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 46-46 об.

⁵⁴⁷ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 51 об.

⁵⁴⁸ Добросмыслов А.И. Тургайское управление. Исторический очерк. Т.1. С. 27.

замедления». Незадолго до этого Василий Никитич жаловался, что в финансовых средствах он очень стеснен – поэтому и к Оренбургу приехал не так быстро, как было нужно. Если же по его требованию не ускорить выдачу денег, Оренбургская комиссия вовсе может прекратить свое существование⁵⁴⁹.

Отсюда следует, что несмотря на недавний выговор, министры не могли не учитывать, как эффективно Татищев разрешил сложную дипломатическую ситуацию, которая могла стать поводом для нового витка кризиса на Юго-Востоке. Поэтому они по-прежнему были готовы осуществлять Василию Никитичу материальную поддержку. Более того, Кабинет продолжал доверять ему и другие непростые дипломатические задачи. Вероятно, доверие к нему со стороны центральных властей после недавнего критического инцидента с Абулхаиром даже возросло, о чем говорят последующие указы Кабинета.

Так, согласно именному указу от 16 сентября 1738 г. министры снова не дали точного ответа относительно просьбы казахов позволить им отомстить башкирам. С одной стороны, они признавали, что государству выгодно, если при помощи казахов взбунтовавшиеся башкиры были бы наказаны, с другой стороны понимали – казахи могли навредить и верным башкирам. Поэтому в этом вопросе Кабинет целиком полагался на мнение Татищева, поскольку именно он был назначен «главным командиром» на Юго-Восточной окраине. В том же указе министры осторожно высказались по поводу принятия в российское подданство Большой орды хана Юлборуса (Жолбарыса). Командиру Оренбургской комиссии следовало выяснить, можно ли надеяться на будущего поданного, и если казахский хан достоин доверия, то и дальше продолжать с ним корреспонденцию и склонять к присяге⁵⁵⁰.

Когда же стало известно, что хан Абулхаир собирается воевать с Персией, Татищеву и тут следовало самому принимать решение. Россия была не заинтересована в том, чтобы Персия вела войну с казахами, поскольку тогда Турция, с которой продолжала воевать Россия, оказалась бы от нее в

---

⁵⁴⁹ СИРИО. Т. 124. С. 88.

⁵⁵⁰ ПСЗ-I. Т. 10. № 7657. С. 611-616.

безопасности. А потому вместо Персии внимание Абулхаира следовало отвлечь на поход против джунгарского хана Голдан-Цэрена – здесь интересы Российской империи не были затронуты. Поэтому, намекая в каком именно направлении надо действовать, Кабинет приказывает Татищеву уладить это «немалой важности» дело секретным образом⁵⁵¹.

Неоднозначная ситуация сложилась и в связи с противостоянием между калмыцким ханом Дондук Омбой и его сыном Галдан Норбой осенью 1738 г. Главная опасность для России состояла в том, что Галдан Норба мог заручиться протекцией Крымского хана, чтобы забрать престол у отца, а в условиях продолжавшейся русско-турецкой войны подобный союз был совсем нежелателен. Дондук Омбо обещал, что не пропустит войско сына на Кубань, однако требовал держать в боевой готовности две тысячи конных войск при Царицыне⁵⁵².

Кабинет-министры признавали, что «калмыцкое междоусобие» могло бы навредить государственным интересам. Чтобы погасить конфликт, Татищеву было приказано отправить Астраханский гарнизонный драгунский полк на Царицынскую линию. Если же людей будет недостаточно, ему следовало дополнительно снарядить войска с команды Соймонова⁵⁵³.

Кроме того, после казахских набегов, предпринятых в 1737-1738 гг. на калмыцкие улусы, в которых отсутствовала большая часть боеспособного населения, поскольку калмыки были привлечены к русско-турецкой войне, перед российскими властями встала задача обеспечить охрану калмыков. Так, в связи с этим по Волге стали выставлять форпосты. Вместе с тем в 1739 г. было определено содержать при Дондуке Омбо одну роту драгун и двести казаков из поволжских городовых команд еще из числа тех, «которые в 727 году нарочно к калмыцким делам определены»⁵⁵⁴.

---

⁵⁵¹ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 55 об-56.

⁵⁵² ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 3. Л. 69-70.

⁵⁵³ Там же. Л. 60-63 об.

⁵⁵⁴ Торопицын И.В. Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII века // Журнал фронтирных исследований. 2016. № 2. С. 33.

Таким образом, по действиям центрального правительства заметно, что его цель заключалась в недопущении военных конфликтов между местными народами Юго-Востока, а также в нейтрализации различных попыток их объединения в военные союзы. Проводником этой политики как раз и выступал В.Н. Татищев как начальник Оренбургской экспедиции (комиссии)⁵⁵⁵.

Помимо урегулирования тонкостей национальных разногласий, Татищев занимался решением множества других проблем. К примеру, на него была возложена Кабинетом задача перечеканки медных монет в деньги и полушки еще в то время, когда он еще работал в Екатеринбурге. Однако и находясь уже во главе Оренбургской комиссии, Татищев не оставлял руководство над высылкой перечеканенных денег в Москву⁵⁵⁶.

Кроме того, Татищев продолжал координировать строительство крепостей. В сентябре 1738 г. он прибыл в Сакмарск, о чем рапортовал в Кабинет. Здесь он принял к сведению, что в устье Илека заложен новый «назначенный городок», возле которого располагаются жилища, где неподалеку добывают соль. Данное место, если ему будет разрешено, он готов был осмотреть в следующем году⁵⁵⁷.

Однако его планам не суждено было сбыться. В первых числах января 1739 г. Татищев получил дозволение прибыть в столицу ко двору Ея Императорского Величества на первый взгляд для того, чтобы отчитаться о своей деятельности в Юго-Восточном крае. По прибытии в Санкт-Петербург Василий Никитич сразу подал в Кабинет обстоятельное представление, где изложил ряд задач на ближайшее будущее. Его план включал в себя следующее: 1) перенос Оренбурга на урочище Красной горы; 2) реконструкцию новой Оренбургской линии – ее следовало провести вверх по Яику до Верхояицкой пристани, а оттуда по реке Ую до Царева городища; 3) поселение на реке Самаре гарнизонных и ландмилицких полков; 4) обеспечение повышения в чинах лучших обер-офицеров

---

⁵⁵⁵ Джунджузов С.В., Любичанковский С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. № 3 (18) С. 508.

⁵⁵⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3. Л. 23-23 об.

⁵⁵⁷ СИРИО. Т. 124. С. 335-336.

и отправление недостойных в отставку; 5) распространение коммерции в регионе; 6) сведения о содержании и порядках киргиз-кайсацкой орды; 7) действия по окончательному прекращению башкирского восстания⁵⁵⁸.

На первый взгляд, кабинет-министры по-прежнему готовы были оказывать поддержку Василию Никитичу и делу Оренбургской экспедиции, которая к тому времени была переименована в комиссию. Очевидно, что действия и планы Татищева были высоко оценены центральными властями.

В пользу этого суждения говорит указ от 8 марта 1739 г., по которому отдельно Татищеву было приказано выделить 12 тысяч рублей, а также отправить в Самару 30 тысяч с Екатеринбургских заводов и 20 тысяч из Сибирской губернии⁵⁵⁹. В ответ на эту финансовую помощь Татищев выразил беспокойство, что 30 тысяч не придут в Самару вовремя, а потому предложил отпустить «заимобразно» из Сибирской провинции до 6 тысяч рублей. Кабинет и тогда исполнил просьбу Василия Никитича – дал разрешение отправить из Симбирской провинции в Оренбургскую комиссию запрошенную сумму денег⁵⁶⁰.

Однако энергичной деятельности Татищева на Юго-Востоке все же пришел конец. Буквально вслед за ним в Санкт-Петербург отправился Тевкелев с обвинением, а затем в столицу пришли и другие доносы из Башкирии. Татищева обвиняли во взятках, присвоении жалованья, определенного киргизскому хану и старшинам и т.д.⁵⁶¹.

К примеру, как утверждал Тевкелев, Татищев своей жадностью подорвал авторитет руководителя Оренбургской комиссии и причинил ущерб межнациональной торговле, что и явилось причиной обострения нового башкирского мятежа⁵⁶².

⁵⁵⁸ Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). С. 41-42.

⁵⁵⁹ СИРИО. Т. 126. С. 228-229.

⁵⁶⁰ Там же. С. 282-283.

⁵⁶¹ Носкова О.Л. В.Н. Татищев – государственный деятель, военный, ученый (к 325-летию со дня рождения) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 5. С. 290.

⁵⁶² Акишин М.О. Документы следствия о В.Н. Татищеве 1739-1733 гг. как исторический источник // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. 2019. № 6. С. 437.

Тевкелев не был единственным, кто подвергал критике деятельность Татищева. Еще в марте 1738 г. в Кабинет поступало сообщение из Синода «о поругании и озлоблении», якобы причиненным Татищевым по отношению к оренбургскому протопопу Антипе Мартианову⁵⁶³. Однако никакие санкции Василия Никитича тогда не коснулись.

В январе 1739 г. дело против Татищева приняло более серьезный оборот – Сенату был направлен именной указ, контрассигнованный кабинет-министрами о начале расследования о работе Татищева в связи с жалобами на него и полковника Орлова от капитана Петра Калачева⁵⁶⁴.

А уже 27 мая 1739 г. по приказу министров была создана комиссия для расследования «разных доношений и дел, касающихся до т. сов. Татищева». Основной состав комиссии по делу Татищева исходил из Кабинета, от Сената же требовалось определить еще двух членов из различных коллегий⁵⁶⁵.

Хотя официально Василий Никитич был арестован в связи с жалобой Тевкелева, вероятно, в этом сложном деле не обошлось без Бирона. Трудно поверить в то, что Тевкелев мог самостоятельно выступить против такой видной фигуры как Татищев до этого располагавшего почти полной поддержкой Кабинета – Остермана, Черкасского и по словам Н.Н. Петрухинцева, скорее всего, Волынского, так как с ним самим и его «конфидентами» Татищев якобы поддерживал хорошие отношения⁵⁶⁶. Вряд ли министров не устраивало качество работы Татищева – на первый взгляд они наоборот, ценили его опыт, а также неоспоримые таланты и потому нередко полагались целиком на его мнение в трудных вопросах.

Любопытную информацию содержит челобитная Татищева, поданная на имя императрицы в 1739 г. В этом документе Василий Никитич жаловался, что серьезную роль в его плачевном положении сыграл кабинет-министр Волынский, имевший на него «старую злобу». Якобы Татищев на свои «нужные доношения»

⁵⁶³ СИРИО. Т. 120. С. 178, 356.

⁵⁶⁴ СИРИО. Т. 126. С. 24.

⁵⁶⁵ Там же. С. 510-511.

⁵⁶⁶ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). С.585.

месяца по четыре и по шести решения от него не получал, или получал «безусумнительные», что приводило Василия Никитича «в великой страх». Также по словам Татищева как раз по «проискам Волынского» и был учрежден над ним суд, в состав которого входили «некоторые приятели» кабинет-министра, что не могло способствовать тому, чтобы судебное решение было справедливым⁵⁶⁷. Учитывая вспыльчивый и непостоянный характер Волынского, впоследствии быстрого дистанцировавшегося от своего патрона Бирона, слова Татищева вполне могли быть правдивы.

Однако в 1744 г. в своих письмах князю И.А. Черкасову Василий Никитич уже пишет, что именно Бирон «ища себе надлежащей власти и силы» решил, что Татищев мешает ему в похищении доходов от сибирских заводов и искал разные способы его устранить⁵⁶⁸. Принимая во внимание тот факт, что Волынский определенное время был протее Бирона, вполне возможно, что герцог Курляндский и министр в какой-то момент могли объединить свои силы против начальника Оренбургской комиссии.

Стоит отметить, что фигура Тевкелева на Юго-Востоке также перестала устраивать центральные власти – его методы управления казались в Петербурге слишком жесткими и негибкими. Также, как и Татищев, Тевкелев был отозван в столицу в 1739 г.⁵⁶⁹.

Итак, обобщая все вышесказанное, можно прийти к следующим выводам. В 1737-1739 гг. роль Кабинета в Юго-Восточном регионе приобретает более весомый характер. Механизм работы «Кабинет-Сенат» окончательно складывается в пользу Кабинета как руководящего звена в системе центральных властей Российской империи. Подавляющее большинство документов по назначению руководящих лиц, финансовой поддержке, ходу подавления башкирских восстаний, секретным дипломатическим распоряжениям исходит именно из Кабинета. Если в первой половине 1730-х гг. Кабинет занимался

⁵⁶⁷ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107. Л. 52-53.

⁵⁶⁸ Пекарский П.П. Новые известия о Татищеве. С. 42.

⁵⁶⁹ Арапов Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутулу-Мухаммед Тевкелев. С. 35.

координацией наиболее серьезных вопросов, а с второстепенными задачами вполне справлялся Сенат, то с 1737 г. учащаются случаи, когда Сенат отправляет основные бумаги на резолюцию министрам. Имеет место быть и обратная ситуация, когда Кабинет спрашивал совета у Сената, но даже в таких моментах решающее слово все же оставалось за кабинет-министрами.

Башкирское восстание 1735-1736 гг. не могло пройти бесследно для политики на Юго-Востоке. Правительство понимало, что за годы борьбы с башкирами местное население, в том числе и русское, истощено экономически, а потому нуждается в особом подходе. Нельзя забывать и то, что регион являлся многонациональным, а потому возможные противоречия между русским населением и народами Юго-Восточной окраины могли представлять серьезную угрозу для Российской империи.

1737 – начало 1739 гг. связаны с личностью В.Н. Татищева в качестве руководителя Оренбургской экспедиции (комиссии). Оказавшись на такой непростой должности, Татищев со свойственной ему энергичностью стремился объять многое – пытался урегулировать отчетность, находившуюся в запустении при Кирилове, собирался перенести Оренбург на другое место, предпринимал меры по подавлению башкирских восстаний, строил новые крепости, курировал вопросы дипломатии. Удаленность Юго-Восточной окраины от центра в ряде случаев способствовали тому, что Василий Никитич был вынужден действовать самостоятельно. Очевидно, что подобная инициатива могла быть выгодна министрам, поскольку снимала ответственность с центральных властей за принятие сложных решений. По резолюциям кабинет-министров на рапорты Татищева заметно, что они относились с вниманием к инициативам Василия Никитича, ценили его точку зрения и готовы были обеспечить ему материальную поддержку. Однако, в конце концов, в 1739 г. из-за придворных интриг Василий Никитич все же оказался под следствием, а его дело на посту руководителя Оренбургской комиссии было продолжено В.А. Урусовым.

В целом можно сказать, что стратегия Кабинета министров на Юго-Востоке при В.Н. Татищеве приобрела более обдуманый и осторожный характер.

Принимая к сведению предыдущие ошибки, обернувшиеся кровопролитным башкирским восстанием 1735-1736 гг., министры видели главную цель в мирном сосуществовании русского населения с местными народами и постепенном продвижении российского влияния далее на Юго-Восток.

3.4. Кабинет министров и события в Юго-Восточном регионе в 1739-1741 гг.: завершение башкирских восстаний

Серьезным эпизодом в деятельности Оренбургской комиссии стало финальное башкирское восстание 1739-1740 гг., которое было подавлено совместными силами ее руководителей – В.А. Урусовым и Л.Я. Соймоновым.

В качестве начальника комиссии советник Адмиралтейской коллегии Урусов был назначен именованным указом 17 июня 1739 г., одновременно произведенный в генерал-поручики⁵⁷⁰. Ему в помощь было определено направить двух советников вместо полковника Тевкелева и разделить на жалованье в зависимости от их рангов ту сумму, что получал Тевкелев⁵⁷¹. Вероятно, власти опасались излишнего влияния фигуры Тевкелева на политику местной администрации в Юго-Восточном крае и потому предпочли заменить его двумя помощниками.

Целесообразность назначения самого Урусова на пост руководителя комиссии являлась неоднозначной – будучи профессиональным военным моряком, Урусов не мог иметь полного и объективного представления о «сухопутно-степных хитросплетениях», происходивших на Юго-Востоке. Однако служба на флоте под началом Петра I способствовала выработке таких качеств в Василии Алексеевиче, как решимость и беспрекословная исполнительность, что не могло не отметить российской правительстве при выборе кандидатуры

---

⁵⁷⁰ СИРИО. Т. 126. С. 564-565.

⁵⁷¹ Смирнов Ю.Н. Сборник экстрактов именных указов 1734-1741 гг. (в комплексе материалов Оренбургской комиссии – источников по истории отношений России с народами Средней Азии). С. 26.

следующего руководителя Оренбургской комиссии⁵⁷². Более того, сам факт того, что Урусов был совершенно далек от проблем комиссии и не знал о связанных с ней ошибках и сложностях, способствовал тому, что новый начальник не стремился уклониться от назначения на должность в крае с такой непростой обстановкой⁵⁷³.

Итак, 26 июня 1739 г. на прошение Урусова кабинет-министрами была подписана резолюция о выдаче денег новому руководителю в зачет жалованья, с определения его в генерал-лейтенанты по январь 1740 г. поскольку Василий Иванович, по его словам, «не имел ни экипажа, ни лошадей, ни прочего», чтобы приступить к новым обязанностям⁵⁷⁴. По просьбе генерал-лейтенанта было увеличено финансирование и для всей Оренбургской комиссии – на будущий 1740 г. по приказу конторы Сената было велено отпустить дополнительно еще 2 тысячи рублей на нужды учреждения⁵⁷⁵.

Для нового начальника 20 августа 1739 г. также была разработана особая правительственная инструкция, основу которой составили предложения Татищева в январе 1739 г. В частности, она подтверждала перенос Оренбурга к Красной горе и именование упраздненного города Орской крепостью; содержала указания по строительству крепостей от Красной горы вверх по Яику до Верхояицкой пристани и от нее вниз по рекам Ую и Тоболу до Царева городища; по переводу полков Закамской ландмилиции на Самарскую и Оренбургскую линию, развитию торговли в Оренбурге⁵⁷⁶. Новый командир Оренбургской комиссии также обязан был стремиться к укреплению дипломатических отношений со Средним казахским жузом. Так как еще Татищеву удалось склонить правителей Средней орды к возможности принятия российского подданства, Урусов должен был

---

⁵⁷² Насыров К.З., Аминов Р.Р. «Вся упомянутая комиссия полагается на вашу верность и искусство...». Главный командир Оренбургской комиссии адмирал В.А. Урусов // Военно-исторический журнал. 2022. С. 36-37.

⁵⁷³ Сафонов Д.И. Начало Оренбургской истории. Создание Оренбургской губернии в середине XVIII в. С. 57.

⁵⁷⁴ СИРИО. Т. 126. С. 590-591.

⁵⁷⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134. Л. 1245.

⁵⁷⁶ ПСЗ-I. Т. 10. № 7876. С. 867-871.

завершить его дело – принять у себя казахских ханов и добиться их окончательной присяги российской императрице⁵⁷⁷.

Инструкция включала в себя и поправки, в которых министры видели необходимость. К примеру, Черкасский и Волынский согласились с точкой зрения Остермана о непереводе в Оренбург купечества до окончательной постройки города на новом месте, а также о преждевременности определения в Башкирии полковников и есаулов, ограничившись только выбором и предоставлением кандидатов на должности⁵⁷⁸. Притом выбор кандидатов для апробации следовало прислать в Кабинет и ожидать указа от министров, а до этого момента никого не назначать⁵⁷⁹. Таким образом, можно выявить, что позиция Кабинета сохраняла осторожный характер в связи с возможной угрозой новых башкирских выступлений. Вместе с тем судя по приказам, исходящим от Кабинета Урусову, можно отметить, что центральные власти видели в новом начальнике Оренбургской комиссии скорее исполнителя замыслов Татищева, подкорректированных министрами, а не самостоятельную фигуру.

Тем не менее, учитывая нестабильность обстановки на Юго-Востоке, а также склонность местных народов к «беспокойству и непостоянству» центральные власти в определенных случаях оставляли возможность для Урусова «действовать и по своему рассуждению»⁵⁸⁰.

И действительно, не успел еще новый начальник прибыть в Самару, как получил сообщение о том, что в июле 1739 г. казахи Малой орды ограбили два каравана – один около Перволоцкой крепости, а второй между Оренбургом и Озерной крепостью⁵⁸¹. Очевидно, что на этой ситуации отразился тот факт, что в течение достаточно большого промежутка времени (с января после отъезда

---

⁵⁷⁷ ПСЗ-I. Т. 10. № 7877. С. 871.

⁵⁷⁸ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). С. 589.

⁵⁷⁹ ПСЗ-I. Т. 10. № 7876. С. 869-871.

⁵⁸⁰ Там же. С. 871.

⁵⁸¹ Добросмыслов А.И. Тургайское управление. Исторический очерк. Т. 1. С. 32-33.

Татищева по август, когда Урусов прибыл в Самару) Оренбургская комиссия оставалась без единого руководства⁵⁸².

По указу Кабинета новому командиру Оренбургской комиссии предстояло вернуть захваченные товары через верных казахов. Кроме того, в дальнейшем, чтобы подобная ситуация не повторилась, для усиления контроля при караване Василию Алексеевичу нужно было «выбрать из первостатейных купцов Казанской губернии двух человек за выбором из купечества и быть им при том караване главными». В целях обеспечения безопасности русских караванов при них должны были находиться казахи, на которых можно было положиться⁵⁸³. Также, если киргиз-кайсаки, которые участвовали в разграблении каравана, в последующем снова оказались бы в Оренбурге, Урусов должен был их найти и подвергнуть наказанию⁵⁸⁴.

Приехав в Самару 17 августа 1739 г., где располагался штаб комиссии, в своем сообщении Сенату Василий Алексеевич сразу обратил внимание, что одни крепости Самарской линии еще не достроены, а другие совсем не заселены⁵⁸⁵.

В этой связи Урусов задумал заселить линию яицкими казаками и уфимскими мещеряками, о чем сообщил в Кабинет. Вместе с тем он выступил с просьбой обеспечения своих действий официальной правительственной поддержкой – попросил, чтобы в Малой России, а также в Казанской и в Сибирской губерниях о разрешении таких поселений было подтверждено особыми указами из Кабинета⁵⁸⁶.

Задача заселения Самарской линии получила свое развитие в дальнейшей работе Кабинета и Сената. Так, в своем донесении в Кабинет Урусов отметил, что поскольку среди ссыльных, присылаемых в Оренбург, присутствует немалая часть престарелых поселенцев, которые негодны к работе, не лучше ли отправлять осужденных в ссылку в Оренбург только годных к нерегулярной

---

⁵⁸² Амантаев И.Ф. Башкирское восстание 1739-1740 гг. С. 93.

⁵⁸³ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 2-6.

⁵⁸⁴ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. Д. 6. Л 37-37 об.

⁵⁸⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 17. Д. 134. Л. 1210.

⁵⁸⁶ СИРИО. Т. 130. С. 218.

службе и земледельческим работам. На это сообщение в мае 1740 г. была наложена резолюция министров об исполнении предложения руководителя комиссии⁵⁸⁷. Немного позднее также последовало заключение Кабинета на сообщение Сената о разрешении отпускать на поселение в Оренбургских крепостях «из казаков до четвертой доли из одной сотни, а из мужиков до четвертой доли из одного села»⁵⁸⁸.

Кроме того, вопрос о финансировании комиссии по-прежнему являлся одним из самых важных для ее функционирования. Важно отметить, что само решение о необходимости финансирования первоначально исходило из Кабинета, а его исполнение обычно возлагалось на Сенат.

К примеру, в указе Кабинета от 26 августа 1739 г. говорилось о содержании уфимского и оренбургского полков, которые были определены дополнительно. Вопрос о том, где взять жалованье на полки, должен был решать Сенат. Также министры велели Урусову договориться с казанским губернатором о том, чтобы четко выявить с каких ближайших волостей нужно привозить провиант натурой в Самару, а с которых стоит выплатить деньгами⁵⁸⁹.

Тем не менее в июне 1740 г. в Кабинет поступило донесение Василия Алексеевича о крайней нужде в денежных средствах, когда даже посылаемым курьерам в дачу на прогоны денег не хватало, несмотря на то, что еще в январе этого года на потребности комиссии центральными властями было приказано выделить 75530 рублей, в том числе из Казанской губернии 35157 рублей. Однако вся эта сумма Урусову так и не поступила. Поэтому Кабинет велел Сенату отправить в необходимые места, а особенно в Казанскую губернию указания о том, чтобы деньги были отправлены, как можно быстрее⁵⁹⁰.

---

⁵⁸⁷ ПСЗ-1. Т.11. № 8093. С. 105-106.

⁵⁸⁸ ПСЗ-1. Т.11. № 8111. С. 117-118.

⁵⁸⁹ ОГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 4-6.

⁵⁹⁰ СИРИО. Т. 146. С. 301-304.

В январе 1741 г. по присланному в Кабинет требованию генерал-лейтенанта Сенат приказал отправить еще 52844 рублей на нужды комиссии⁵⁹¹. Также яицким казакам, командированным к Оренбургу для разъездов и посылок, по сенатскому указу было велено повысить подъемное жалованье в августе 1741 г.⁵⁹².

Тем временем Урусову приходилось вникать в специфику возложенных на него задач. Одной из них стала порученная ему калмыцкая комиссия, основной целью которой была поимка Бая на Яике – последнего сторонника Галдан Норбы. По приказу кабинет-министров князь Урусов должен был помирить Бая с ханом Дондук Омбой, обнадежив его в том, что Дондук Омбо не причинит неприятностей калмыцкому владельцу⁵⁹³.

Необходимо подчеркнуть, что калмыцкий вопрос в целом по-прежнему укладывался в сферу интересов Кабинета – сохранение лояльности калмыцкого хана российским властям являлось одной из важнейших задач на Юго-Востоке европейской России. Очередным шагом на пути к осуществлению этой стратегии стали сообщения Кабинета в Сенат о разрешении Дондук Даши (двоюродному брату калмыцкого хана Дондук Омбы) поселиться на Закамской линии в Красноярской крепости – в отдалении от действующего на тот момент калмыцкого хана. Притом вопрос о назначении жалованья Дондук Даши поручался Сенату, а также полковнику Змееву, который должен был смотреть за калмыцким владельцем. Очевидно, что Кабинет таким образом стремился сохранить запасного претендента на калмыцкий престол⁵⁹⁴.

Исследователь Ю.Н. Смирнов подчеркивает, что основным местом обитания некрещеных калмыков в Заволжье являлись территории южнее р. Самары и западнее р. Яика. И в отношении этой группы кочевников власти не только препятствовали их перекочевкам вне указанных границ, но и принимали

⁵⁹¹ Сенатский архив. Т. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената: (некоторые журналы и определения Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг.). С. 519-520.

⁵⁹² Сенатский архив. Т. 4. Журналы и определения Правительствующего сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. С. 277.

⁵⁹³ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4. Л. 12-13.

⁵⁹⁴ ПСЗ-I. Т. 10. № 7774. С. 744-745; № 7868. С. 827-828.

меры, чтобы пресечь их контакты как с единоплеменниками – крещеными калмыками, так и с близкими им по языку и вере джунгарами⁵⁹⁵. В подтверждение этой линии поведения говорит контроль руководства комиссии над корреспонденцией джунгарских посланцев к волжским калмыкам⁵⁹⁶.

Стоит отметить, что реализации комплекса запланированных задач, возложенных Кабинетом на местные власти, воспрепятствовало восстание Карасакала 1739-1740 гг. Само отсутствие Татищева, который по большей части отличался «миротворческими» стремлениями, отчасти привело к дестабилизации обстановки в Башкирии. Следует учитывать и тот факт, что комиссия более чем на полгода была лишена единого руководства, что внесло некоторую дезорганизацию в систему управления на Юго-Востоке европейской России в целом⁵⁹⁷.

Поводом к появлению новых выступлений среди башкир послужило решение центральных властей о переписи населения Башкирии в январе 1739 г. Приезд переписчиков в башкирские земли вызвал взрыв возмущения жителей, опасавшихся обложения их подушной податью⁵⁹⁸.

Интересно, что реакция Кабинета на эти события последовала только 5 мая 1739 г., когда министры приказали Соймонову отложить перепись на время или вообще прекратить⁵⁹⁹. Однако это решение, принятое без должной огласки, не возымело положительного результата. Более всего башкирские вотчинники опасались, что лишатся вотчинного права владения землей и будут переписаны в подушный оклад⁶⁰⁰.

В Кабинет все также поступали сведения об увеличении башкирских выступлений. Тогда в июне того же года министры потребовали от Соймонова найти и наказать главных зачинщиков восстания. Важно отметить, что Кабинет и

---

⁵⁹⁵ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 140.

⁵⁹⁶ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. Л.80об.-81.

⁵⁹⁷ Петрухинцев Н.Н. Интриги 1730-ых годов и «дело» А.П. Волынского. С. 34-35.

⁵⁹⁸ История башкирского народа: в 7 т. Уфа, 2011. Т. 3. С. 221-222.

⁵⁹⁹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 614-616.

⁶⁰⁰ Свистунов В.М. Восстание Карасакала 1740 г. (по документам Г.Ф. Миллера) // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 89. С. 153.

дальше сохранял осторожную линию поведения и оставался несколько в стороне от решения этой задачи, предоставляя Леонтию Яковлевичу возможность в деле «искоренения воров» поступать по собственному усмотрению⁶⁰¹.

Восстание 1739-1740 гг. примечательно тем, что его возглавлял Карасакал – человек незаурядный, сумевший благодаря своей смелости и харизме привлечь на свою сторону большое количество башкир. Так, князь Урусов в марте 1740 г. писал в Кабинет о появлении в 1739 г. турецкого шпиона, подстрекавшего башкир на новые выступления⁶⁰². Чуть позже, в апреле того же года Соймонов сообщал министрам, что этот турецкий шпион по прозвищу Карасакал (Черная Борода) идет по Сибирской дороге, имея намерение поднять башкир на восстание⁶⁰³. Мятежник сообщал, что будто бы его знает сам турецкий султан, который воюет с Россией; и что по одному его слову турецкое войско скоро придет под Астрахань и тогда можно будет думать о восстановлении Казанского и Астраханского ханств⁶⁰⁴.

В ответ на эти тревожные новости министры потребовали от Урусова и Соймонова поймать Карасакала и не допустить дальнейшего расширения восстания. К тому же, чтобы остальные башкиры не присоединились к отрядам повстанца, командиру Оренбургской комиссии следовало повсеместно оповестить о заключенном мире России с Османской империей⁶⁰⁵.

Урусов довольно своевременно – в мае 1739 г. выступил в военный поход и уже в дороге получив следующий указ Кабинета о необходимости подавления восстания⁶⁰⁶.

Ситуация осложнилась тем, что весной того же года в разворачивающемся конфликте оказались замешаны казахи. Первоначально в Кабинете были получены известия о том, что башкиры осуществили набег на Киргиз-кайсацкую

---

⁶⁰¹ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 621-622.

⁶⁰² СИРИО. Т. 138. С. 264.

⁶⁰³ СИРИО. Т. 138. С. 297.

⁶⁰⁴ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. Казань, 1897. С. 166.

⁶⁰⁵ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. С. 25-26.

⁶⁰⁶ Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750 гг.). С. 45.

орду, что могло бы осложнить отношения российского правительства с казахскими ханами. Вследствие этих событий министры приказали Соймонову препятствовать вооруженным башкирским походам на территории Киргиз-кайсацких орд⁶⁰⁷.

Однако ввиду непростых взаимоотношений между местными народами события неожиданно развернулись прямо противоположным образом – в Санкт-Петербург поступила информация, что теперь казахи уже действовали сообща с башкирами в набегах на русские поселения. Судя по сообщениям Соймонова в Кабинет о ходе башкирского восстания, в мае-июне 1739 г. к башкирам присоединились казахи из Малой Орды Абулхаира⁶⁰⁸. В сентябре 1739 г. Леонтий Яковлевич доносил министрам о переговорах башкир с казахами Среднего жуза относительно совместных действий против русских войск⁶⁰⁹.

В том же году в Кабинет поступили тревожные сведения и от Урусова о возможном намерении казахов идти на Кубань, что могло негативно сказаться на ходе войны с Турцией⁶¹⁰.

Более того, осенью 1739 г. в Санкт-Петербурге стало известно «о противном киргиз-кайсаков намерении» уже на южных территориях от астраханского бригадира Юнгера и царицынского полковника Кольцова. И поскольку еще в 1737 г. кабинет-министрами был послан указ Татищеву о предотвращении нападений казахов на русские и калмыцкие поселения, также и Урусову было приказано придерживаться той же стратегии – всеми силами препятствовать казахским набегам на Юго-Востоке России⁶¹¹.

Весной следующего 1740 г. в Кабинет поступили очередные сведения от астраханского бригадира Юнгера о нападении перешедших Яик кайсаков Абулхаира на калмыков и русских. Поскольку ситуация становилась все более критической, Урусову «как главному в тех местах командиру» было поручено

---

⁶⁰⁷ ПСЗ-I. Т. 10. № 7782. С. 749.

⁶⁰⁸ Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 6. С. 622-627.

⁶⁰⁹ Там же. С. 632-633.

⁶¹⁰ РГАДА. Ф. 177. Оп. 1. Д. 106. Л. 1.

⁶¹¹ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.-6 об.

вести переговоры с Абулхаиром о возвращении пленных, а также связаться с царицынским комендантом Кольцовым о предотвращении возможного перехода казахов через Волгу⁶¹².

Ввиду всех вышеизложенных обстоятельств в августе 1740 г. в Оренбурге состоялась встреча князя Урусова со старшими сыновьями хана Абулхаира – Нурали и Ирали. Как известно, начальник Оренбургской комиссии обсуждал с султанами Малой орды актуальные задачи по предотвращению нападений казахов на караваны, об освобождении из плена русских подданных, прекращении казахских набегов на волжских калмыков⁶¹³. На этом же совещании состоялась и присяга старшин Малого жуза. По сведениям самого руководителя комиссии в 1740 г. кроме самих султанов дали присягу 180 человек, в числе которых были рядовые казахи⁶¹⁴. Необходимо отметить, что власть хана в казахских жузах была слабой; авторитет правителя зачастую зависел от его личного авторитета и способностей. Российские власти не могли не знать об этом, а потому поощряли практику присяги на верность не только ханами, но и наиболее влиятельными представителями казахских жузов⁶¹⁵.

Требования Урусова сыновья Абулхаира дали обещание исполнить, однако ни одного из них в дальнейшем не выполнили. Вероятно, процесс налаживания коммуникации местного руководства с представителями Малой орды осложнило то, что немного позже Урусовым были торжественно приняты хан Средней орды Абулмагмет и султан Аблай. Эти переговоры оказались успешны – хан и султан, а также 128 представителей Среднего жуза приняли присягу. Однако сыновья Абулхаира поссорились с ханами Средней орды и, не попрощавшись с Урусовым, уехали. Этот факт подчеркивает, насколько сложен был процесс взаимодействия

---

⁶¹² ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 13-14.

⁶¹³ Добросмыслов А.И. Тургайское управление. Исторический очерк. Т. 1. С. 34.

⁶¹⁴ Цит. по: Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX в. С. 119.

⁶¹⁵ Шевченко С.В. Внешнеполитическое положение Среднего казахского жуза и развитие русско-казахских отношений в 30-70-е годы XVIII века // Вестник Омского университета. № 1. 2001. С. 50.

местных российских властей с казахами, поскольку представители одного народа не могли прийти к согласованным действиям⁶¹⁶.

Как известно, казахские султаны не были прочно связаны между собой единством политических интересов, в силу чего обнаруживались их враждебные действия как против России, так и в отношениях друг с другом⁶¹⁷.

К примеру, весьма неоднозначно киргиз-кайсаки повели себя, когда Карасакал был разбит русскими войсками и скрылся на территории Младшего жуза. Когда от отряда Павлуцкого, преследовавшего войска повстанца, к Абулхаиру был послан гонец с требованием выдачи Карасакала и его сообщников, представители хана ответили, что не могут выдать руководителя восстания, находившегося под покровительством казахского народа, несмотря на то, что, принимая русское подданство, обещали выдавать беглецов властям⁶¹⁸. Вполне возможно, что ханы Среднего казахского жуза изначально заключили договор с башкирами о совместных действиях против русских войск⁶¹⁹.

В июле 1740 г. и в Кабинет, и в Сенат были посланы донесения Урусова о разгроме Карасакала. Необходимо обратить внимание, что при получении этих важных сведений кабинеты-министры объявили Сенату, что до того времени, пока на присланное в Кабинет сообщение не будет наложена резолюция министров, сенаторы подождали бы с собственным решением⁶²⁰. Этот факт, скорее всего, имеет отношение к тому, что в начале 1740 г. Карасакал был провозглашен ханом Башкирии под именем Султан-Гирея, в связи с чем башкирское выступление приобрело новое качество⁶²¹. Накаленная обстановка создавала угрозу отказа башкир от российского подданства, что не могло не осознавать правительство. Поэтому вопрос о подавлении восстания стал делом

---

⁶¹⁶ Добросмыслов А.И. Тургайское управление. Исторический очерк. Т. 1. С. 35-36.

⁶¹⁷ Аполлова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века. С. 234.

⁶¹⁸ Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. С. 170-171.

⁶¹⁹ Амантаев И.Ф. Башкирское восстание 1739-1740 гг. С. 116.

⁶²⁰ Сенатский архив. Т. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената: (некоторые журналы и определения Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг.). С. 40-41.

⁶²¹ История башкирского народа: в 7 т. Т. 3. С. 223.

первостепенной важности, контроль над решением которого принадлежал именно Кабинету.

В прекращении бунта Карасакала принимал деятельное участие и Соймонов, которому по указу Кабинета в это время следовало ехать в Казань, чтобы принять полномочия вице-губернатора. Но опасаясь возможного ухудшения обстановки, в мае 1740 г. Леонтий Яковлевич потребовал от Кабинета распоряжения о своем «вступлении в воровские башкирские жилища», чтобы не допустить разрастания выступлений⁶²². Ввиду осложнения обстановки министры пошли навстречу Соймонову. Ему было приказано оставаться в Башкирии до полного прекращения восстания⁶²³.

Важно акцентировать, что при подавлении бунта в августе 1740 г. из Сената в Кабинет было отправлено предложение о том, чтобы тех башкир, которые пришли с повинной, можно помиловать и «брать в аманаты лучших людей». Однако позиция Кабинета по этому вопросу была более жесткой. Министры приказали Урусову и Соймонову «всех воров, не ожидая их повиновения, искоренить по прежним указам»⁶²⁴. Также руководителю Оренбургской комиссии следовало не терять бдительность, чтобы не допустить подобного возмущения в будущем. По приказу Кабинета союзники предводителя восстания должны были быть уничтожены. Более того, возможную информацию о новых попытках Карасакала начать восстание нужно было немедленно сообщить в Кабинет⁶²⁵.

В соответствии с указаниями Кабинета, Василий Алексеевич и Леонтий Яковлевич действовали жестко и решительно. Таким образом, уже к августу башкирское восстание было практически подавлено⁶²⁶. В сентябре в Сенат поступили последние сведения о побеге Карасакала за Уральские горы и разгроме остатков башкир отрядами Павлуцкого⁶²⁷.

⁶²² СИРИО. Т. 138. С. 489.

⁶²³ СИРИО. Т. 146. 216-217.

⁶²⁴ Сенатский архив. Т. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената: (некоторые журналы и определения Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг.). С. 42.

⁶²⁵ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 34-36.

⁶²⁶ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). С. 591.

⁶²⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп.1. Д. 160. Л. 2.

А уже в октябре 1740 г. от Урусова в Кабинет пришел итоговый подробный отчет о том, сколько виновных башкир было казнено и сослано по окончании мятежа. Василий Алексеевич уверял министров, что в Башкирии теперь наконец-то все спокойно и никаких выступлений не наблюдается⁶²⁸.

Тем не менее Кабинет по-прежнему опасался возобновления башкирских выступлений. Когда в январе 1741 г. Сенат сообщил Кабинету о необходимости возвращения из Оренбургской комиссии 613 человек в связи с волнениями среди калмыков, Кабинет потребовал найти другой способ пополнения людских ресурсов, поскольку башкирская угроза могла бы возникнуть снова⁶²⁹.

В целом, несмотря на жесткие действия при подавлении восстания, Кабинет по-прежнему ориентировался на мирное существование башкир в составе Российской империи в будущем. Эта идея прослеживается в «Представлении о нуждах государства Анне Леопольдовне в 1740 г.» Остермана, по мнению которого в различных местах Башкирии следовало построить небольшие крепости, чтобы разделить башкир и таким способом удерживать их в повиновении⁶³⁰.

В пользу этой стратегии говорит указ от 31 мая 1740 г., когда в ответ на сообщение Урусова о просьбе башкир Сибирской дороги размежевать их земли с территориями, на которых построены русские крепости, министры дали согласие о размежевании, а также приказали сделать по тому размежеванию обстоятельные карты⁶³¹.

По подавлении мятежа командир Оренбургской комиссии наконец занялся вопросом, который был возложен на него изначально – устройством стратегической линии от Оренбурга (современного Орска) до Верхнеяицкой крепости; а отсюда через Исетскую провинцию до Челябинска и от Верхнеяицкой

---

⁶²⁸ СИРИО. Т. 146. С. 537-538.

⁶²⁹ Филиппов А.Н. История Правительствующего Сената за 200 лет. С. 546-547.

⁶³⁰ Представление графа Остермана о нуждах государства Анне Леопольдовне в 1740 г. С. 263.

⁶³¹ ОГАОО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 7. Л. 31-31 об.

пристани до Уйской крепости. Более того, Ольшанская (Елшанка) и Тевкелев брод были перенесены Урусовым на новые территории⁶³².

К сожалению, Урусов не успел исполнить многое из того, что от него ожидали центральные власти. Не реализованным остался первый пункт правительственной программы о переносе Оренбурга на новое место. 6 августа 1740 г. командиром Оренбургской комиссии было объявлено об основании крепости в урочище Красная гора, однако дело ограничилось лишь символической закладкой города⁶³³.

Однако именно Василию Алексеевичу удалось частично реализовать «казахскую программу», намечавшуюся Татищевым еще на 1739 г. – он организовал новую присягу султанов и казахских старшин Младшего и Среднего жузов. Не осуществленным остался лишь план присяги Старшего жуза в связи с гибелью хана. И хотя так называемое казахское «подданство», как и раньше, было формой довольно ограниченного вассалитета, все же со стороны властей был сделан очередной шаг к упрочению русско-казахских отношений⁶³⁴. В целом можно сказать, что благодаря содействию руководства Оренбургской комиссии в 1740 г. к России была присоединена значительная часть северо-восточных районов Среднего жуза⁶³⁵.

Правительство со своей стороны было заинтересовано в финансовой поддержке мероприятий по присяге казахов. Об этом свидетельствует указ Сената от 11 февраля 1741 г. о том, чтобы сверх положенного жалованья с начала 1741 г. Урусову теперь полагалось давать деньги на «трактирование и подарки случающихся кайсацких посланцев» до 1 тысячи рублей⁶³⁶.

Руководство Урусовым Оренбургской комиссией продолжалось недолго – в конце 1740 г. Василий Алексеевич заболел цингой, и вскоре умер в июле 1741 г.

⁶³² Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. С. 175.

⁶³³ Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. С. 147-148.

⁶³⁴ Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740). С. 592-593.

⁶³⁵ Аполлова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX в. С. 122.

⁶³⁶ Сенатский архив. Т. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената: (некоторые журналы и определения Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг.). С. 627-628.

Узнав о смерти Урусова, Кабинет принял решение передать дела комиссии Соймонову, уже имевшему опыт борьбы с башкирскими выступлениями, что могло бы пригодиться в будущем⁶³⁷.

В целом на протяжении всей деятельности Урусов своей нацеленностью на практические дела напоминал Татищева, хотя отличался меньшей самостоятельностью при разработке стратегических вопросов и большей исполнительностью в решении задач, возложенных на него центральными властями⁶³⁸. Очевидно, после ситуации с Татищевым Кабинету было выгодно иметь на должности командира Оренбургской комиссии более послушную фигуру, не вызывавшую противоречий и возможного недовольства со стороны центральных и местных властей.

Таким образом, линия поведения Кабинета министров на Юго-Востоке в 1739-1741 гг. в основном ориентировалась на программу Татищева, изложенную в январе 1739 г. Этот момент достаточно точно характеризует личность Остермана, которому было свойственно скорее выбрать предложенный вариант реформ, чем разработать свой. Кроме того, опасаясь новых возможных национальных противоречий, министры рекомендовали местным властям действовать максимально обдуманно. Вероятно, на этой линии поведения центральных властей также отразился «почерк» Остермана – человека предусмотрительного, предпочитавшего не делать резких действий, а медленно идти к своим целям.

Вместе с тем стратегия Кабинета по-прежнему была направлена на планомерное расширение орбиты влияния Российской империи на Юго-Востоке, а также по возможности мирное урегулирование отношений с местными народами. Очередным шагом в этом направлении стало добровольное принятие присяги Средним казахским жузом в 1740 г. Стоит акцентировать, что в 1739-1741 гг. Кабинет окончательно приобретает авторитарное давление над Сенатом, что, к примеру, ярко выражено в проявлении несогласия Кабинета с

---

⁶³⁷ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. С. 149.

⁶³⁸ Там же. С. 115.

позицией Сената относительно помилования восставших башкир и следовании собственной линии поведения.

Необходимо подчеркнуть, что именно в период руководства Оренбургской комиссии Урусовым завершилось последнее башкирское восстание 1739-1740 гг. Несмотря на очевидную на первый взгляд тенденцию властей к сохранению осторожной позиции, и указания Кабинета, и действия местного руководства отличала единая жесткая позиция при подавлении этого выступления, поскольку в этот раз в связи с провозглашением Карасакала ханом Башкирии оно угрожало основам российской государственности. Кроме того, именно эта жесткая линия поведения властей способствовала выходу из затяжного кризиса, в котором оказался Юго-Восточный регион.

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1730-1741 гг. центральные власти были заинтересованы в постепенном расширении влияния на Юго-Востоке, что выразилось в строительстве Украинской и Ново-Закамской линий, поддержке деятельности Оренбургской экспедиции (комиссии). Однако столкнувшись с нестабильностью в Юго-Восточном крае, Кабинет к середине 1730-х гг. стал придерживаться тактики лавирования путем усиления контроля над действиями местной администрации, а также отказа от применения крайних мер в целях противодействия дальнейшему разрастанию кризиса на Юго-Востоке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате комплексного исследования политики Кабинета министров 1730–1741 гг. в контексте его взаимодействия с центральными органами власти и местными учреждениями на Юго-Востоке европейской России были сделаны следующие выводы.

Исходя из сравнения изучаемого учреждения и ряда органов высшего управления западноевропейских государств XVI-XVII вв. со сходными полномочиями, можно вывести заключение, что Кабинет 1730-1741 гг. являлся типичным высшим учреждением эпохи российского абсолютизма. Очевидно, что признаки формирующегося модерного государства можно проследить не только среди государств Западной Европы, но и в Российской империи. Стоит согласиться с мнением исследователей, предполагавших, что при абсолютистской форме правления должно было находиться учреждение, исполнявшее вспомогательную роль по отношению к монарху. Такие учреждения обладали рядом характерных черт, нашедших отражение в организации и деятельности Кабинета министров 1730-1741 гг. в России. Среди этих признаков следует назвать сравнительно узкий состав, отсутствие четко прописанных обязанностей, возложенных на участников учреждения, а также постепенную замену аристократического состава участников бюрократическим. Стоит предположить, что подобные учреждения эпохи абсолютизма, к которым следует отнести Кабинет министров, представляли собой инстанции переходного типа от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам современных государств.

Первоначально Кабинет возник в качестве неформального органа власти в 1730 г., появление которого было связано с возрастающим влиянием вице-канцлера А.И. Остермана, в недалеком будущем занявшего место первого кабинет-министра.

Стоит обратить внимание, что практически все члены Кабинета являлись «птенцами гнезда Петрова» – то есть получили возможность карьерного роста

именно благодаря поддержке Петра I. Но главную роль в нем играл Остерман, всеобъемлющему влиянию которого в 1730-1741 гг. пытался противостоять фаворит императрицы Э.И. Бирон при помощи своих протезе – П.И. Ягужинского, А.П. Волынского, А.П. Бестужева-Рюмина. Однако участие этих фигур в Кабинете было настолько кратковременно, что не могло уменьшить влияние Остермана.

Анализ источников и исследований свидетельствует, что в общем правительственная программа Остермана была направлена на постепенное исправление отдельных сторон государственного управления. Начав карьеру в России при Петре I, Андрей Иванович остался последовательным сторонником воплощения и укрепления на практике петровских реформ в 1730-е гг. В качестве практической основы для преодоления возникающих проблем первый кабинет-министр предлагал четкую регламентацию функций государственных учреждений.

Можно сделать вывод, что Кабинет министров обретал особую значимость постепенно в процессе своей практической деятельности. Основная роль Кабинета в первой половине 1730-х гг. носила незаметный характер – можно сказать, что на практике она изначально заключалась в негласном формировании политического курса царствования. В дальнейшем эта роль трансформировалась в обеспечение координации деятельности других государственных учреждений. Необходимо акцентировать, что переломным моментом в работе Кабинета стал указ от 9 июня 1735 г., согласно которому подписи трех кабинет-министров приравнивались к подписи самой императрицы. Именно этот указ смог в полной мере укрепить политический статус Кабинета, когда в его ведении оказались сосредоточены основные рычаги государственного управления не только на практике, но и на официальном уровне.

На протяжении всего существования Кабинета министров его важнейшим вспомогательным органом управления являлся Правительствующий Сенат. Стоит отметить, что взаимоотношения этих двух высших учреждений были достаточно противоречивы. Это связано с тем, что в 1730 г. проводником преобразований

нового царствования был определен Сенат, официально возвращенный к тому положению, которое он занимал при Петре I. Возможно, что в восстановлении значения Сената была заинтересована одна из придворных партий, большую роль в которой играл генерал-прокурор Сената Ягужинский. Явно, что в выдвижении Сената на первый план при реализации июньской серии указов 1730 г. был заинтересован и сам Остерман, принимавший участие в разработке этих указов. Очевидно, что в интересах будущего первого кабинета-министра было осуществить свой план по образованию Кабинета максимально незаметно – ведь, в отличие от серии июньских постановлений 1730 г. на имя Сената, указ об образовании Кабинета носит нечеткий характер. Со временем, когда Остерману удалось установить сотрудничество Бироном и отстранить Ягужинского, политическое значение Сената стало постепенно уменьшаться.

Тем не менее Кабинет министров признавал за Сенатом важную правительственную роль в государственном управлении. Ко второй половине 1730-х гг., когда Кабинет оказался перегружен множеством второстепенных задач, Сенат занял положение незаменимого исполнителя его решений по ряду вопросов. Но роль Сената не ограничивалась только реализацией на практике приказов Кабинета – он также мог выступать с собственным мнением, предложениями законодательной инициативы, которые поступали на рассмотрение Кабинета. Но на правах более авторитетного учреждения Кабинет мог не всегда соглашаться с мнением Сената – решающее заключение все же оставалось за Кабинетом. Можно сказать, что Сенат утратил свой политический вес, но сохранил значение политического инструмента в системе государственных учреждений.

Необходимо обратить внимание на то, что взаимодействие Кабинета и Сената было успешным прежде всего на уровне решения оперативных задач. Но совместная работа по реализации долгосрочных и масштабных проектов, таких как составление нового Уложения законов, разработка окладной книги и новых гражданских штатов, в силу объективных причин весомых успехов не принесла.

В диссертационном исследовании проанализировано, как Кабинету приходилось сотрудничать с центральными отраслевыми учреждениями. По большей части это взаимодействие заключалось в контроле Кабинета над разного рода отчетами (чаще всего финансовыми), которые должны были представить коллегии и другие инстанции. В силу объективных причин – недостаточного уровня квалификации и политической культуры со стороны чиновного состава центрального управления – инстанции не могли справиться с поставленными задачами в конкретные сроки, что находило отражение в критике их деятельности со стороны Кабинета. Однако, несмотря на сопутствующие неудачи, власть Кабинета с годами превратилась в цельную систему, внутренне связанную с целями механизма государственного управления, через который она отправлялась. Ко второй половине 1730-х гг. Кабинет представлял собой авторитетный орган государственного управления, от мнения которого зависели основные направления внутренней и внешней политики.

Стоит отметить, что вышеизложенные сложности часто возникали независимо от желания учреждений следовать намеченным преобразованиям – проблема заключалась в отсутствии порядка в системе государственного управления в целом, порожденном резким переходом от приказной системы московской России к петровским преобразованиям первой четверти XVIII в. Тот факт, что Петр I не успел передать престол подготовленному преемнику, а также постоянная борьба за власть в придворной элите наложили отпечаток некоторой хаотичности на всю систему государственного управления. Таким образом, порядок взаимоотношений Кабинета министров с Сенатом и центральными правительственными учреждениями в 1730-1741 гг. нуждался в существенном реформировании.

Взаимодействие Кабинета министров с местными структурами было проанализировано на примере исследования его роли на Юго-Востоке европейской России 1730-1741 гг. Выявлено, что в линии поведения центральных властей 1730-х гг. в Юго-Восточном регионе можно проследить действия, которые были направлены на прогрессивное развитие государства. Так, с 1730 г.

под контролем центральных властей оказалось строительство Украинской и Новой Закамской линий в целях обеспечения защиты юго-восточных рубежей государства от набегов кочевников. Несмотря на то, что большая часть работ по возведению линий находилась в ведении военной коллегии, Кабинет и Сенат регулировали вопрос спонсирования этих проектов денежными и людскими ресурсами.

Проводником ключевого плана по освоению Юго-Восточной окраины России в 1730-е гг. стал обер-секретарь Сената И.К. Кирилов, разработавший обширный проект по организации Оренбургской экспедиции. Как известно, Кабинет министров проявил внимание к проекту Кирилова и был готов оказывать тому финансовую поддержку на организацию и проведение экспедиции. Однако негибкие действия начальников экспедиции (в частности, самого Кирилова и его помощника А.И. Тевкелева) послужили катализатором серии башкирских выступлений 1735-1740 гг., затронувшей не только самих башкир, но и соседние народности Юго-Восточной окраины: калмыков, казахов (киргиз-кайсаков), каракалпаков. Стоит подчеркнуть, что первое башкирское восстание 1735-1736 гг. могло бы повлечь за собой сворачивание всей деятельности Оренбургской экспедиции, если бы не поддержка Бирона, негласно оказывавшего влияние на общую линию поведения российского правительства и в ряде случаев действовавшего заодно с кабинет-министрами.

Необходимо обратить внимание, что в 1735 г. позиция Кабинета и Сената по подавлению башкирских выступлений изначально была относительно мягкой – центральные власти боялись возможного расширения восстаний и оставляли для повстанцев возможность помилования. Однако, приняв к сведению точку зрения Кирилова и Тевкелева, руководивших действиями по подавлению мятежа, власти выбрали жесткую позицию по отношению к восставшим башкирам. Но, несмотря на вынужденные суровые меры, Кабинет постоянно напоминал Кирилову, что продвижение экспедиции не ставило перед собой задачи репрессий по отношению к местным народам.

Особое внимание в диссертационном исследовании было уделено изучению деятельности Кабинета министров в 1737 – начале 1739 гг. на Юго-Востоке и его взаимоотношениям с руководителем Оренбургской экспедиции (комиссии) В.Н. Татищевым. Следует отметить, что политика Татищева на этой должности носила более гибкий и мягкий характер по отношению к восставшим башкирам в отличие от поведения Кирилова и Тевкелева. Тем не менее и новому начальнику экспедиции пришлось столкнуться с очередным башкирским восстанием, а также неоднозначным поведением со стороны казахских и калмыцких правителей. В такой ситуации Татищеву приходилось лавировать между властями местных народов и в ряде случаев действовать самостоятельно, что объяснялось удаленностью Юго-Восточной окраины от центра и необходимостью действовать оперативно в критических случаях. Выявлено, что инициативность Татищева действительно поощрялась Кабинетом, поскольку таким образом снимала ответственность с министров за принятие сложных решений.

Анализ изученных материалов доказывает, что стратегия Кабинета министров на Юго-Востоке при Татищеве приобрела более обдуманной, но в тоже время уверенной характер. На этой линии поведения отразилась манера самого Остермана – человека предусмотрительного, предпочитавшего не делать резких действий, а медленно идти к своим целям. Кроме того, Остерману было свойственно не выражать открыто свою точку зрения, а при помощи намеков рекомендовать местным властям действовать в определенном направлении.

Учитывая предыдущие ошибки, обернувшиеся башкирским восстанием 1735-1736 гг., агрессией со стороны казахов в 1737-1738 гг., министры продолжали мотивировать руководителей Оренбургской экспедиции (комиссии) на планомерное продвижение России далее на Юго-Восток, что выражалось в хозяйственном освоении башкирских земель, распространении православного исповедания среди калмыков, вхождении в состав России казахских жузов, однако они старались воплощать в жизнь свою линию поведения максимально осмотрительно, чтобы не допустить дальнейшего разрастания кризиса.

В 1739-1741 гг. должность руководителя Оренбургской комиссии была возложена на В.И. Урусова, при котором завершилось последнее башкирское восстание 1739-1740 гг. Стоит подчеркнуть, что указания Кабинета и Сената, а также действия местных властей отличала единая жесткая позиция при подавлении этого восстания, поскольку на этот раз вследствие провозглашения Карасакала ханом Башкирии восстание могло привести к возможной сепарации Башкирии из состава Российской империи. Кроме того, именно эта жесткая линия поведения властей дала возможность Юго-Востоку выйти из затяжного кризиса. Таким образом, на примере деятельности Кабинета министров можно увидеть, что при помощи контроля власть способна оказывать позитивное воздействие на состояние государства.

Необходимо отметить, что новый начальник Оренбургской комиссии отличался большей исполнительностью в области решения возложенных на него задач. Из-за того, что предыдущий руководитель Татищев оказался под следствием из-за придворных интриг, Кабинет на этот раз стремился определить на должность командира Оренбургской комиссии более послушную фигуру, не вызывавшую противоречий и возможного недовольства со стороны центральных и местных инстанций. Однако в целом стратегия Кабинета на Юго-Востоке в 1739-1741 гг. была ориентирована на исполнение программы Татищева, несколько подкорректированной кабинет-министрами. Этот момент также характеризует личность Остермана, которому было свойственно скорее выбрать предложенный вариант реформ, чем разработать свой.

Стоит акцентировать, что на примере взаимодействия Кабинета и Сената с руководством Оренбургской экспедиции (комиссии) раскрывается постепенное изменение положения этих органов власти на местном уровне. В 1734-1736 гг. Кабинет по большей части курировал основную линию поведения экспедиции, его ведению подлежало решение важнейших вопросов по организации мероприятия, в то время как с второстепенными задачами вполне мог справиться Сенат. Однако в 1737-1739 гг. значение Кабинета возрастает. Именно в это время механизм работы «Кабинет-Сенат» окончательно складывается в пользу Кабинета

как руководящего звена в системе центральных властей Российской империи, что не могло не отразиться на практике их взаимодействия с начальством Оренбургской экспедиции. Стоит отметить, что большинство документов по назначению или отстранению руководящих лиц, финансовой поддержке, подавлению башкирских восстаний, секретным дипломатическим указаниям исходило именно от кабинет-министров.

Таким образом, если на центральном уровне управления Кабинет чаще всего был готов переложить ответственность при решении проблем на Сенат, то к задачам на Юго-Востоке его внимание, напротив, возрастало – это было связано с тем, что на более отдаленных территориях Кабинету важно было сохранить свое влияние и статус правящего органа власти. Кроме того, следует упомянуть, что отсутствие стабильности в Юго-Восточном регионе также способствовало повышению внимания к нему со стороны Кабинета.

Итак, можно сделать вывод, что правление Анны Иоанновны явилось значимым этапом в общем контексте эпохи дворцовых переворотов 1725-1762 гг. На основе комплексного изучения деятельности Кабинета министров 1730-х гг., в частности, его взаимодействия с центральными органами власти и местными структурами на Юго-Востоке европейской России можно прийти к заключению, что Российское государство в 1730-х гг. XVIII в. находилось в состоянии переходного этапа от радикальных петровских преобразований к стабильному развитию Российской империи.

Таким образом, деятельность данного учреждения была направлена на планомерное исправление проблем государственного управления на центральном и местном уровне, а также закладывала основы для их решений в последующие десятилетия существования Российского государства. Каких-либо серьезных преобразований в 1730-е гг. все же не произошло, поскольку глава Кабинета – А.И. Остерман – не отличался новаторскими устремлениями, а преследовал цель закрепления петровских преобразований в системе государственного управления и обеспечения плацдарма для стабильного развития Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Неопубликованные источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА)

1. Фонд 11. Переписка разных лиц XVII-XIX вв. – Оп. 1. Д. 510.
2. Фонд 16. Внутреннее управление. – Оп. 1. Д. 3, 104, 156, 159, 160, 185.
3. Фонд 19. Финансы. – Оп. 1. Д. 244.
4. Фонд 177. Кабинет министров, г. Санкт-Петербург. – . Оп. 1. Д. 3, 4, 31, 45, 46, 47, 48, 49, 52, 53, 54, 68, 78, 93, 106, 107. Оп. 2. Д. 5, 13, 19, 31, 32.
5. Фонд 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов). – Оп. 3. Д. 140. Оп. 17. Д. 134, 139, 2085.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

6. Фонд 468. Кабинет Его Императорского Величества. – Оп. 1. Д. 3857, 3859, 3866.
7. Фонд 1329. Именные указы и Высочайшие повеления Сенату. – Оп. 1. Д. 34.

Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО)

8. Фонд 1. Оренбургская экспедиция, г. Уфа Оренбургской губернии 1734-1737 гг. – Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5.
9. Фонд 2. Канцелярия Оренбургской комиссии, г. Самара Оренбургской комиссии 1737-1744 г. – Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 13.

Научный архив Уфимского научного центра Российской академии наук

(НА УНЦ РАН)

10. Фонд 23. Личный фонд Д.С. Волкова (1837-1900). – Оп. 1. Д. 1.

Опубликованные источники

Законодательные документы

11. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Т. 7. 1723-1727: [№ 4137-5219]. — Санкт-Петербург: II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. — 925 с.
12. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Т. 8. 1728-1732: [№ 5220-6293]. — Санкт-Петербург: II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. — 1018 с.
13. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Т. 9. 1733-1736: [№ 6294-7142]. — Санкт-Петербург: II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. — 1025 с.
14. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Т. 10. 1737-1739: [№ 7143-7996]. — Санкт-Петербург: II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. — 997 с.
15. Полное собрание законов Российской империи [Текст]. Т. 11. 1740-1743: [№ 7997-8848]. — Санкт-Петербург: II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830-1851. — 990 с.

Делопроизводственные документы

16. Доклад императрице Елизавете Петровне о восстановлении власти Правительствующего Сената [Текст] // Журнал Министерства народного просвещения. – 1897. – Ч. СССІХ. – С. 275-296.
17. Материалы по истории Башкирской АССР. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. [Текст]: / Авт.-сост. Н.Ф. Демидова; под ред. Н.В. Устюгова. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1936-, 2002. – 766 с.
18. Материалы по истории России: сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края [Текст]: [в 2 т.] / сост. А.И. Добросмыслов. – Оренбург: типо-лит. Ф.Б. Сачкова, 1900, 1900. – 303 с.

19. Сборник Императорского Русского Исторического Общества (далее – СИРИО) [Текст]. Т. 55. Протоколы, журналы и указы Верховного Тайного Совета, 1726-1730 гг. Т. I. (Февраль-Июль 1726 г.). – Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1886. – 536 с.
20. СИРИО [Текст]. Т. 103. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731-1740 гг. Т. 1. (1731–1732 гг.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1897. – 684 с.
21. СИРИО [Текст]. Т. 105. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 2. (1733 г.). – Юрьев: тип. А. Граншеля, 1899. – 716 с.
22. СИРИО [Текст]. Т. 108. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 3. (1734 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1900. – 580 с.
23. СИРИО [Текст]. Т. 113. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. (1735 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1901. – 664 с.
24. СИРИО [Текст]. Т. 114. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 5. (1736 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1902. – 752 с.
25. СИРИО [Текст]. Т. 117. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 6. (1737 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1904. – 850 с.
26. СИРИО [Текст]. Т. 120. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 7. (январь-июнь 1738 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1905. – 584 с.
27. СИРИО [Текст]. Т. 124. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 8. (июль-декабрь 1738 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1906. – 590 с.

28. СИРИО [Текст]. Т. 126. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 9. (январь-июнь 1739 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1907. – 666 с.
29. СИРИО [Текст]. Т. 130. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 10. (июль-декабрь 1739 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1909. – 768 с.
30. СИРИО [Текст]. Т. 138. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 11. (январь-май 1740 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1912. – 664 с.
31. СИРИО [Текст]. Т. 146. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 12. (июнь-октябрь 1740 г.). – Юрьев: тип. К. Матисена, 1915. – 628 с.
32. Сенатский архив [Текст]. Т. 2. Журналы и определения Правительствующего Сената: (некоторые журналы и определения Сената за 1732, 1735, 1737, 1738 и 1739 гг.). – Санкт-Петербург: тип. Правительствующего Сената, 1889. – 647, 70 с.
33. Сенатский архив [Текст]. Т. 3. Журналы и определения Правительствующего Сената за март, апрель и май 1741 г. – Санкт-Петербург: тип. Правительствующего Сената, 1890. – 621, 64 с.
34. Сенатский архив [Текст]. Т. 4. Журналы и определения Правительствующего сената за июнь, июль, август и сентябрь 1741 г. – Санкт-Петербург: тип. Правительствующего Сената, 1891. – 715, 60 с.
35. Сенатский архив [Текст]. Т. 5. 1. Журналы и определения Правительствующего сената со 2 октября по 23 ноября 1741 г. 2. Журнал и протокольная записка Собрания министров и генералитета с 25 ноября по 12 декабря 1741 г. – Санкт-Петербург: тип. Правительствующего Сената, 1892. – 681, 48 с.
36. Смирнов, Ю.Н. Сборник экстрактов именных указов 1734-1741 гг. (в комплексе материалов Оренбургской комиссии – источников по истории отношения России с народами Средней Азии) [Текст] / Ю.Н. Смирнов // Сборник

Русского исторического общества / под ред. Д.Ю. Арапова. – М., 2002. – Т. 5. (153). – С. 11-31.

Депеши иностранных дипломатов

37. Герцог Лирийский. Записки о пребывании при Императорском Российском дворе в звании посла короля Испанского [Текст] // Россия XVIII в. глазами иностранцев. – Ленинград: Лениздат, 1989. – С. 189-260.

38. Дипломатические депеши датского посланника при Русском Дворе, Вестфалена, о воцарении императрицы Анны Иоанновны [Текст] // Русская старина. – Санкт-Петербург: тип. «Надежда», 1909. – Т. 138. – 647 с.

39. Лефорт Ф. Донесения ... Сообщено из дел Саксонского гос. архива в Дрездене [Текст] // СИРИО. Т. 5. – Санкт-Петербург: Тип. Императорской Академии Наук, 1870. – 529 с.

40. Маньян. Донесения [Текст] // СИРИО. Т. 75. — Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1891. — 622 с.

41. Маньян. Донесения [Текст] // СИРИО. Т. 81. — Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1892. — 732 с.

42. Мардефельд Г. Донесения // Со шпагой и факелом. – Москва: Современник, 1991. – 590 с.

43. Рондо К. Донесения [Текст] // СИРИО. Т. 66. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1889. – 706 с.

44. Рондо К. Донесения [Текст] // СИРИО. Т. 75. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1891. – 622 с.

45. Рондо К. Донесения [Текст] // СИРИО. Т. 80. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1892. – 600 с.

46. Рондо К. Донесения [Текст] // СИРИО. Т. 85. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1893. – 562 с.

47. Финч Э. Донесения [Текст] // СИРИО. Т. 91. – Санкт-Петербург: тип. Императорской Академии Наук, 1894. – 554 с.

48. Шаторди Ж-И. Донесения [Текст] // СИРИО. Т. 86. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1893. – 650 с.

Мнения и проекты государственного устройства

49. Записка для памяти А.И. Остермана, об управлении Россией [Текст] // Архив князя Воронцова. – Москва: В университетской типографии (М. Катков), на Страстном бульваре, 1880. – Т. 24. – С. 1-5.

50. Записка об Артемии Волынском [Текст] // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1858. – Кн. 2. – Москва: Университетская типография. – С. 135-170.

51. Представление графа Остермана о нуждах государства Анне Леопольдовне в 1740 г. [Текст] // Памятники новой русской истории. – Санкт-Петербург: тип. Майкова, 1873. – Т. 3. – С. 256-277.

52. Ягужинский П.И. Записка о состоянии России (1726 г.) [Текст] // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1861. Октябрь-декабрь. – Кн. 4. – С. 269-273.

Письма и мемуары

53. Бирон Э.И. Записка [Текст] // Со шпагой и факелом. Дворцовые перевороты в России 1725-1825. – Москва: Современник, 1991. – С. 188-206.

54. Восемь собственноручных писем Анны Иоанновны [Текст] // Оснадцатый век: исторический сборник, издаваемый Петром Бартевым. Кн. 3. – Москва: типография Грачева и комп., 1869. – С. 151-156.

55. Записки князя Якова Петровича Шаховского, писанные им самим [Текст] – Санкт-Петербург: Печатня В.И. Головина. – 364 с.

56. Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елисаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову 1732-1742 гг. [Текст] – Москва: Университетская типография, 1878. – 254 с.

57. Манштейн, К.Г. Записки о России [Текст] / К.Г. Манштейн. – Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1875. – 397 с.

58. Миних, Б.Х. Очерк, дающий представление об образе правления Российской империи [Текст] / Б.Х. Миних // Безвременье и временщики. – Москва: Издательский центр «Терра», 1996. – С. 25-70.

59. Миних, Э. Записки [Текст] / Э. Миних // Безвременье и временщики. – Москва: Издательский центр «Терра», 1996. – С. 81-187.

60. Неизвестный автор. Замечания на «Записки о России генерала Манштейна» [Текст] // Перевороты и войны. – Москва: Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 411-488.

61. Неплюев, И.И. Записки [Текст] / И.И. Неплюев // Империя после Петра 1726-1765. – Москва: Фонд Сергея Дубова, 1998. – С. 385-488.

62. Письма, И.К. Кириллова к Бирону [Текст] / И.К. Письма // Русская Беседа. – № 2. Кн. 20. – Москва: тип. Александра Семена, 1860. – № 2. – 719 с.

63. Разные бумаги генерал-майора Тевкелева об оренбургском крае и о киргиз-кайсацких ордах [Текст] // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. – Москва: Университетская типография, 1852. – Кн. 13. – 481 с.

64. Рондо. Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию [Текст] // Безвременье и временщики. – Москва: Издательский центр "Терра", 1996. – С. 190-253.

65. Служебные и исследовательские материалы российского дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахской степи (1731-1759 гг.) [Текст] // История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Том 3. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.). – Алматы: Дайк-пресс, 2005. – 484 с.

Специальная литература

1. Азнабаев, А.Б. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в. [Текст] / А.Б. Азнабаев. – Уфа: РИНЦ БашГУ, 2005. – 228 с.

2. Азнабаев, А.Б. Башкирское общество в XVII - первой трети XVIII в [Текст] / А.Б. Азнабаев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 370 с.
3. Азнабаев, А.Б. Интеграция Башкирии в административную структуру Российского государства (вторая половина XVI – первая треть XVIII в. [Текст] / А.Б. Азнабаев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. – 228 с.
4. Акишин, М.О. Документы следствия о В.Н. Татищеве 1739-1743 гг. как исторический источник [Текст] / М.О. Акишин // Русь, Россия. Средневековье и Новое время. – 2019. – № 6. – С. 436-440.
5. Акманов, И.Г. Башкирские восстания XVII-XVIII веков – феномен в истории народов Евразии [Текст] / И.Г. Акманов – Уфа: Китап, 2016. – 376 с.
6. Акманов, И.Г. Оренбургская экспедиция и восстание 1735-1736 гг.: неизбежно ли было это массовое движение? / И.Г. Акманов [Текст] // Оренбург. Вчера, сегодня: завтра: исторический и социокультурный опыт: материалы и тезисы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 260-летию г. Оренбурга. – Оренбург, 2003. – С. 55-60.
7. Анисимов, Е.В. Анна Иоанновна [Текст] / Е.В. Анисимов. – Москва: Молодая гвардия, 2002. – 362 с.
8. Анисимов, Е.В. Россия без Петра [Текст] / Е.В. Анисимов. – Санкт-Петербург: Лениздат, 1994. – 496 с.
9. Анисимов, Е.В. Россия в середине XVIII века. Борьба за наследие Петра [Текст] / Е.В. Анисимов. – Москва: Мысль, 1986. – 239 с.
10. Аполлова, Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х годах XVIII века [Текст] / Н.Г. Аполлова. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Каз ССР, 1948. – 253 с.
11. Аполлова, Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII - начале XIX в [Текст] / Н.Г. Аполлова. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. – 456 с.
12. Арапов, Д.Ю. Первый русский генерал-мусульманин Кутлу-Мухаммед Тевкелев [Текст] / Д.Ю. Арапов // СИРИО. – № 5 (153). – С. 8-10.

13. Асфандияров, А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI - первая половина XIX в.) / А.З. Асфандияров [Текст] – Уфа: Китап, 2006. – 504 с.
14. Бабич, М.В. Кабинет Императорского величества в XVIII веке: традиция и перспективы изучения [Текст] / М.В. Бабич // Вестник Челябинского государственного университета. – 1998. – № 1 (1). – С. 35-45.
15. Бабич, М.В. Сенаторы 1730-х гг. в системе государственной власти [Справочное пособие] / М.В. Бабич // Государственные учреждения России XVIII в. Москва: «Эдиториал УРСС», 1999. – 144 с.
16. Белова, Т.А. Кабинет Анны Ивановны в системе государственного управления Россией [Текст] / Т.А. Белова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2014. – № 1 (27). – С. 9-13.
17. Белова, Т.В. Система государственной власти в России в период регентства Анны Леопольдовны [Текст] / Т.В. Белова// Омский научный вестник. – 2014. – № 3. – С. 8-10.
18. Беляев, М.П. Власть и управление в Бранденбурге в первой половине XVII в. [Текст] / М.П. Беляев// Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV-XVII в. – Москва, Калуга : Ин-т всеобщей истории РАН, Калужский гос. ин-т развития образования, 2019. – С. 191-198.
19. Блюш Ф. Людовик XIV [Текст] / Франсуа Блюш; [пер. с фр. Л.Д. Тарасенковой, О. Тарасенкова] – Москва: Научно-издательский центр «Ладомир», 1998. – 815 с.
20. Большакова, О.В. Новая политическая история России: Современная зарубежная историография. Аналитический обзор / О.В. Большакова. – Москва: ИНИОН РАН, 2006. – 98 с.
21. Бондаренко, В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны [Текст] / В.Н. Бондаренко. – Москва: Печ. А. Снегиревой, 1913. – 430 с.

22. Буканова, Р.Г., Игдавлетов, И.С. Башкирия и исламский фактор в юго-восточной политике России в XVII – первой половине XIX века [Текст] / Р.Г. Буканова. – Уфа: Башк. энцикл., 2021. – 184 с.
23. Буканова, Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии [Текст] / Р.Г. Буканова. – Уфа: Китап, 1997. – 256 с.
24. Витевский, В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1. [Текст] / В.Н. Витевский. – Казань: Типо-лит. В.М. Ключникова, 1897. – 712 с.
25. Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. / отв. ред. Т.П. Гусарова. – Москва, 2011. – 600 с.
26. Вульпиус Р. Рождение Российской империи. Концепции и практики политического господства в XVIII веке [Текст] / Рикарда Вульпиус; пер. с нем. М. Богданович. – Москва: Новое литературное обозрение, 2023. – 712 с.
27. Голицын П. Первый век Сената [Текст] / Голицын П. – Санкт-Петербург: тип. В.Д. Смирнова, 1910. – 206 с.
28. Градовский, А.Д. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры [Текст] / А.Д. Градовский // Высшая администрация России восемнадцатого столетия и генерал-прокуроры / Соч. А. Градовского. – Санкт-Петербург: тип. И. Бочкарева, 1866. – 287 с.
29. Двухсотлетие Кабинета Его Императорского Величества 1704-1904 [Текст]. – Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1911. – 794 с.
30. Демидова, Н.Ф. Управление Башкирией и повинности населения Уфимской провинции в первой трети XVIII в. // Исторические записки. – Москва, 1961. – Т. 68. – С. 45-72.
31. Демкин, А.В. Кабинет министров императрицы Анны Иоанновны и управление территориями Российской империи. 1731-1740 гг. [Текст] / А.В. Демкин. – Москва: Институт российской истории Российской академии наук; Центр гуманитарных инициатив, 2021. – 254 с.

32. Джунджузов, С.В. Влияние Русско-турецкой войны 1735–1739 гг. на выстраивание отношений империи с кочевыми народами Южного Урала и Центральной Азии (по материалам Оренбургской экспедиции) [Текст] / С.В. Джунджузов, С.В. Любичанковский // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – № 3 (18). – С. 494-524.
33. Джунджузов, С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккультурации и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII - первая четверть XX века [Текст] / С.В. Джунджузов. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2014. – 434 с.
34. Добросмыслов, А.И. Тургайская область. Исторический очерк: [Текст] / А.И. Добросмыслов. Т. 1. – Тверь: Типо-Литография Н.М. Родионова, 1902. – С. 257-524.
35. Долгоруков, П.В. Граф Андрей Иванович Остерман [Текст] / П.В. Долгоруков. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1841. – 88 с.
36. Дубман, Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство [Текст] / Э.Л. Дубман. – Самара: Самарский университет, 2005. – 196 с.
37. Емелина, М.А. Алексей Петрович Бестужев-Рюмин [Текст] / М.А. Емелина // Вопросы истории. – 2007. – № 7. – С. 29-45.
38. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России [Текст] / Н.П. Ерошкин. – Москва: Высшая Школа, 1983. – 352 с.
39. Зутис, Я.Я. Остзейский вопрос в XVIII в. [Текст] / Я.Я. Зутис. – Рига: Книгоизд-во и тип. № 2, 1946. – 649 с.
40. История башкирского народа: в 7 т. [Текст] / председ. редкол. З.Я. Рахматуллина, гл. ред. М.М. Кульшарипов. – Уфа: Гилем, 2011. – Т. 3. – 476 с.
41. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: в 2 т. [Текст] / ред. кол.: П.С. Кабытов (гл. ред.) и др. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара ООО «Слово», 2020. – Т. 1. – 480 с.
42. Каменский, А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века: опыт целостного анализа. – Москва: Российский гос. гуманитарный ун-т, 1999. — 575 с.

43. Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях [Текст] / соч. Н.М. Карамзина. – Б.м.: б.и., 1870. – 64 с.
44. Карнович, Е.П. Значение бироновщины в русской истории [Текст] / Е.П. Карнович // ОЗ. – 1873. – № 10, 11.
45. Ключевский, В.О. Сочинения В.О. Ключевского [Текст]: в 9 т. / под ред. В.Л. Янина. Т. 4. Курс русской истории. – Москва: Мысль, 1987-1990, 1989. – 398 с.
46. Козлова, А.А. Органы государственной власти в правление императрицы Анны Иоанновны [Текст] / А.А. Козлова // Азиатская Россия. Люди и структуры империи. – 2016. – С. 212-217.
47. Кондратенко, Т.А. Концепция «Тюдоровской революции в правительстве» Джеффри Элтона и ее критика в современной британской историографии [Текст] / Т.А. Кондратенко // Омский научный вестник. – 2009. – № 3 (78). – С. 46-49.
48. Корсаков, Д.А. Артемий Петрович Волынский: Биографический очерк [Текст] / Д.А. Корсаков // Древняя и новая Россия. – 1877. – № 8. – С. 277-295.
49. Корсаков, Д.А. Артемий Петрович Волынский и его конфиденты [Текст] / Д.А. Корсаков // Из жизни русских деятелей XVIII века. – Казань: тип. Имп. ун-та, 1891. – С. 283-330.
50. Корсаков, Д.А. Воцарение Анны Иоанновны [Текст] / Д.А. Корсаков. – Казань: типография Императорского университета, 1880. – 303 с.
51. Кортунув, А.И. Казаки-мусульмане на службе в казачьих войсках Южного Урала (XVI-XIX вв.) / А.И. Кортунув, А.А. Фокин. – Уфа: БГПУ имени М. Акмуллы, 2016. – 112 с.
52. Костомаров, Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей [Текст] / Н.И. Костомаров. – Москва: Эксмо, 2003. – Т. 4. – 544 с.
53. Кром, М.М. Рождение государства: Московская Русь XV-XVI веков [Текст] / М.М. Кром. Москва: Новое литературное обозрение, 2018. — 256 с.
54. Крючков, Н.Н. Позиция А.П. Волынского при обсуждении анонимного проекта «об экономических и промышленных нуждах России» 1735 года [Текст] / Н.Н. Крючков // Вестник Пермского университета. – 2015. – № 1. – С. 174-182.

55. Кузнецов, В.А. Новая Закамская линия и образование ландмилиции [Текст] / В.А. Кузнецов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – № 2 (11). – С. 35-40.
56. Курукин, И.В. Анна Иоанновна [Текст] / И.В. Курукин. – Москва: Молодая гвардия, 2014. — 427 с.
57. Курукин, И.В. Анна Леопольдовна [Текст] / И.В. Курукин. – Москва: Молодая гвардия, 2012. –302 с.
58. Курукин, И.В. Артемий Волынский [Текст] / И.В. Курукин. – Москва: Молодая гвардия, 2011. – 411 с.
59. Курукин, И.В. Бирон [Текст] / И.В. Курукин. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – 426 с.
60. Курукин, И.В. «Вскоре тех ведомостей сочинить невозможно: Административная повседневность провинции в эпоху «бироновщины» [Текст] / И.В. Курукин // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 6-1 (39). – С. 35-46.
61. Курукин, И.В. Граф Платон Иванович Мусин-Пушкин: судьба вельможи «эпохи дворцовых переворотов» (культурологический аспект) [Текст] / И.В. Курукин // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2024. – № 9. – С. 42–65.
62. Курукин, И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725-1762 гг. [Текст] / И.В. Курукин. – Санкт-Петербург: Наука, Санкт-Петербургский фил., 2019. – 757 с.
63. Лавринова, Т.И. Царицынская линия: история строительства в 1718-1720 и первые годы существования [Текст] / Т.И. Лавринова. – Волгоград: Издатель, 2012. – 96 с.
64. Ласковский, Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия [Текст] / Ф.Ф. Ласковский. – Санкт-Петербург: в Тип. Императорской акад. наук, 1858-1865, 1858. – 315 с.

65. Лотман, Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) [Текст] / Ю.М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство, 1994. – 576 с.
66. Лысцова, А.С. Внутриполитическая деятельность А.И. Остермана в 1730-х-начале 1740-х гг. в воспоминаниях современников [Текст] / А.С. Лысцова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 421. – С. 144-151.
67. Лысцова, А.С. Реформа Кабинета и Сената 1741 г.: к истории государственных деятелей Б.Х. Миниха и А.И. Остермана [Текст] / А.С. Лысцова // Вестник Вятского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 25-31.
68. Лысцова, А.С. Роль графа А.И. Остермана в регулировании престолонаследия в России в 1730-е – начале 1740-х гг. [Текст] / А.С. Лысцова // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. – 2017. – № 2 (22). – С. 150-161.
69. Мавродин, В.В. Рождение новой России [Текст] / В.В. Мавродин. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1988. – 534 с.
70. Насыров, К.З. «Вся упомянутая комиссия полагается на вашу верность и искусство...». Главный командир Оренбургской комиссии адмирал В.А. Урусов [Текст] / К.З. Насыров, Р.Р. Аминов // Военно-исторический журнал. – 2022. – С. 34-45.
71. Носкова, О.Л. В.Н. Татищев – государственный деятель, военный, ученый (к 325-летию со дня рождения) [Текст] / О.Л. Носкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13. № 5. – С. 287-291.
72. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1. Очерки истории [Текст]: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара: Самарский университет. 2013. – 360 с.
73. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация [Текст]: монография / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. – Самара: Самарский университет. 2014. – 254 с.

74. Очерки истории Самарского Поволжья [Текст] / П.С. Кабытов, Э.Л. Дубман, О. Б. Леонтьева, и др. – Самара: САМАРАМА, 2025. – 268 с.
75. Очерки по истории Башкирской АССР: в 2 т. Т. 1 : в 2 ч. – Уфа: Башкнигоиздат, 1956. Ч. 1. – 303 с.
76. Павленко, Н.И. Анна Иоанновна. Немцы при дворе [Текст] / Н.И. Павленко. – Москва: АСТ-пресс кн., 2002. – 429 с.
77. Павленко, Н.И. Вокруг трона [Текст] / Н.И. Павленко. – Москва: Мысль, 1998. – 862 с.
78. Павленко, Н.И. Соратники Петра [Текст] / Н.И. Павленко. – Москва: Молодая гвардия, 2001. – 492 с.
79. Павленко, Н.И. Страсти у трона [Текст] / Н.И. Павленко. – Москва: журнал «Родина», 1996. – 320 с.
80. Парамонов, А.С. О законодательстве Анны Иоанновны. Опыт систематического изложения [Текст] / А.С. Парамонов. – Санкт-Петербург: типография «Север» А.М. Лесмана, 1904. – 172 с.
81. Пекарский, П.П. Новые известия о Татищеве [Текст] / П.П. Пекарский. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1864. – 66 с.
82. Петрухицев, Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730-1740) [Текст] / Н.Н. Петрухицев. – Москва: РОССПЭН, 2014. – 1062 с.
83. Петрухинцев, Н.Н. Интриги 1730-ых годов и «дело» А.П. Волынского [Текст] / Н.Н. Петрухицев // Вопросы истории. – 2006. – № 4. – С. 30-47.
84. Петрухинцев, Н.Н. Раскол на Яике [Текст] / Н.Н. Петрухицев // Родина. – 2004. – № 5. – С. 78-81.
85. Петрухинцев, Н.Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривластного курса и судьбы армии и флота 1730-1735 гг. [Текст] / Н.Н. Петрухицев. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001 — 352 с.
86. Писарькова, Л.Ф. Государственное управление Россией с конца XVII до конца XVIII века: эволюция бюрократической системы [Текст] / Л.Ф. Писарькова. – Москва: РОССПЭН, 2007. – 742 с.

87. Платонов, С.Ф. Лекции по русской истории [Текст] / С.Ф. Платонов. – Санкт-Петербург: изд. И. Блинов, 1909. – 664 с.
88. Покровский, М.Н. Русская история: в 3 т. [Текст] / М.Н. Покровский. – Санкт-Петербург: Полигон, 2002. 2 т. – 383 с.
89. Польской, С.В. Артемий Петрович и его «злодейские рассуждения и проект» [Текст] / С.В. Польский // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – Т. 10. № 1. – С. 7-14.
90. Рычков, П.И. История Оренбургская (1730-1750 гг.) [Текст] / П.И. Рычков. – Оренбург: Оренбургский губ. стат. ком., 1896. – 93 с.
91. Сафонов, Д.А. Начало Оренбургской истории (Создание Оренбургской губернии в середине XVIII века) [Текст] / Д.А. Сафонов. – Оренбург: Оренб. губерния, 2003. – 92 с.
92. Свистунов, В.М. Восстание Карасакала 1740 г. (по документам Г.Ф. Миллера) [Текст] / В.М. Свистунов // Вестник Томского государственного университета. История. – 2024. – № 89. – С. 151-160.
93. Семин, М.И. Бироновщина [Текст] / М.И. Семин // Исторический журнал. – 1938. № 4. – С. 25-39.
94. Смирнов, Ю.Н. Башкиры Самарского Заволжья: включение в имперское пространство России XVIII-XIX вв. [Текст] // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2020. Т. 22. № 4 (202). – С. 161-173
95. Смирнов, Ю.Н. Деятельность Оренбургской экспедиции под руководством И.К. Кирилова в Заволжье [Текст] // Самарский земский сборник. – 1996. – Вып. 3. – С. 54–64.
96. Смирнов, Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века [Текст] / Ю.Н. Смирнов. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997. – 190 с.
97. Смирнов, Ю.Н. Статус и границы башкирских земель в Степном Заволжье в конце XVIII-XIX в. [Текст] // Проблемы востоковедения. – 2021. № 3 (93). – С. 8-14.

98. Соловьев, С.М. Кн.10: История России с древнейших времен [Текст] / С.М. Соловьев. Т. 19–20 / Отв. ред.: В.В. Копцова. – Москва: Голос; Колокол-Пресс, 1999. – 781 с.
99. Соловьева, С.В. Очерки об экзистенциальном смысле власти [Текст] / С.М. Соловьев. – Самара: Самарский университет, 2009. – 248 с.
100. Столяров, О.Д. Внутриполитическая деятельность А.И. Остермана в период правления Анны Иоанновны [Текст] / О.Д. Столяров // Вестник СамГУ. – 2011. – № 7 (88). – С. 45-48.
101. Строев, В.Н. Бироновщина и Кабинет министров: Очерк внутр. политики императрицы Анны: Ист. исслед. пр.-доц. В. Строева [Текст]. Ч. 1-2. – Москва: тип. Моск. ун-та, 1909-1910. – 77 с.
102. Торопицын, И.В. Служба казачьей команды при калмыцких делах в первой половине XVIII в. [Текст] / И.В. Торопицын // Журнал фронтальных исследований. – 2016. – № 2. – С. 23-42.
103. Троицкий, С.М. Россия в XVIII веке [Текст]: Сборник статей и публикаций [Текст] / С.М. Троицкий. – Москва: Наука, 1982. – 256 с.
104. Троицкий, С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIII веке [Текст] / С.М. Троицкий. – Москва: Наука, 1974. – 395 с.
105. Троицкий, С.М. Финансовая политика русского абсолютизма во второй половине XVII и XVIII вв. [Текст] / С.М. Троицкий // Абсолютизм в России. (XVII–XVIII вв.): Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокапятилетию научной и педагогической деятельности Б.Б. Кафенгауза. – Москва: Наука, 1964. – С. 281–319.
106. Фаизов, А.В. Аппарат Кабинета министров (1731-1741) [Текст] / А.В. Фаизов // Петербургский исторический журнал. – 2020. – № 1 (25). – С. 37-51.
107. Фаизов, А.В. Делопроизводственная документация Кабинета министров в 1731-1741 гг. [Текст] / А.В. Фаизов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2019. – № 3 (23). – С. 38-48.
108. Фаизов, А.В. Организационная структура Сената в 1730-1741 годах [Текст] / А.В. Фаизов // Россия XXI. – 2017. – № 4. – С. 56-81.

109. Фаизов, А.В. Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730-1741 годах: стадии роста [Текст] / А.В. Фаизов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, философия. – 2017. – № 1. – С. 49-62.
110. Фаизов, А.В. «Посыльные» Кабинета министров (1731-1741): курьерская должность и повседневные эпизоды службы [Текст] / А.В. Фаизов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2019. – № 3 (84). – С. 40-44.
111. Фаизов, А.В. Правительствующий Сенат в 1730-1741 гг.: полномочия и компетенция [Текст] / А.В. Фаизов // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2016. – № 4 (35). – С. 34-43.
112. Фаизов, А.В. «Присутствие» Кабинета министров (1731-1741 гг.) [Текст] / А.В. Фаизов // Вестник Сургутского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 26-35.
113. Фаизов, А.В. Состав Кабинета министров в 1731-1733 годах: персональная деятельность членов [Текст] / А.В. Фаизов // Вестник гуманитарного образования. – 2021. – № 4 (24). – С. 20-26.
114. Фаизов, А.В. Состав Кабинета министров в 1734-1741 годах: деятельность основных персоналий [Текст] / А.В. Фаизов // Россия XXI. – 2021. – № 4. – С. 82-107.
115. Филиппов, А.Н. Волынский как кабинет-министр [Текст] / А.Н. Филиппов // Исторический вестник, 1901. – № 5-6. – С. 55-79.
116. Филиппов, А.Н. История Сената в правление Верховного тайного совета и Кабинета [Текст] / А.Н. Филиппов. – Юрьев, 1895. – 486 с.
117. Филиппов, А.Н. Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом [Текст] / А.Н. Филиппов. – Юрьев: тип. К. Матисена, 1898. – 45 с.
118. Филиппов, А.Н. Кабинет министров и Правительствующий Сенат / А.Н. Филиппов [Текст] // Сборник правоведения и общественных знаний. – Москва, 1987. – Т. 7. – С. 1-61.

119. Филиппов, А.Н. К вопросу о Верховном тайном совете [Текст] / А.Н. Филиппов. // Русская мысль. 1896. № 7. – 62 с.
120. Филиппов, А.Н. Новые данные о Кабинете министров [Текст] / А.Н. Филиппов // РМ. – 1901. – С. 1-27.
121. Филиппов, А.Н. Правительствующий Сенат в царствование Анны Иоанновны и Иоанна Антоновича [Текст] / А.Н. Филиппов // История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911. – Санкт-Петербург, 1911. Т. 1. – 665 с.
122. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / Пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – Москва: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
123. Черникова, Т.В. Царствование Анны Иоанновны – реалии и исторические мифы [Текст] / Т.В. Черникова // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2017. – С. 178-216.
124. Шевченко, С.В. Внешнеполитическое положение Среднего казахского жуза и развитие русско-казахских отношений в 30-70-е годы XVIII века [Текст] / С.В. Шевченко // Вестник Омского университета. – 2001. – № 1. – С. 49-52.
125. Шишкин, И.П. События в Петербурге в 1740 и 1741 годах [Текст] / И.П. Шишкин // ОЗ. – 1858. – № 5. – С. 275-278.
126. Шовунов, К.П. Калмыки в составе Российского казачества [Текст] / К.П. Шовунов. – Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калмыцкий институт общественных наук РАН, 1992. – 317 с.
127. Шубинский, С.Н. Граф Андрей Иванович Остерман. 1686-1746. Биографический очерк / С.Н. Шубинский. – Санкт-Петербург: тип. В. Спиридонова и Ко, 1863. – 75 с.
128. Щербатов, М.М. О повреждении нравов в России [Текст] / М.М. Щербатов. – Москва: Наука, 1983. – 174 с.
129. Gloger V. Friedrich Wilhelm, Kurfürst von Brandenburg: Biographie. Berlin, 1989. Рус. пер. Ф. Силонова // Сайт Александра Силонова [Электронный ресурс]. URL: <http://silonov.narod.ru/parents/fried/fried0.htm#c1> (дата обращения: 23.03.2023).

130. Elton, G.R. Studies in Tudor and Stuart Politics and Government [Текст] / G.R. Elton // Papers and Reviews 1973-1981. – Vol. 3.

131. Elton, G.R. Tudor Revolution in Governmen [Текст] / G.R. Elton. – Published by Cambridge University Press, England, 1953. – 466 s.

Диссертации и авторефераты

132. Амантаев, И.Ф. Башкирское восстание 1739-1740 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / И.Ф. Амантаев. – Уфа, 2012. – 207 с.

133. Байназаров, И.И. Тевкелев А.И. и его роль в осуществлении юго-восточной политики России в 30-50-х гг. XVIII века [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / И.И. Байназаров. – Уфа, 2005. – 184 с.

134. Гукова, Е.А. Оборона южных рубежей России в XVIII веке: Украинская линия и Украинский ландмилицкий корпус (1710-1780 гг.) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Е.А. Гукова. Москва, 2009. – 261 с.

135. Имангалин, И.К. Башкирский край в первой трети XVIII века и Оренбургская экспедиция: опыт социально-политического взаимодействия [Текст] : дис. ... канд. ист. наук / И.К. Имангалин. – Уфа, 2013. – 195 с.

136. Крючков, Н.Н. Артемий Петрович Волынский: личность и деятельность [Текст]: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Н.Н. Крючков – Орел, 2008. – 23 с.

137. Лыцова, А.С. Внутриполитическая деятельность А.И. Остермана в 1730-1741 гг. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / А.С. Лыцова. – Екатеринбург, 2017. – 180 с.

138. Савельева, Е.Н. Кабинет министров Анны Иоанновны [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / Е.Н. Савельев. – Москва, 2004. – 189 с.

139. Смирнов, Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья, XVIII - середина XIX вв. [Текст]: дис. ... д-ра ист. наук / Ю.Н. Смирнова. – Самара, 1999. – 540 с.

140. Столяров, О.Д. Иностранцы в правящей элите России в первой половине XVIII в. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук / О.Д. Столяров. – Саратов, 2014. – 227 с.